

МИР

№ 2 - 1926 г.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Изд. — во
"П.П.СОЙКИН"
ЛЕНИНГРАД. СТРЕМЯННАЯ 8

СОДЕРЖАНИЕ

«В 1937 ГОДУ»,—рассказ К. Фаррера, пер. И. Мандельштама, иллюстрации И. А. Владимирова	стр. 1
«ЧУДО В ВОЗДУХЕ»,—описано Д. Уиттекером, иллюстрации Ф. Айли	23
«СУДНО С ЗЕРНОМ»,—рассказ М. Робертсона, с иллюстр., с англ. перев. А. Булгакова	31
«НА СОЛОМОНОВЫХ ОСТРОВАХ»,—очерк Д. Лоренса, с иллюстр., с англ. пер. А. Вебера	53
«КОНТРАБАНДА ОПИУМА»,—картины жизни на островах южных морей, очерк капитана П. Гранта, с 6 иллюстр.	65
«ТАИНСТВЕННЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ Д-РА ХЭКЕНСОУ»:	
«VI. ЩИТ ПРОТИВ ТЯГОТЕНИЯ»,—рассказ К. Фезандие	87
«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!» задача № 10	103
«ШКАФ Д-РА ГЛИ»,—рассказ А. Хельригеля, с иллюстрациями	105
«КОИМБРА»,—очерк Рода Рода,—с иллюстрациями	121
«ВЫКУП»,—рассказ О. Генри,—с английского, иллюстр. В. Рош	129
«НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!»—Задачи №№ 11 и 12 с решениями	141
«ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ». Откровения науки и чудеса техники: «Возможен ли полет на луну?» Научная заметка проф. Н. А. Морозова (Шлиссельбуржца)	147
«Использование теплоты земного шара»,—заметка инж. В. Д. Никольского, с иллюстрациями	151
«По льдам и снегам на автомобиле»,—с иллюстр.	153
«Грузовые винтолеты»,—с иллюстр.	155
«В погоне за тишиной»,—с иллюстр.	156
ОТДЕЛ ЗАДАЧ НОВОГО ТИПА: «Переплетенные слова».	
Задачи №№ 1 и 2	157
ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК	на 3-й стр. обложки.

Обложка художника Ф. Айли.

ПОДПИСКА НА 1926 ГОД ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

„МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ“ выходит ежемесячно книгами, со множеством иллюстраций русских и иностранных художников.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 1 год с доставкой и пересылкой 5 руб., на 6 мес.—3 рубля.

ПОДПИСКУ и ДЕНЬГИ АДРЕСОВАТЬ: Ленинград, „МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ“.
Стремянная, 8.

„МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ“ за прежние годы распродан. Имеются сборники: №№ 1, 2 и 3 за 1924 г. №№ 1, 2, 3, 4, 5 и 6 за 1925 г. Цена каждого № 50 к., с перес. 70 к.

Рассказ Клода Фаррер.
С французского.

Перевод И. Мандельштама. Рисунки И. А. Владимирова.

I.

В Лондоне в шесть часов вечера восприняты были три толчка, очень слабых. Прохожие почти не обратили на них внимания, и полиции даже не пришлось водворять порядок. Сейчас же после этого троттуары и мостовые приобрели прежнюю незыблемость. И жителям, разумеется, даже в голову не приходила мысль о катастрофе, весть о которой в начале девятого часа точно с неба свалилась...

Мисс Грахам, единственная дочь сэра Кристофера, — строителя туннеля под Ламаншем, — одевалась к обеду, с тем, чтобы после обеда отправиться в Друри-Лен, где пела французская певица Сильва Бель: ибо Францию мисс Грахам, говорят, любила более страстно, чем этого желал-бы сэр Кристофер... И одеваясь перед трехстворчатым зеркалом, мисс Грахам заметила, что ее собственное отражение внезапно вздрогнуло, как в ознобе. Удивившись, она подошла к окну и открыла его. Дом сэра Кристофера выходил на Берклей-Сквер. Влажный теплый воздух опухнул молодую девушку: вечер надвигался душный и предвещал, быть может, грозу. Но старые деревья, казалось,

не ощутили дрожи, а птицы, притаившись в листве, если, пожалуй, и открыли глаза на миг, то клювов не раскрывали. Мисс Грахам ничего не услышала и не заметила, кроме торжественного гула Лондона и вечерней мглы.

В Париже это было лучше или хуже: в течение двух с половиною часов население ничего не знало и даже не подозревало: телеграфные и телефонные связи были, правда, нарушены в значительной мере. Париж с первого же мгновения оказался отрезанным от Лондона, — это само собою разумеется, — а также от Брюсселя, Кельна, Копенгагена, Нью-Йорка и всех северных французских городов. Но небо оставалось синим, воздух — спокойным; нигде не раздавалось какого-либо подозрительного шума, и барометр продолжал показывать 760. А почва даже не заколебалась...

Тем не менее, все радио-телефонные приемники, вследствие явлений отражения, которые трудно объяснить научно, перестали действовать на довольно долгое время, — как частные, так и общественные, разумеется. В то время радио-телефония уже получила широкое

распространение, и аппаратов насчитывалось много десятков тысяч.

В то время, как в Лондоне мисс Грахам удивлялась, что зеркало ее задрожало, Жак Ториньи, третий секретарь французского посольства при его британском величестве, за два дня до этого приехавший в Париж, находился в своем старом особняке на набережной Бетюн. Жак Ториньи приехал в Париж только на неделю и не был этим огорчен, потому что любил Англию почти так же страстно, как мисс Грахам любила Францию, и — как знать, — быть может, по симметричным причинам. Одевался он также к обеду с тем, чтобы отправиться затем в Варьетэ, где пел ирландский комик О'Доноган, — и рассеянно слушал вечерние сообщения агентства Рейтера, передававшиеся ровно в шесть часов. И вдруг передача прекратилась. И в ту же секунду то же произошло с тридцатью, сорока или пятьюдесятью тысячами парижан. Все были поражены. Но все, кроме одного, — кроме Жака Ториньи, — предположили какую угодно причину этого явления, только не землетрясение...

А между тем это было именно землетрясение, ибо эта ночь была ночью 6 июня 1937 года.

II.

Чем было землетрясение 6 июня 1937 года ¹⁾ и как вся Европа и вся планета были им потрясены, это всем на свете известно. Многие однако не помнят, что сила катаклизма не находилась ни в каком соотношении с его последствиями. Тут даже не приходится говорить о сейсмической катастрофе; это был, вернее, гигантский геологический подъем. Три толчка, ощущав-

¹⁾ Разумеется, это число — 6 июня 1937 года — является совершенно гадательным. Автор отнюдь не берет на себя роли прорицателя, считая себя совершенно недостойным ее.

шиеся в Лондоне, были только последнею судорогой трех порывов мертвой зыби, пронесшихся один за другим под земной корою, в горниле центрального огня. И, по счастью, ни один из этих порывов не расплеснулся, иначе говоря, — не прорвал твердой коры. Ни разрыва, ни трещины. И ничего похожего на извержение. Явление ограничено было очень узкими пределами; все произошло в эллиптической зоне, ориентированной с востоко-юго-востока на западо-северо-запад, протяжением, приблизительно, 500 километров по большой оси и в 200 километров по малой. Но вся поверхность этого эллипса поднялась сразу, — вздулась, как кипящее молоко, — и после третьего удара мертвой зыби не опустилась.

Таким образом, весьма естественно образовался выступ почвы, на площади, приблизительно, в сто тысяч квадратных километров. Вертикальные отметки на старых картах пришлось увеличить в среднем на 50 метров. И кульминационная точка выступа совпала с восточным фокусом эллипса. Новая ее высота над нижайшим морским уровнем составила 165 метров, тогда как раньше эта же точка скрывалась на глубине ровно 37 метров ниже уровня соленой воды. Ее географические координаты были — и, конечно, продолжают быть — 50° 15' северной широты и 0° 10' восточной долготы, считая от Гринвичского меридиана. Реки Арон и Сомма протекают ныне у подножья этого пригорка, пышно именуемого горою Прекрасного Согласия, с тех пор, как там проходит новая англо-французская граница...

Ибо, роковым образом, первым и самым значительным результатом землетрясения 1937 года было исчезновение того древнего моря, которое англичане называли Ченнелем, а французы Ламаншем. Обмелев на семь десятых своей поверхности, оно оставило на западе только два залива, Нормандский и Бретанский, разделенные англо-нор-

мандским полуостровом, на котором господствуют три вершины, Джерси, Гернерси и Ориньи; и ничего не оставило на востоке, где новая дельта Соммы углубляется в Северное море на добрых шестьдесят километров дальше того места, которое называлось когда-то Паде-Кале.

...Таков был первый и самый значительный результат. Это не подлежит никакому сомнению. Чтобы прийти к такому заключению; достаточно взвесить следующее:

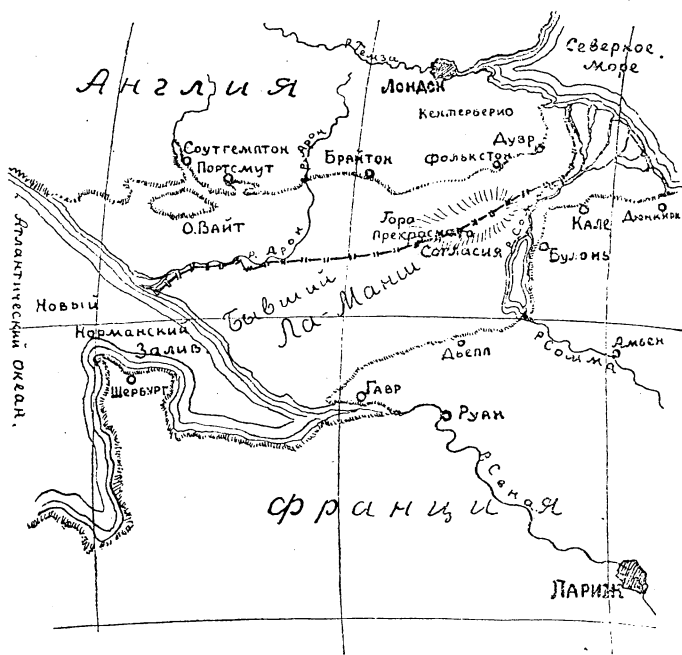
Землетрясение 1937 года сопровождалось, конечно, множеством человеческих жертв. Тридцать городов, в том числе Портсмут, Брайтон, Гавр, Диеп, Дувр, Кале, Шербург и Кентерберри обратились в прах. Погибли бесценные произведения искусства. Даже по истечении пятнадцати лет¹⁾ исчезли еще не все следы этого бедствия...

Однако, и они исчезнут, и бедствие это как-никак было только местным. Между тем, лик всего мира несомненно изменился навсегда под влиянием того единственного обстоятельства, что в ночь 6 июня 1937 года Англия, внезапно и прочно соединившись с материком посредством перешейка, ширина которого в самой узкой части превышает полтора километра, тем самым перестала быть островом.

III.

Дальнейшее, не представит, конечно, интереса для всех. Тем не

¹⁾ Предполагается, что рассказ этот написан в 1950 или 1955 году.

Англия и Франция после землетрясения 1937-го года.

менее забавно установить, что 6-го июня 1937 г. предполагавшийся брак мисс Грахам, единственной дочери сэра Кристофера, строителя туннеля под Ламаншем, с Жаком Ториньи, французом, секретарем посольства, отнюдь не был вопросом решенным. До этого было еще очень далеко.

Мисс Грахам—родители и близкие называли ее Джэн,—была белокура, как француженки эпохи Людовика XIV, иначе говоря,—волосы у нее были солнечно-золотистые. Глаза—два синих корунда, а щеки—два лепестка. Чтобы познакомиться с ее нравом, откройте Вальтер Скотта и слейте в единый образ Юлию Маннеринг и Диану Вернон: это и будет в точности Джэн Грахам. Что касается до Жака Ториньи, то, родившись в 1912 году, он научился латыни благодаря Леону Берару и боксу благодаря Кристи. Таким образом, вполне естественно, что Мисс Грахам с первого же рукопожатья влюбилась в Жака Ториньи и что в то же мгновение Жак Ториньи понял, как безнадежно и безмерно полю-

бил мисс Грахам. Заметьте, что они познакомились у леди такой-то, на которую небом возложено было поручение соединять узами брака всех молодых людей общества, стоивших того. И, конечно, чета Грахам-Ториньи этого стоила. Жак Ториньи принадлежал к лучшей республиканской знати Франции; и, тем не менее, был настоящим джентльменом. Перед ним открывалась большая карьера и удачно выбранной госпоже Ториньи очень скоро предстояло сделатья супругою посла. Что-же касается мисс Грахам, то она не довольствовалась тем, что была дочерью сэра Кристофера, строителя туннеля под Ламаншем; была она также и прежде всего последним отпрыском великого рода Грахамов, подарившего Англии несметное количество героев. Леди такая-то, женщина симпатичная и знавшая толк в этом деле, пророчила благоденствие сердечному согласию не позже, чем через десять лет: такая Грахам непременно должна была вернуться в Лондон под руку с таким Ториньи, облеченным званием Чрезвычайного и Полномочного...

Однако...

Однако этого мнения не разделял сэр Кристофер, а ведь его голос в данном вопросе имел значение.

Сэр Кристофер любил, конечно, Францию, как многие, многие англичане. Но он прежде всего был крупным миллионером и к тому же рассчитывал в скором времени тысячекратно увеличить свои миллионы благодаря туннелю под Ламаншем. Кроме того, этот человек, умевший точно считать, знал, что третий секретарь французского посольства работает ради чести и что посольство разоряет посла, если он не исключительно богат. Жак Ториньи имел шестьдесят тысяч франков ренты... а франки эти в 1937 году все еще были бумажными франками, которых нужно иметь восемьдесят или сто, чтобы владеть одной гинеей.

Вот почему сэр Кристофер, многократный миллиардер *in spe*, наотрез отказал Жаку Ториньи, когда тот попросил у него руки мисс Грахам. С нею самой, как с несовершеннолетней, отец не посоветовался. И когда она выразила по этому поводу протест, сэр Кристофер обошелся с нею совсем неласково.

И в правду, я знаю много честных отцов семейств, которые вполне одобряют поступок сэра Кристофера. Таковы, главным образом, отцы, обожающие своих дочерей.

Жака Ториньи, разумеется, совсем не привела в уныние такая безделица, как родительский отказ. И мисс Грахам, осыпанная отцовскими проклятиями, только улыбалась. Тем не менее, 6 июня 1937 года, в то время, как мисс Грахам глядела в окно на Беркли-Сквер, а Жак Ториньи был обеспокоен прекращением радифонных сообщений Рейтера, брак Ториньи-Грахам был делом отнюдь не решенным.

IV.

В ту пору туннель под Ламаншем,—до великой европейской метаморфозы 1937 года,—представлял собою самое необычайное и в то же время самое доходное дело...

О нем начали говорить еще в 19 столетии. Делались подсчеты, проекты, чертежи. Составлены были сметы и вычислены доходы. В конце концов, сэр Кристофер Грахам смело объявил, что берется, наконец, осуществить этот экстравагантный проект железнодорожного пути, непосредственно соединяющего Лондон с Парижем под Па-де-Келе, в ту пору еще существовавшим. С финансовой точки зрения этот туннель открывал бесконечные перспективы; с технической не представлял никаких затруднений и мог быть выполнен еще в семидесятих годах прошлого столетия. Но само собою разумеется, что Англия не так-то просто отнеслась бы к этой затее. „Блестящая изолированность“

еще являлась одним из догматов британской политики в 1937 году. Сэру Кристоферу Грахаму все это было известно, но планам ничуть не мешало... Пожалуй, даже способствовало.

Как англичанин, он был вполне доволен этой изолированностью. Географическое положение до катаклизма 6 Июня 1937 года постепенно превращало Англию, как изолированное государство Европы, в такую же привилегированную страну, какой является Япония по отношению к Азии: в страну, так сказать, застрахованную от грабежей, пожаров и несчастных случаев и платившую за это ничтожную страховую премию в виде флота, более сильного, чем все остальные флоты земли. В этом бесспорно было нечто несправедливое и некорректное; безнравственное даже, если называть вещи своими именами...

И катаклизм 6 Июня 1937 года, пожалуй, м... как знать... водворил справедливость...

Туннель под Ламаншем давал сэру Кристоферу Грахаму никак не меньше тысячи фунтов стерлингов ежегодного дохода. А между тем туннель под Ламаншем был, бесспорно, всего лишь утопией. Но в Европе, да и во всем мире, народы никогда не позволяли критиковать утопии. И все охотно оплачивают каждую из них, пока невозможность не выясняется с полной очевидностью.

V.

Уже 7-го Июня Жак Ториньи был срочно вызван из Парижа в Лондон. Как и всегда, он отправился из Бурже в 3 часа дня, аэролюксом, который прибывает в Кройдон в 4 часа 8 минут. И пролетая над новыми землями, выплывшими накануне, сереющими и поблескивающими непросохшим подводным илом, он изумлялся, еще не вполне уясняя себе происшедшее.—Очевидно, это была настоящая девственная почва, простирающаяся без

конца и края... Целые области, чорт возьми!.. Очевидно, эксплуатация этих областей должна была мало по малу, так или иначе, покрыть весь ущерб, какой только мог быть причинен катаклизмом. Меньше чем в полчаса, сквозь зеркальное окно аэроплана, Жак разглядел полуразрушенный Аббевиль, Булонь в развалинах, Фолькерон, рассыпавшийся в прах, и Кентербери, увы!— без собора. А снижаясь, путешественник подскочил и повернулся в кресле, чтобы обозреть горизонт: где же море?—его не видно! Его и не было видно. Моря больше не существовало...

Тогда, под влиянием рефлекса, не сразу уловив его своевременность, Жак Ториньи вспомнил, что на полпути между Булонью и Фолькероном пролетал над своего рода огромной рекой, такой широкою, что ее сразу можно было принять за озеро, и катившею с юга на север медленные и тяжелые воды землистого цвета. Он, впрочем, не догадался в этот миг, что эта река была просто Соммою, которая за одну ночь стала достойною соперницей Темзы,—соперницей счастливою,—и что этой удлинившейся Сомме суждено меньше, чем через шесть недель, сделаться по взаимному соглашению почти естественной границей между новыми французскими департаментами и новыми английскими графствами...

В посольстве Ториньи поджидала на его столе кипа желтых телеграмм. высотой сантиметров в тридцать. Он и не заметил, как прошло обеденное время: слишком страшные вещи сообщались в телеграммах. Парижский и Лондонский кабинеты, сразу согласившись в принципе относительно необходимости организовать всеобщую и международную помощь пострадавшему населению, сразу же разошлись по вопросу о распределении пострадавших зон в административном отношении. На очередь уже стал вопрос о границе, суля значительные осложнения.

— О, боже,—думал несчастный секретарь,—эта история ни мало не приблизит меня к Джэн... Только бы, по крайней мере, не вспыхнула война!

И, покончив с телеграммами, Жак не устоял против искушения пойти к леди такой-то, которая в этот вечер принимала. Мисс Грахам, по обыкновению, там была; и хотя ничего не было в Лондоне более светского и добродетельного, чем вечера у леди такой-то, катаклизм всех до того переполошил, что Жаку Ториньи удалось целых три четверти часа проболтать с мисс Грахам, не обратив на себя чьего-либо внимания, даже внимания сэра Кристофера.

То, что они вначале говорили друг другу, встретившись после трех дней разлуки, показавшейся им тридцатидневною, не касается решительно никого, кроме их, и рассказывать об этом было бы кощунственно. Но, покончив с клятвами во взаимной и вечной любви, они тоже принялись беседовать о катаклизме. И Жак Ториньи опять стал жаловаться: все эти бедствия, несомненно, послужат новыми и страшными препятствиями для любви Джэн Грахам и Жака Ториньи...

— О! Вы думаете? — возразила вдруг Джэн. — Мой отец иного мнения. А между тем, он человек деловой и редко ошибается.

— Что вы говорите? — воскликнул в изумлении Жак. — Что-же сказал вам отец.

— Мой отец сказал: простите, что я передаю вам его дословные выражения, дарлинг... Он сказал, что эти кровавые французы стакнулись, должно быть, с дьяволом, на счет этого дела, и что отныне всякий англичанин и даже он сам, мой отец, должен будет чистить сапоги всякому французу, раз Ламанша больше нет. — Да, по одной той причине, что Ламанша больше не существует, сказал он, — вы с нами сравнялись; и это кажется моему отцу чудовищным событием.

— О, — воскликнул Жак, — Джэн, моя дорогая, я с вами сравняюсь,

чуть только свободно заключу вас в объятия, в постеле...

— Молчите! — возмутилась Джэн Грахам. — Нужно быть, в самом деле, французом, чтобы только представить себе такие бесстыдные вещи. Но все-же я говорю вам: мне кажется, Джэмс, darling, мне кажется, что если бы... если бы вы меня заключили в объятия в этом... в этом месте, которое вы называли... в этой постеле, да... то это, пожалуй, было-бы не так уж плохо... И это принесло бы, пожалуй, и Англии, и Франции... как знать... богатые плоды...

VI.

Однако, это произошло не сразу.

Тут надо напомнить читателю, что в 1937 году барометр франко-британских отношений совершал весьма тревожные и весьма неожиданные колебания между „устойчиво ясною погодою“ и „грозою“. Со времени хромого мира 1919 года, мировое равновесие, впрочем, ни разу не восстанавливалось прочно, но в этот год положение грозно ухудшилось: экономический кризис в Англии, для которого почти нельзя было придумать непосредственного разрешения, волновал почти все население Соединенного Королевства. Лондон и Париж смотрели друг на друга, как волки, между тем как в Мадриде и в Риме испанский и итальянский премьеры, обеспокоенные прусскими притязаниями, терроризируемые мыслью о возможности какого-либо нового европейского конфликта, кое-как утешались только тем, что один посматривал на Пиренеи, другой на Альпы, но не знали в какую дверь постучаться, чтобы надежно застраховаться от войны, и согласились бы заплатить любую премию, лишь бы страхователь был достаточно плечист.

— Чорт возьми, — сказал кто-то, — ясно, что вечный союз между Францией и Великобританией, — союз, который неизбежно вовлек бы

в свою сферу влияния Италию, Испанию и Бельгию, — ясно, что такой союз упрочил бы навеки мир и безопасность вселенной.

— Ах,—ответил кто-то другой,—если бы кит и слон заключили между собою союз, земля принадлежала бы им! К несчастью, кит—черезчур морское животное, а слон недостаточно морское. Вот почему они никогда не придут к соглашению, говоря на слишком различных языках. А волкам и акулам предоставлена, поэтому, возможность терзать бедный мир...

VII.

Уже 8-го Июня, в Foreign Office между полномочными представителями его британского величества и французской республики, по счету третьей, возгорелся жаркий спор. Английский премьер, герцог Сент-Джемс, занимавший в шестой раз пост, имел ассистентов в лице своего сотрудника по иностранным делам, знаменитого лидера радикалов, сэра Давида Осборна, и первого лорда адмиралтейства, admiral of the fleet маркиза Коронеля ¹⁾. Представительство, несомненно, блестяще. Но это не имело значения, ибо за спинами этих трех старых джентльменов, маститых и учтивых, мирно сидящих за зеленым сукном своей дипломатии, внезапно выросло Нечто, — Нечто огромное и непреодолимое: сама Англия.

Вся Англия, правительство, оппозиция, парламент, печать, и обыватель, и король.—Вся Англия едиனுшная и уже наэлектризованная...

— Тревожное положение, не правда-ли?

Французский посол, совсем один, без ассистентов, был в раздраженном состоянии духа. Французский

¹⁾ Автор просит прощения, что выбрал, во устранение всякой возможности намеков, название морской битвы, проигранной, а не выигранной англичанами. Но Англия одержала на море столько побед, что ни один англичанин, надо надеяться, не почувствует себя задетым.

премьер не приехал: нет человека в Европе, в большей мере обремененного нелепыми и пагубными занятиями, чем французский премьер. Что-же до Жака Ториньи, сопутствовавшего своему послу, то его значение равнялось нулю.

— Тревожное положение,— милый мой. Вы не находите?

Посол глядел на Жака Ториньи. Но со времени свидания Жака Ториньи с Джэн Грахам и с того мгновения, как Джэн Грахам шепнула ему несколько обнадеживающих слов,—хотя и загадочных,—Жак Ториньи решительно сделался оптимистом.

— Господин посол,—весело ответил он,—нет, я этого не нахожу.

Он прибавил, подумав немного:

— Я совсем не думаю, что вещи примут дурной оборот.

Обнаруживая тем самым свой оптимизм, он думал о волосах мисс Грахам,—таких золотистых.

VIII.

Когда-то, при возникновении войны 1914 года, многие пророки единогогласно предсказывали тоном оракула, что „это продлится пять недель, не больше“; это длилось, как всем известно, пять лет, или около того. Позже, когда начался в 1919 году этот мир идеологов à la Вудро Вильсон,—мир настолько немирный, что гоняя французские войска из Франкфурта в Бармен и из Майнца в Эссен—недавние пророки, ничуть не смущенные, опять принялись за прорицания: как долго продлится этот мир? И во сколько обойдется он человек убитых, раненых и пропавших без вести. И что придет ему на смену, новый ли мир, менее шаткий, новая ли война, менее лицемерная? На этот вопрос пророки разошлись во взглядах и предложено было десять тысяч совершенно различных решений. Но всего забавнее то, что и на этот раз пророки ошиблись. В действительности, иронические боги подготовили для человечества такое логическое заключение, что надо было

быть Барухом Спинозой, чтобы к нему прийти.

Вокруг дипломатического стола, весь день 8-го Июня ушел на болтовню. Франко-английская граница, которую надлежало установить, была как-бы заранее проведена природою. И полномочные представители не могли не признать, что с одной стороны Сомма, ставшая большой рекой, дельта которой простиралась от Дюнкирхена до устья Темзы; — что с другой стороны Арон, удлинившийся теперь на двести километров и впадавший в Новый Нормандский Залив, на расстоянии ровно двенадцати лье от того места, которое было раньше островом Вайтом; — и что гора Прекрасного Согласия, которою разделены были обе долины, — составляли в совокупности самую разумную и справедливую естественную границу, которую только можно было установить между Северным Морем и Атлантическим Океаном. Три английских представителя, однако, не желали с этим согласиться под тем благовидным, впрочем, предлогом, что договаривающиеся стороны получили бы при этом не одинаковые части новой земли. И в самом деле, линия Соммы и Аркона присоединяла к Франции двадцать пять тысяч квадратных километров неожиданной территории, тогда как на долю Англии приходилось только пятнадцать тысяч. Франция бесспорно оказывалась в выигрыше. Но всякая другая граница носила бы весьма искусственный характер; такова уж была прихоть землетрясения, перед которой бессильны были всякие препирательства.

Все же прения продолжались и становились все острее, потому что французский премьер попрежнему отсутствовал, задержанный в Париже множеством равно непреодолимых препятствий. Имея, таким образом, перед собою одного только посла, герцог Сен-Джемс, сэр Давид Осборн и маркиз Коронель нажимали на все педали, рассчиты-

вая на слабость или ошибку своего единственного противника, на ошибку или слабость, которые поставили бы, пожалуй, французского премьера, тотчас-же по его прибытии, перед совершившимся фактом. Посол был человек осторожный, но старый. И Жак Ториньи, которому этикет слишком часто мешал высказаться, не без тревоги стали замечать под конец дня капельки пота, выступавшие по временам на висках разбитого усталостью полномочного представителя Франции.

Но близилась неожиданная помощь, и когда в четыре часа пополудни возник инцидент, интересы республики еще не потерпели никакого ущерба.

IX.

Сначала донесся легкий шум, скользящий над землею, как ласточка перед грозой, *pianissimo*, затем он *vires aquirit eundo*, наполнил все улицы Лондона, ринувшись вперед, завертевшись вихрем, разразившись громом, и превратился в общий вопль, в массовое *strependo*, в мощный хор ужаса и оторопи. Крах 8 июня 1937 года вырвался из стен Stock Exchange и бурно разлился по всей столице и по всем трем королевствам. В мягкий конфликт, происходивший в покоях Foreign Office он влетел, как падает раскаленное ядро в озеро, где кишат большие молчаливые пресмыкающиеся.

— What's the matter? ¹⁾ — спросил чрезвычайно сухим тоном английский премьер, когда на его звонок прибежали два курьера.

— Милорд герцог, это на бирже, — проговорил запинаясь один из них, страшно бледный. (Этот человек, разоренный в тот-же миг, покончил с собой несколькими часами позже).

— На бирже? Но что? Какую вы мне скажете глупость?

1) В чем дело?

Другой курьер, более спокойный (он пережил этот крах), объяснил кое-как следующее: еще накануне акции Ламаншского туннеля толчкообразно рухнули; и вслед за этим страшно пошатнулись многие другие ценности. Это бы еще все не беда, но вдруг, между двумя и четырьмя часами дня, всю биржу охватила паника и английские фунты бешено полетели вниз.

— Фунт стерлингов, милорд-герцог, еще в полдень равнялся девяноста семи французским франкам. В три часа — восемьдесят восемь...

— Вы с ума сошли!

— О, милорд-герцог, это бы еще ничего, но только что на улице его предлагали за восемьдесят один...

Вокруг зеленого сукна воцарилось глубокое молчание. И снаружи, впервые, сквозь заслон, сквозь двойной заслон закрытых окон и обширных садов, донесся крик. Вдали чей-то голос прокричал число, внятно прозвучавшее:

— Seventy four (семьдесят четыре)...

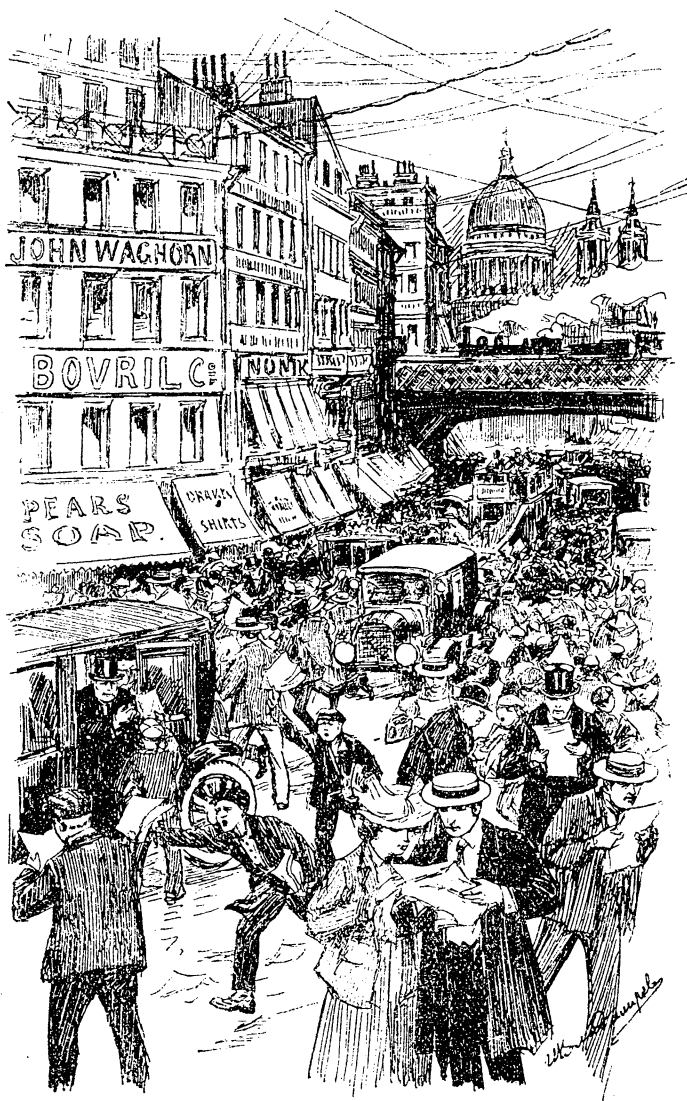
— Господин председатель, — произнес с внезапно просиявшим и даже отдохнувшим лицом французский посол, — я полагаю, что ваша светлость вместе со мною найдете необходимым приостановить заседание... Если фунт стерлингов так упал в столь короткий срок, чуть ли не двадцать три франка...

Он говорил по-французски в первый раз с самого утра. Английский премьер машинально ответил ему тоже по-французски, и ответил впросом:

— Пусть бы даже биржа была потрясена столь невероятным финансовым ударом,

ваше превосходительство не делайте же из этого, надо думать, того заключения...

— Что происшедший третьего дня катаклизм, уничтожив водную преграду, которая разделяла оба наши народа, создает теперь меж-

Крах бурно разливался по всей столице Англии...

ду ними подлинное равенство и что это уже отразилось, весьма логическим образом, на бирже. Конечно, господин премьер. Именно такое делаю я заключение из того... Из того, о чем кричат на улице, и притом так громко кричат, что ваша светлость не можете этого не слышать...

Кричали действительно. И снова крик долетел сквозь сады и сквозь окна:

— Sixty nine (шестьдесят девять)...

Надо отдать справедливость Жаку Ториньи, честолюбивому французу и весьма светскому человеку: он ни на мгновение не пожалел о сотне тысяч фунтов стерлингов дохода, единственною наследницею которого была еще накануне мисс Грахам. Но если называть вещи своими именами, Жак Ториньи любил столь подлинной любовью самое Джэн Грахам, что его не могло особенно занимать количество платьев, которое бы она могла или не могла ввезти в его дом в добавление к себе самой...

X.

— Я выражаю вашей светлости искреннее и глубокое соболезнование от имени всей Франции. — Вы и мы, господин председатель, сражались рядом двадцать лет тому назад за свободу и мир. Подобные воспоминания, столь скорбные и столь светлые в то же время, являются узами, которые не могут ослабеть никогда. Вся французская армия облачилась в траур, оплакивая каждого английского моряка, погибшего в этой страшной катастрофе. Гибель каждого английского крейсера весь народ наш воспринял, как утрату своего полка. О, господин председатель, я догадываюсь, какое вы могли бы сделать возражение: вы могли бы сказать, что наши народы всегда были соперниками... Да, они были, несомненно, соперниками, но вполне честными. А в недавнее время они были союзниками и остались друзья-

ми. Поверьте же моему уверению в полном сочувствии, какое в нас вызвало несчастье, стрясшееся над британским народом. Главным же образом, поверьте моему уверению, что Англия, воссоединившись ныне с материком, сохранила такую же независимость, какую пользовалась накануне, хотя ее прежней блестящей изолированности внезапно пришел конец...

С такою речью обратился к английскому премьеру наконец-то прибывший французский премьер.

Происходило это 10-го июня. Но за последние два дня последовало много событий одно за другим.

И прежде всего, за это время выяснились потери, понесенные вследствие катаклизма, королевским английским флотом. Адмиралтейство, вернее старым традициям британского *fair play*, отказалось окружить их тайною. Семь сверхдредноутов последнего типа погибло в опустошенном Портсмуте; семь сверхдредноутов — половина морских сил королевства. Англия, которая с 1922 года, после трагической Вашингтонской конференции, перестала быть первою в мире морской державой, отныне не была уже второй, ни даже третьей. Соединенные Штаты, Япония и возрожденная Россия отбрасывали ее впрямь на четвертое место. А будущее рисовалось еще более мрачным: не придется ли спешно отозвать в английские воды из Мальты и Гибралтара средиземно-морскую эскадру? А итальянский флот, давно освободившись от всякой французской конкуренции, не делается ли сразу суверенным властителем того Средиземного моря, которое представляет собою путь в Индию и на Дальний Восток, и в Австралию, и в Новую Зеландию? Отрезанная от половины своих владений, к которым тянулось уже столько других рук, старая Англия на веки переставала господствовать, по божественному праву, над волнами. И отныне уже ничто европейское не могло быть

ей чуждо. Тем более, что в Европе за эти двадцать четыре часа произошел внезапно ряд важных событий...

Не одна только Англия жестоко пострадала от катаклизма, Франция, раненая менее опасно, как ни как поплатилась тоже.

„Франко-английский катаклизм!“ Таков был с шестого по десятое июня главный заголовок всех газет по ту сторону Пиринейских гор, по ту сторону Альп и, разумеется, по ту сторону Рейна... И уже 9 июня прусские полчища, слишком хорошо снабженные пулеметами, газометами и бациллометами, переправлялись через Рейн к северу от Кельна; и, мгновенно развернувшись в прирейнских областях, мгновенно двинувшись на Брюссель и Антверпен, размахивали огромными знаменами, красными, белыми, черными, на которых красовался горделивый лозунг „nach Paris, nach London...“

И оба премьера, французский и английский, узнали об этом одновременно...

XI.

„Nach Paris, nach London...“

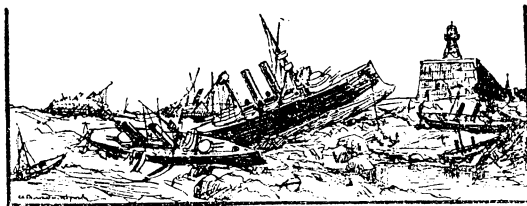
И ведь, вправду, вторую половину программы осуществить было теперь не на много труднее, чем первую...

... Ибо не существовало больше Па-де-Кале!..

XII.

Замечательнее всего то, что в Лондоне обыватель все понял сразу.

Этот человек, обыватель, представитель народа, англичанин, был бесконечно менее глуп, чем это когда либо мог

предполагать какой бы то ни было Ллойд-Джорж.

И этот человек сразу понял, что перестал быть островитянином; что нужно научиться жить по-новому; что эта новая жизнь будет, конечно, иною, но все же приемлемой...

Приемлема же она была извечно для всех других народов... А британский народ чем же хуже любого другого народа?..

Под окнами английского премьера уже десятого июня вечером английский народ манифестировал в пользу оборонительного и наступательного союза Соединенного королевства с республикой.

XIII.

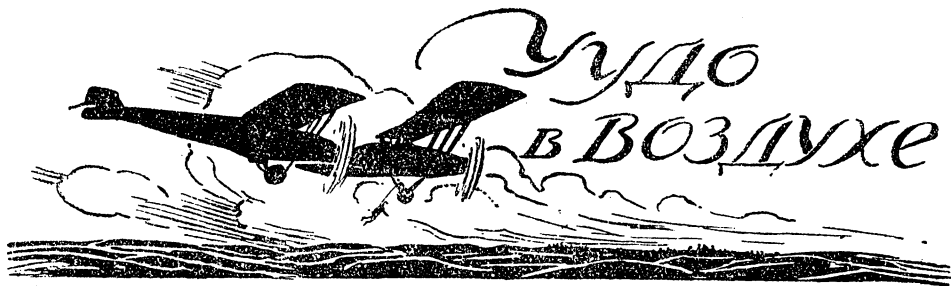
И уже 12 июня, не позже, сэр Кристофер, отец мисс Грахам, срочно пригласил к себе Жака Ториньи.

(Жак Ториньи продолжал быть всего лишь третьим секретарем французского посольства, но сэр Кристофер перестал быть строителем туннеля под Ламаншем, по той простой причине, что уже не могло быть туннеля под уже не существовавшим Ламаншем).

— Мой милый мальчик, — начал ex-abrupto сэр Кристофер, — я, конечно, не разорен. Но я значительно менее богат, чем был семь дней тому назад. Желаете ли вы, тем не менее, как и раньше, получить руку моей дочери Джэн?

— Дорогой сэр Кристофер, — ответил не задумываясь Жак Ториньи. — Англия тоже остается, как и раньше, великой нацией. Но она перестала быть неприступною нацией, какой была еще семь дней тому назад. Тем не менее Франция очень счастлива и очень горда

тем, что заключает с нею союз. Не думаете же вы, что я не последую примеру своего отечества?!

Описано Джемсом Уитткером. Иллюстрации Ф. Айли.

В Техасе, на Эллингтонском аэродроме, весной, группа летчиков "Воздушного цирка" давала представление.

Гвоздем этого представления должен был служить спуск на парашюте молодой артистки хора Розалии Гордон. Она уже работала с цирком в предыдущем году и впервые пускалась на рискованные фокусы.

Когда все было готово, мисс Гордон в белом шелковом костюме летчика смело взошла и села на свое место; сзади нее поместился Мильтон Жиртон, который должен был помогать ей в приготовлениях к прыжку, а в качестве пилота сел Клайд Пэнгбурн, один из лучших летчиков цирка.

Утром шел дождь и небо было покрыто низкими тучами, поэтому было решено, что прыжок будет сделан с высоты двух тысяч футов.

Парашют был привязан одной веревкой к шасси аэроплана, а другая веревка связывала его с летчицей.

Когда пришло время для прыжка, молодая девушка спокойно ступила на крыло, осмотрела, правильно ли сделана перевязь у пояса и прыгнула в пространство...

Первые несколько футов она падала стремглав, ожидая, что вот-вот раскроется парашют и замедлит ее стремительное падение. Но вместо этого она вдруг почувствовала ужаснейший толчок и увидела, что висит под аэропланом, который тащит ее за собою по воздуху.

Произошло это потому, что вес мисс Гордон оказался слишком незначительным, чтобы раскрыть парашют и, кроме того, кольцо парашюта, к которому была прикреплена одна из веревок, зацепилось за шасси.

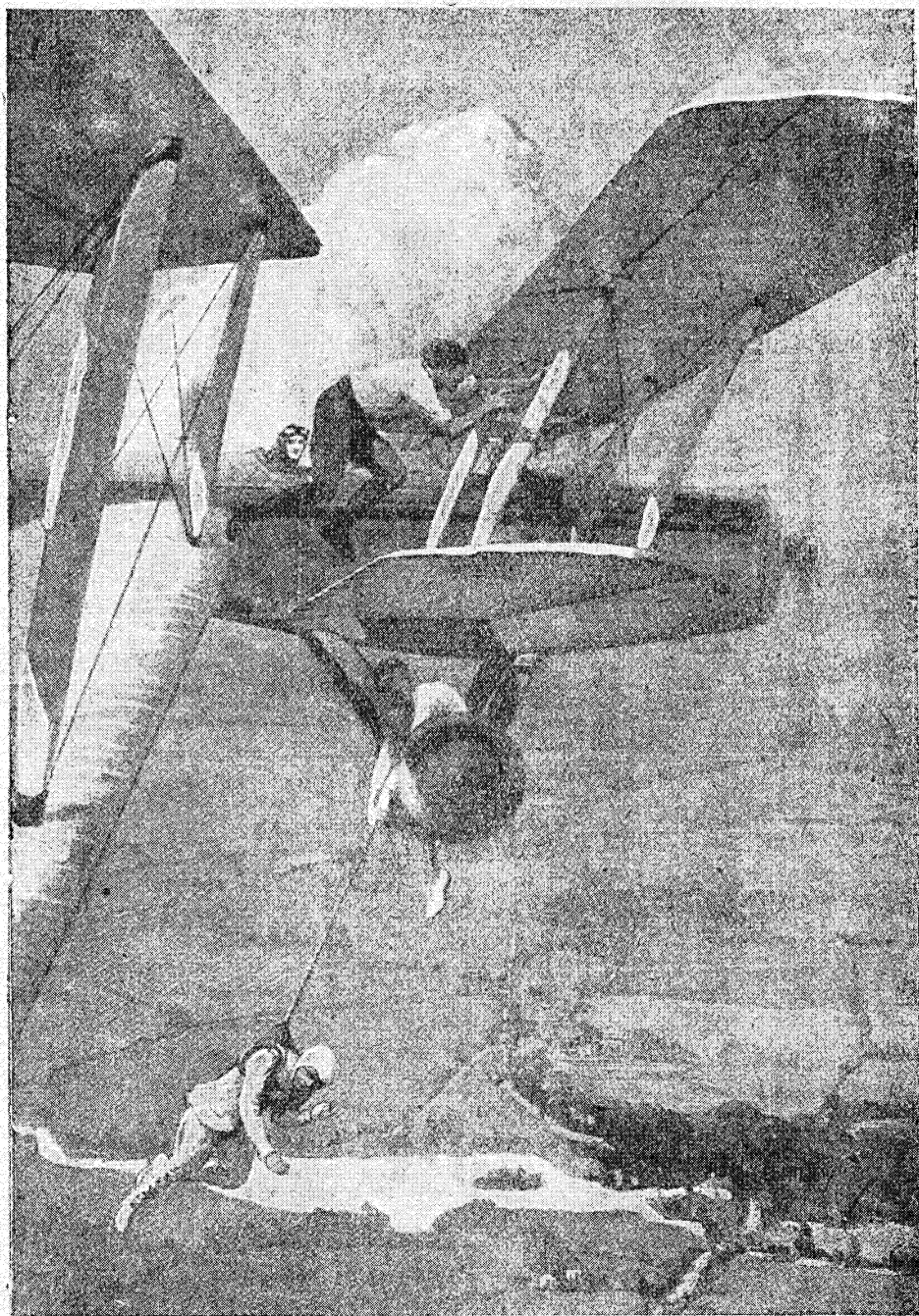
Девушка беспомощно повисла над толпою зрителей.

Положение ее было ужасно: она не могла взобраться на верх и освободить парашют, а без этого несчастной грозила неминуемая гибель.

Еще пока в моторе оставался бензин, девушка была в сравнительной безопасности, но при спуске аэроплана на землю ей грозило быть раздавленной им. Спасение было возможно только в том случае, если бы ей удалось опять взобраться на аэроплан.

Пятитысячная толпа внизу смотрела на происходящее с недоумением. Зрители думали, что выполняется часть программы, но персонал цирка и присутствовавшие летчики сразу поняли трагизм положения.

Быстро, один за другим, как по приказу, взвилось полдюжины аэропланов, но тщетно кружились они около висящей девушки, изыскивая способ спасти ее. На крыле каждого из аппаратов лежал человек с ножом в руках, в надежде перерезать зацепившуюся веревку, и все они пролетали близко около аппарата Пэнгбурна, ежеминутно рискуя столкнуться с ним. Однако никому не удалось осуществить план спасения.

Со своего аэроплана Дунд делает скачек над бездной и хватается за перекладину другого аэроплана.

Тогда Жиртон сполз на шасси и в течение получаса всеми силами старался втянуть Розалию к себе на шасси, где она была бы в большей безопасности.

Обессилевший, он прекратил попытки...

Тогда летчик одного из спасательных аэропланов, Томсон, снизился над ареной, бросил вниз кусок картона и опять полетел вверх.

Картон попал в руки одного из служащих цирка и тот прочитал: „Пришлите Фреда с веревкой; поднимем его; он может помочь поднять ее“. Для непосвященных эти слова являлись загадкой и мало кто понял, что для спасения молодой девушки там, наверху, решили испробовать исключительный по смелости прием...

Скоро Томсон опустился на землю и как только к нему влез их бывший товарищ Фред Лунд, ставший теперь коммерсантом, аэроплан взвился вверх и подлетел совсем близко к аппарату Пэнгбурна, под которым висела беспомощная фигура девушки.

Взобравшись на верхнее крыло своего аэроплана, Лунд попытался схватить Розалию за ноги, надеясь, что их общая тяжесть сорвет парашют и таким образом они смогут спуститься на землю.

Однако неровные подъемы и спуски аэропланов мешали этому и скоро стало ясно, что если девушке суждено спастись, то для этого нужно чудо — смелости и ловкости. Нужно нечто неслыханное и отчаянное.

Томсон и Пэнгбурн переглянулись и поняли друг друга. Оба аппарата вдруг пошли рядом, так что крылья их почти соприкасались, и затем аппарат с Лундом немного опустился.

Стоявшая внизу толпа замерла. Она следила за всеми движениями, затаив дыхание. Теперь все поняли, что должно произойти что-то необычайное.

И вот, когда, казалось, что сейчас столкнутся и погибнут обе

машины, Лунд, вытянув руки, делает скачек над бездной и хватается за перекладину на крыле аппарата Пэнгбурна. Момент... он скользит... пошатнулся... почти падает.

Но вот раздался единодушный крик толпы...

— Удалось! Ему удалось!

Никто не знал, насколько близок был Лунд к смерти, когда поскользнулся, никто не знал, что он спасся только тем, что успел схватиться за перекладину.

Один из зрителей уронил от волнения бинокль и, побледнев, воскликнул:

— Это положительно чудо!

Но дело спасения далеко еще не было закончено.

Немного оправившись, Лунд добрался до сиденья, а оттуда до шасси, где отдохнувший Жиртон, снова тщательно силился втянуть Розалию на шасси. Они стали вдвоем тянуть ее, но снизу скоро стало видно, что у них не хватит сил, а когда Лунд полез обратно к сиденью, то внизу поднялся крик:

— Им не удалось! Ничего не выходит!

Между тем время шло. Летчики знали, что запас горючего в машине невелик; а раз он истощится, аппарат должен будет опуститься на землю и гибель девушки неизбежна.

Но Пэнгбурн и Лунд не оставляли мысли о спасении. Они перекинулись несколькими словами, и Лунд взял на себя управление аппаратом, а Пэнгбурн, спустившись на шасси, присоединился к неутомимому Жиртону.

Повиснув одной ногой и рукой на оси, он зацепил носком другой ноги пояс Розалии и она моментально схватила его ногу. На помощь ему пришел Жиртон, который проделал тот же маневр и, таким образом, они вдвоем подтянули девушку, пока не достали руками. Еще одно усилие — и они усадили ее на сравнительно безопасное место на оси между колесами шасси, т. е. на деревянном бруске шириной в три дюйма.

„Сравнительно безопасным“ это место можно было назвать потому, что между осью и основанием аппарата просвет был немного более трех футов и неизвестно было, достаточно ли упруги буфера, чтобы сидящих на оси не придавило, когда аппарат коснется земли.

Теперь Пэнгбурн и Лунд вторично поменялись местами, а мисс Гордон оставалась на оси в полубессознательном состоянии. Несмотря на страшное нервное потрясение, она проявила удивительное самообладание: все время следила за попытками спасти ее и старалась, чем можно помочь. Теперь нервы сдали...

В это время аэроплан начал медленно спускаться, описывая широкие круги. Администрация цирка, опасаясь несчастья, когда аппарат коснется земли, послала автомобиль, приказав ему ехать под аэропланом в расчете, что, быть может, сидящие на оси захотят в последний момент спрыгнуть в автомобиль, чтобы не быть задавленными.

Публика бросилась к месту спуска, но полиция никого не пропустила, кроме мчавшейся кареты скорой помощи.

Страшный момент наступил...

Из под аппарата выползли три растрепанные, но почти невредимые, фигуры. Оба летчика подставили под неизбежный толчок свои спины, и когда они встали, то на их лицах и руках виднелась кровь от порезов, причиненных веревкой, на которой была подвешена мисс Гордон.

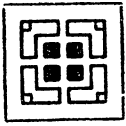
Хотя оба они, как и Пэнгбурн, были отчаянно смелые люди, однако у всех на лицах отразилось напряжение последнего получаса.

— Я боялся, — сказал Пэнгбурн, — что не хватит горючего, поэтому я держался над озером, считая, что когда мы вынуждены будем спуститься, то уж лучше это сделать над водой.

Летчик пошел проверить количество оставшегося топлива и лицо его было выразительнее слов: запаса оставалось ровно на три минуты...

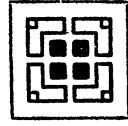
Сначала маленькая актриса истерически хохотала, но, увидев в толпе свою подругу, бросилась к ней, обняла ее и разрыдалась.

Так закончился один из самых потрясающих и героических эпизодов в истории авиации.

СУДНО С ЗЕРНОМ

Рассказ Моргана Робертсона.
С английского пер. А. Булгакова.

Когда оркестр умолк, я невольно стал прислушиваться к разговору за соседним столиком. Мое ухо уловило жаргон моряка, сам-же я всю свою жизнь был связан с морем. Говоривший был седоволосый, загорелый субъект, безупречно одетый; сидевшие с ним были одеты также и обращались к нему, как к командиру. Я решил, что это был отставной капитан какого-нибудь судна.

— Да, друзья мои,—говорил он, слегка постукивая пальцами по столу—это было настоящее хорошее торговое судно, в полном порядке, если не считать некоторых пустых недочетов, вроде сорванного паруса и т. п., судно без всяких следов пожара, или течи, или бунта команды и с достаточным количеством провианта.

В таком виде оно и носилось по волнам Бискайского залива, никем не управляемое, без признаков присутствия человека, и только вся палуба его усеяна была дохлыми крысами.

— Но отчего-же они подошли?—спросил один из слушателей.—И что случилось с командой?—Этого никто не знает. Быть может влиял тут какой-нибудь ядовитый газ, исходящий из груза; но если это так, то странно, что он не подействовал на нас, когда мы взойшли на это судно. Корабельного журнала не оказалось, так что и отсюда нам ничего узнать не удалось. Больше того: все лодки были на своем месте. Казалось, словно какая-то таинственная сила смыла команду и убила крыс. Это было судно с зерном из Фриско (С.-Франциско), а такие суда всегда полны крыс. Я отвел его в Квинстоун, и позже оно было возвращено владельцам.

Но до сих пор никто не знает, что случилось на нем. Это было лет 30 назад и, очевидно, навсегда останется одной из необъяснимых загадок моря.

Компания моряков скоро покинула ресторан.

Этот рассказ пробудил во мне совсем другие воспоминания, что-то неуловимое, неясное... Так бывает иногда, когда упорно кажется, что видел известный ландшафт, хотя твердо знаешь, что никогда не бывал в этом месте. Доныне я никогда не слышал о каком-нибудь покинутом судне с лодками на своих местах, но мне казалось, что где-то, когда-то я слышал нечто, хотя и не относящееся к морю и его загадкам. Мысль эта мучила меня, мешала мне спать всю ночь. Но когда я, наконец, забылся и проснулся утром, у меня в памяти вдруг ожило то, что случилось 25 лет назад.

Я перенесся мыслью в бесплодную равнину Аризоны, где я бродил тогда,—и я вновь пережил мою встречу там с полубезумным бродягой, которого я отвел в свою палатку и который на моих глазах вдруг переродился.

В то время я состоял на службе одного общества скотоводства и моя работа заключалась в разъездах и наблюдениях над пасущимися стадами этого общества. Однажды вечером, когда я уже возвращался в палатку, я увидел на дороге человека. По походке я определил, что это моряк.

— Товарищ, куда держишь путь?—крикнул я, склоняясь с седла.

— Не можете ли сказать мне,—спросил он меня мягким, немного жалобным голосом,—где-бы тут можно было поесть?

— И да, и нет,—отвечал я. Его

походка, его лицо, бородатое, загорелое, все напоминало моряка. Он была какая-то вялость и он как-то сжался под моим взглядом.

Он следил за мной, как кошка за мышью.

казался сильным, крепко сложенным, но тем не менее в лице его — Я могу покормить тебя, — сказал я и в это время заметил на

его руке вытатуированный якорь;— моя палатка недалеко отсюда, а ты, видно, шел порядком.

Он двинулся рядом с лошадьёю и мы вскоре достигли моего жилища. Оно заключалось в одной комнате, всю обстановку которой составляли простой стол и два ящика вместо стульев. Роскошью этого помещения был деревянный пол— в то время редкость в этой стране. Под этим полом жило семейство больших крыс, которых мне никак не удавалось извести. Я даже сам кормил их, находя, что это мне обходится дешевле, чем позволять им грызть съестные запасы в мое отсутствие. Крысы эти стали настолько уже ручными, что по вечерам даже при мне выходили из под пола, держась, конечно, на почтительном расстоянии. Я их не боялся и даже был доволен их обществом.

Дал я корм лошади и приготовил ужин, который мой посетитель с жадностью проглотил; потом я закурил трубку, предлагая и ему последовать моему примеру, но оказалось, что он не курит.

Из разговоров выяснилось, что он вовсе ничего не знает ни о море, ни о моряхах, что он совершенно забыл, откуда появился вытатуированный на его руке якорь. Я был немного разочарован тем, что он оказался простым рабочим—земледельцем, а вовсе не моряком, с которым я мог-бы поболтать на свою любимую тему.

Кончив трубку, я уже приготовился ложиться спать, как из постели вдруг выскочила крыса и, пробежав в угол между очагом и моим гостем, скрылась под полом. Ее появление произвело изумительный эффект. Мой посетитель как-то захлебнулся, поперхнулся, потом заметался и со всего размаха хлопнулся на пол.

— Что такое? Что случилось?— спросил я с испугом. Он поднялся на ноги и, дико озираясь, хриплым, грубым голосом, нисколько не похожим на прежний его несколько жалобный тон, спросил в свою очередь:

— Что это такое? Меня подобрали? Какое это судно?

— Это вовсе не судно, это палатка.

Он поглядел на стены:—Я здесь не был никогда. Конечно меня подобрали. А помощника капитана так и не подобрали?

Он был в ужасном состоянии.

— Послушай, товарищ, — начал я осторожно,—у тебя голова не в порядке; или и ранее она у тебя была такой?

— Я не знаю. Я должно быть был не совсем в себе; я почти ничего не помню с того времени, как выпал за борт. Какой день сегодня?

— Вторник.

— Вторник? А это случилось в воскресенье. Ты помог вытащить меня?

— Нет,—отвечал я.—Я встретил тебя на дороге; ты был в каком-то полусонном состоянии и говорил, что ничего не знал ни о море, ни о судах, ни о моряхах, хотя я принял тебя за моряка по твоей походке.

— Да, это так и есть; я вижу, что ты сам моряк и притом американец. Но что ты здесь делаешь? Это должен быть берег Португалии или Испании?

— Нет, это пастбище в Аризоне.

— Аризона? 6000 миль оттуда? Сколько же времени я был не в себе?

— Почему я знаю; я увидел тебя только сегодня вечером, а сейчас с тобой произошла перемена.

— Какой же сейчас месяц и число?

— 3-ье декабря.

— Чорт возми! 6 месяцев назад! Это случилось в июне—достаточный срок попасть в эти места, но как это произошло, не могу вспомнить. Кто-то, очевидно, должен был привести меня сюда.

— Вотсе нет. Ты сам шел; был голоден. Я привел тебя к себе, чтобы накормить и дать тебе возможность поспать.

— Ты очень добр,—и он случайно дотронулся рукой до лица.

— Что я вижу? У меня выросла борода. Посмотрю-ка каков я с бордой.

Он подошел к зеркалу на стене, взглянул и отскочил.

— Как! Да это не я,—воскликнул он с ужасом во взоре.—Это кто-то другой.

— Погляди хорошенько,—сказал я. Он послушался и затем обернулся ко мне.

— Это должен быть я,—сказал он.—Зеркало повторяет мои движения. Но лицо не мое, я другой человек и не узнаю себя.

— Взгляни-ка на якорь на руке,—предложил я ему. Он взглянул.

— Да, он на левой руке, как и был сделан в первое мое плавание,—сказал он и затем осмотрел свои руки и ноги.

— Как я изменился,—пробормотал он, проводя руками по телу.

— В каком году это было, когда ты прыгнул за борт?—спросил я.

— В 1875.

— А теперь 1884! Друг мой, ты был девять лет без памяти!—сказал я.

— Девять лет? Правда ли? Может ли это быть? Ты подумай только: девять лет пропали из моей жизни! Ты понимаешь-ли, что это значит!

— Я протянул ему истрепанную и выцветшую газету.—Эта газета вышла месяцев шесть назад,—сказал я, но она все же этого, 1884 г.

— Так,—сказал он с грустью в голосе.—Есть у тебя трубка? Я должен покурить и подумать над этим. Девять лет и 6000 миль путешествия! Где я был, хотел бы я знать, и что делал? Что так изменило мою внешность? Это похоже на смерть!

— Я передал ему трубку и табак; он жадно затянулся, дрожа от волнения и медленно приходя в себя. Успокоившись, он отложил трубку, говоря, что она его расслабляет. В то время я был плохим психологом, но теперь думаю, что в период своего второго существования он бросил курить. Я не решился спрашивать его, зная, что не смогу помочь ему разгадать его

загадку; нужно было, что бы он сам все обдумал. Всю эту ночь он не спал и своим ворчаньем долго мешал и мне заснуть. Один раз он даже встал и при свете спички снова начал рассматривать себя в зеркале. Утром я нашел его уже на воздухе; он смотрел на восход солнца и курил.

— Я начинаю привыкать к своему новому лицу,—сказал он.—И снова привыкаю к курению. Даже уже привык. Ничто, кроме куренья, не может помочь в трудную минуту. Чем ты здесь занимаешься?

— Я наблюдаю за скотом.

— Трудно этому научиться?

— Для моряка не трудно. Я здесь только до срока расплаты. Потом отправлюсь в Фриско на корабль.

— И кто-нибудь, наверное, займет твое место? Я был-бы рад, если-бы ты поучил меня, я мог-бы заместить тебя. Довольно с меня плаванья!

— Оглично! Мне только стоит сказать об этом, кому следует.

Я принялся обучать его. Он оказался способным учеником, но всегда оставался каким-то мрачным, словно подавленным тяжелыми воспоминаниями, от которых хотел избавиться. И только вечером, накануне моего отъезда, когда мне удалось устроить его на свое место и мы сидели, покуривая пред огнем, он решил рассказать мне все.

В этот раз опять в комнату вскочила крыса и, как тогда, он вскочил и отбежал в другой угол. Потом он снова уселся, сильно дрожа всем телом.

— Благодаря этой крысе ты пришел в себя в тот вечер,—заметил я.—Очевидно, крысы имели для тебя какое-то значение в прошлой жизни.

— Да,—ответил он, неистово затягиваясь.—Я и не знал, что у тебя здесь крысы.

— Целья полчища их под полом, но они безвредны. Я даже рад их обществу.

— Ну, я считаю их плохой компанией. У меня было много такого сорта товарищей во время моего

последнего плавания. Хочешь послушать? У тебя волосы станут дыбом.

Я очень просил его и он начал свой рассказ. С начала до конца самообладание не оставляло его; но от его рассказа у меня не только волосы становились дыбом, но и сердце по временам переставало биться. На следующее утро я растался с ним и никогда больше не видал его и не слышал о нем. Но, вероятно, он так уже и не вернулся больше на море. Я передаю его историю, надеясь, что она дойдет до тех, кто заинтересован в тайне судна, имени которого я не знаю и которое было найдено в полной исправности, покинутым всеми за исключением дохлых крыс.

— Я нанялся на это судно в Фриско, начал мой товарищ.— Это было большое судно, груженое зерном в Оклэнде. Шкипер предложил мне место второго своего помощника; я согласился. Судно казалось в полном порядке, насколько можно судить об этом, пока оно еще находится в порту, — почти новое, хорошо оборудованное. Зерно было нагружено, так что тяжелой работы у нас почти не оставалось. Но я все-же как то колебался, что то мешало мне решиться. Я отправился в Оклэнд к одному приятелю, и, возвращаясь назад, когда уже было темно, зашел в порт еще раз взглянуть на судно. И вот, в это время я увидел нечто, что успокоило меня и заставило решиться. Всем известно, что крысы покидают корабль, которому суждено идти ко дну; их чутье всегда правильно, — неизвестно почему. Я решил, что раз они наполняют судно, его плавание будет благополучно. На другое утро я подписал условие.

До отплытия все было благополучно, кроме разных обычных затруднений с набором команды.

Когда мы прошли миль 10 к югу, шкипер принес мышеловку с большой здоровенной крысой.

Шкипер был маленький, добродушный человек; его спортивные

наклонности ограничивались любовью наблюдать за боями крыс с собаками; это зрелище он обожал. У него был маленький чернокоричневый террьер, величиной почти с крысу. Он выпустил его на крысу и некоторое время забавное зрелище их борьбы заняло всех нас. Сперва крыса сильно билась с собакой, но потом, улучив момент, убежала в щель каюты. Но собака, повидимому, укусила ее, так как крыса оставила за собой тонкий след крови.

Собаченка, казалось, вошла в раж и, когда шкипер взял ее на руки, укусила и его. Это был совсем маленький укус, но острый зуб собаки все-же прокусил палец до крови. Шкипер прибил собаченку и вскоре все забыли об этом случае.

Собака была вообще очень живая и обыкновенно сидела на плече у шкипера, пока он расхаживал по палубе; лаяла на нас, как будто что-нибудь понимала в нашем деле. Мы все очень ее любили. Но с того времени, как шкипер ее прибил, она как-то отупела, потом заболела и начала бегать по палубе с грустным видом, не обращая ни на что внимания и ни на минуту не останавливаясь на одном месте. Мы все немного бранили шкипера, который, казалось, был сам несколько смущен и хотел помириться с собакой.

Однажды утром она начала бегать по палубе с высунутым языком и пеной у рта, издавая раздражающий вой и стоны.

— Бог мой! — вскричал шкипер, — теперь я пропал. Ее укусили в Фриско! Она сбесилась и укусила меня! Бегите от нея все! Не подпускайте ее к себе!

Я всегда высоко ставлю шкипера за это: сам он был укушен, но прежде всего думал о других. Мы увертывались от собаки, пока она не упала от утомления; у нея начались судороги. Тогда мы захватили ее щипцами и бросили за борт. Но этим не все было кончено: ведь, шкипер был уже укушен! Он начал читать разные медицинские книги, но не находил выхода. Я слышал,

как он говорил своему помощнику, что в судовой аптечке нет средств для такого случая.

В сущности,—говорил он с грустью,—даже и на суше, при лучшей медицинской помощи, нет надежды на спасение от укуса бешеной собаки. Скрытый период длится от 10 дней до 1 года. Я буду управлять судном, пока не потеряю рассудка, м-р Барнс; и тогда, в ограждение самих себя, вы должны застрелить меня. Я уже приговоренный!

Мы старались разуверить его, но ничто не могло его переубедить. Был ли он уже в то время болен водобоязнью или нет—еще нельзя было сказать; но мы знали, что постоянная мысль об этом только ускорит проявление болезни. Как после оказалось, все это так и было. Шкипер заболел, как только мы прошли Хорн. Он сделался безпокойным, нервным, возбужденным и,—как и собака,—не мог долго оставаться на одном месте. Но он не признавался, что болезнь была в разгаре до тех пор, пока небольшой шрам на его пальце не воспалился, не стал болезненным и не появились затруднения при питье. Тогда он сдался, но все же еще выказывал мужество и твердость характера.

— Я принципиально против самоубийства—говорил он Барнсу и мне—я не стану убивать себя. Но я не против убийства бешеного животного, которое угрожает жизни других. Я стану таким бешеным зверем и вы должны убить меня, пока я не повредил вам.

Но мы все-же не убили его; мы также были против убийства бешеного человека, как он был против самоубийства. Мы связали его, когда он начал беситься, и после 3 дней ужасных физических и умственных страданий—шкипер умер. Мы похоронили его с обычными церемониями и м-р Барнс принял командование. Мы с ним имели совещание. Он стоял за то, чтобы зайти в Монтевидео и телеграфировать владельцам судна о положении дела. Но так как Барнс был опытным море-

плавателем, я стоял за то, чтобы продолжать путь. В этом то и была моя ошибка. Он послушался меня и мы поплыли дальше. Вскоре как то, в полночь, один из матросов вскочил, ругаясь: его укусила крыса. Мы посмеялись над ним, хотя он и показал 4 маленьких следа на кисти руки. Через три недели этот человек бегал по палубе, с пеной у рта,—словом с теми-же признаками, какие были у шкипера. Он умер той-же ужасной смертью.

Мы поняли, что не только шкипер, но и крыса, укушенная собакой, была заражена ядом и перезаразила других крыс. Мы похоронили матроса и с этого времени спали в сапогах и перчатках, с покрытыми головами, не смотря даже на жаркую погоду в тропиках. Но все было бесполезно.

Бешеные крысы появлялись на палубе с мордами в пене, не боясь никого и ничего, сперва в небольшом количестве и после наступления темноты, а потом—массами, днем и ночью. Мы убивали их насколько могли, но их число все расло. Они забирались в каюты, мы находили их в свертках канатов и на мачтах,—словом—повсюду. Везде они ползали то вверх, то вниз. Барнс и я могли еще закрыть двери наших кают и некоторое время спасались от них, пока они не прогрызли себе проходов, но бедняги матросы не имели такой защиты, так как их помещения были открытые.

Один за другим матросы оказывались укушенными во сне или в бодрственном состоянии, на палубе или внутри судна. В темноте повсюду руки матросов натывались на что-то мягкое, шерстяное, чувствовали на себе зубы. Слышали писк, который пророчил—смерть.

Через две недели после смерти первого матроса заболело еще 7 человек и у всех были те-же симптомы: безпокойство, болтливость и склонность к отрицанию опасности и серьезности болезни. Но наиболее веским признаком, который сами они не могли отвергать, было

отвращение к питью. Страшно было видеть, как эти несчастные бродили с широко раскрытыми глазами, с ужасом во взоре и, подходя к бочке с водой, падали в конвульсиях при виде воды. Мы должны были связать их; все они умерли один за другим. Спасения не было для них.

При начале плавания наша команда состояла из 20 человек, столяра, парусника, эконома и повара, не считая меня и Барнса. Теперь уже не хватало 8; и, так как остальные были переутомлены двойной работой, становилось трудно управлять судном. Все двигались медленно, боясь, что вот-вот почувствуют укусы маленьких, острых зубов. Матросы плохо делали свое дело, да и трудно было заставлять работать этих охваченных паникой людей.

Вскоре заболели еще 6 человек, включая и повара. Теперь я уже настаивал на том, чтобы Барнс зашел в Сен-Луи или какой-либо другой порт на Африканском берегу, высадил команду и выждал бы, пока все крысы не перекусают друг друга и не подохнут. Но он не соглашался, так как считал, что высадка команды будет равносильна тому, что все разбегутся и придется ждать присылки владельцами судна новой команды; это повлекло бы потерю времени и денег и расстроило бы все планы. Я должен был уступить. Таким образом мы продолжали путь, избегая обезумевших людей, когда болезнь овладевала мозгом. Мы связывали их, когда это уже становилось необходимым, и смотрели, как они умирали, подобно бешеным собакам.

Между тем число больных крыс, которые выбегали на палубу в поисках воздуха и света, все росло. Мы стали прикреплять к сапогам гвозди, чтобы ими отбиваться от крыс, если они оказывались очень близко, но перебить их всех таким способом было, конечно, невозможно. Их было очень много и они очень быстро бегали.

Ранее, чем 6 заболевших матросов умерли, другие были уже уку-

шены крысами. А одного из них укусил даже бешеный товарищ.

Ужасная игра продолжалась; у нас осталось теперь только 7 человек команды, а плотник и парусник должны были бросить свое дело и присоединиться к общей работе; эконома же заменил повар.

Один из матросов, случайно находившийся у руля во время моего разговора с Барнсом о высадке, рассчитывая на мое сочувствие, стал подстрекать других матросов требовать высадки. Ну, а ведь всем известно отношение начальника судна к бунтовщикам. Он во что бы то ни стало должен подавить мятеж. Поэтому, когда матросы явились к нам, они нашли, что я всецело на стороне Барнса. Мы кое-как уговорили их, обещав только освободить их от всякой работы, кроме надзора за парусами, если они доведут судно до Квинстоуна. Так как им ничего иного не оставалось, то они согласились: мятеж был подавлен. Но совесть мучила меня потом; ведь если бы я присоединился к ним, несколько жизней могло бы быть спасено. И какой бы силой ни обладал Барнс, он ничего не мог бы сделать против меня и всей команды.

Прежде, чем мы вошли в Бискайский залив, вся команда, кроме плотника, парусника и эконома, была перекусана — кто крысами, а кто взбесившимися товарищами: все они были на пути к смерти. Судно кишело крысами, с болезненным писком и с пеной у рта бегавшими повсюду и кусавшими друг друга. Барнс и я по очереди правили рулем и наблюдали за парусами. Интересно, что за все эти 4 месяца мы не встретили ни одного судна; один раз вдаль показался дымок парохода, другой раз мы увидели в отдалении парус — и это было все: никто не подходил к нам близко.

Мы с Барнсом начали ссориться. Еще раньше оба мы вооружились револьверами на случай возможного нападения кого-нибудь из команды; но теперь казалось возможным, что мы направим оружие

друг против друга. Я упрекал Барнса за то, что он не хотел пристать в Сен-Луи; он же ставил мне в вину, что я отговорил его остановиться в Монтевидео. Но последний довод ничего не стоил: ведь в то время еще ни один матрос не был укушен. Все это привело к нашему охлаждению.—Мы оба сдерживались однако и избегали взбесившихся людей, пока они не умирали один за другим. И тогда, оставляя судно на произвол, мы бросали трупы за борт без всяких погребальных церемоний: мы стали уже дикарями.

— Ну, сказал Барнс, когда последнее тело было брошено за борт,—все кончено. Берись за руль, а я пойду спать.

— Смотри только, чтобы это не был твой последний сон,—заметил я мрачно.

— Что ты хочешь этим сказать,—спросил он, взглянув на меня с подозрением.—Ты способен убить спящего?

— Нет, — отвечал я, — но ведь крысы-то именно спящих и кусают. Я предпочел бы, чтобы мы оба остались в живых. Ведь при таком условии нам будет легче усмотреть какое-нибудь судно и дать сигнал. Если же один из нас умрет, а другой уснет, судно пройдет мимо. Я буду наблюдать.

— Ну, так и наблюдай.

Он ушел в том же дурном настроении, я сел у руля и зорко смотрел кругом: ведь в заливе было больше шансов увидеть чтонибудь. Но ничто не появилось.

Приблизительно через час пришел Барнс; он сосал кисть руки и глядел на меня диким взглядом.

— Драпер,—кричал он,—пришел мой черед. Я убил крысу, но она укусила меня!

— Ну, Барнс, — сказал я, — мне очень жаль тебя. Но что тут поделать? Чтобы я сделал на твоём месте? Пуля в висок—больше ничего.

— Нет, нет,—кричал он, бешено высасывая кровь из руки, на которой было 4 маленьких следа зубов.

— Барнс! Последнее время ты был настроен против меня и, когда ты потеряешь рассудок, твоя ненависть разовьется еще больше. Я не убью тебя, пока ты мне не будешь угрожать, но тогда, если только я сам не потеряю рассудка, я застрелю тебя, не только ради самозащиты, но и из жалости к тебе.

— А ты,—спросил он,—ты останешься жив и будешь командовать судном?

— Нет, — отвечал я с жаром, — я не имею права на это. Я хочу только жить и ничего более.

Он покинул меня, ничего не говоря, и пошел. Крысы напали на него, бегали по нему, но он только сбрасывал их. Обходя судно, он снова вернулся ко мне.

— Драпер,—сказал он сдавленным голосом,—я должен умереть, я это знаю, знаю лучше, чем все наши люди знали. И это значит для меня гораздо больше.

— Нет! И им, и шкиперу жизнь была также мила, как и тебе.

— Знаешь ли ты, что это плавание было для меня шансом получить повышение. Если б благополучно доставил судно в порт, я был бы героем и получил бы командование.

— Так вот как ты смотришь на это, — отвечал я, возвращаясь к рулю и отбрасывая ногами крыс.— Герой с помощью 24 смертей! Так вот почему ты противился приставать в Сен-Луи! Ты хотел стать героем! Скажу тебе только одно: мне очень жаль тебя!

В это время выбежала большая крыса и по платью добралась мне до груди раньше, чем я успел ее сбросить кулаком.

— Вот видишь, Барнс, крыса ничего не понимает, что с нею будет, я не убил ее, ты же прекрасно все видишь—и я постараюсь пулей ускорить твою смерть, если ты приблизишься ко мне. Это не будет убийством; это будет благодеянием. Но я не могу этого сделать сейчас. Ты понимаешь, что я должен чувствовать?

— Боже! — вскричал он, убегая от меня, но вскоре он снова вернулся.

— Ружье при тебе, Драпер? Убей меня, убей сейчас-же и все будет кончено. Мне ничего не остается более. Все кончено!

Но я отказался; я знаю, что нужно было подчиниться этому, ради тех страданий, которые ему предстояли в течение нескольких дней. Он был приговоренным и знал это.

На третий день он уже бредил, поминая какую-то черноглазую женщину в Бостоне, обещавшую выдти за него замуж, как только он получит команду. Я достал из аптечки банку с бромом и дал Барнсу хорошую дозу; через час он заснул.

Тогда, обернув голову и надев сапоги и перчатки, я взобрался на мачту, привязал себя к ней и заснул, так как очень нуждался в сне. Прослав 6 часов, я спустился и нашел Барнса в еще худшем состоянии. Он умолял меня застрелить его. Ему не приходило в голову сделать это самому, а я не мог подать ему такой мысли.

— Драпер, — сказал он, наконец, — я умираю; я знаю это. Но если ты уцелеешь, доберись как-нибудь до Бостона; пойди там на площадь Мидльсекс, № 24, и повидай эту женщину. Ее зовут Кэт; расскажи, что мы были товарищи и что я прислал тебя. Расскажи ей все; расскажи, что я помнил ее и не хотел умирать только ради нея. Ты обещаешь, Драпер?

— Обещаю, Барнс, — отвечал я. — Я найду ее или напишу ей, если достигну суши. Я все расскажу ей. А теперь иди и ляг.

Но он не мог лежать. Я же опять забрался на мачту, чтобы поспать. Когда я проснулся, я понял, что Барнс выследил меня и каким то образом вытащил у меня оружие. Я видел это по безумному смеху, которым он встретил меня. Я спустился в каюту в поисках оружия, но тут оказалось, что он меня предупредил.

Когда я подошел к рулю, безумный взгляд Барнса все время следил за мной и не сулил ничего хорошего.

— Собираешься убить меня? — спросил он. — Ну, это тебе не удастся, как не удастся получить эту женщину в Бостоне. Я слежу за тобой. И знай, что совет, который ты давал мне, тебе послужит плохую пользу. Я ведь все записал в корабельный журнал. Слышишь ты?

Он бросился в каюту и возвратился с журналом, который был на его попечении, и с журналом шкипера. Не знаю, что заключалось в них, но он вдруг размахнулся и бросил их за борт.

— Вот куда пошли твои советы, — вскричал он. Затем он с яростью бросился на меня, но я не дрогнул. Он был без оружия, но поднял кулаки и я встретил его нападение: к такому состязанию я привык. Однако вскоре я стал слабеть.

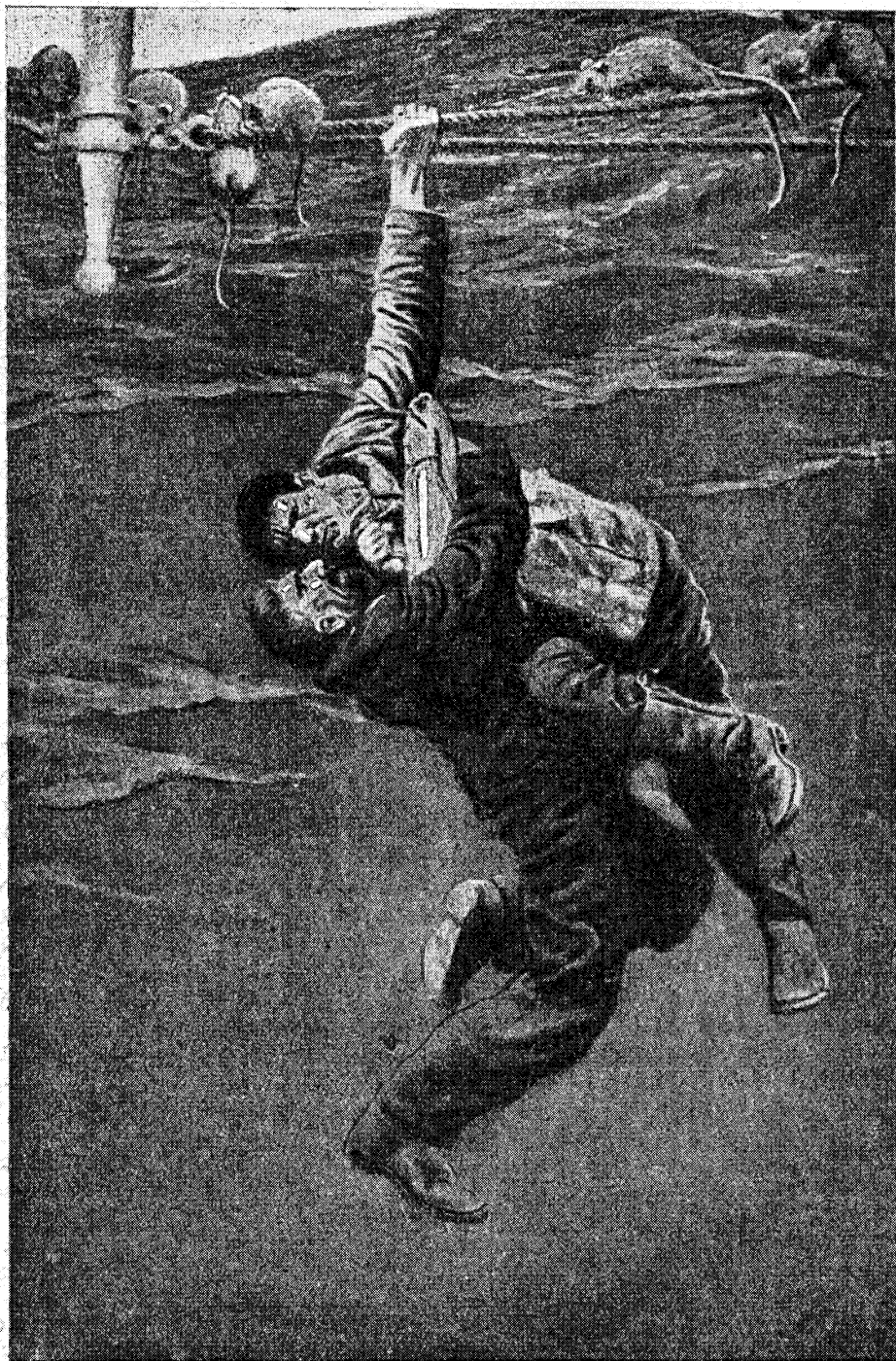
Оказалось, что я имел более сильного противника, чем был сам, и надежды на победу у меня не было. И я не малосильный, но Барнс, как я убедился, обладал страшной силой и притом был опытным бойцом. Наконец, мне удалось как-то увернуться и я стал держаться в отдалении от него. Разсудок покинул его окончательно: он следил за мной, как кошка за мышью, иначе я мог бы найти средство убить его и тем покончить с его страданиями, а отчасти и со своими собственными. И в этом не было бы ничего преступного. Но я не мог этого сделать; он следовал за мной повсюду, готовый броситься на меня при первом моем движении.

Всю ночь я проходил по палубе, сбрасывая с себя крыс, а он следовал за мною по пятам. Я не мог больше взбираться на мачту, так как у меня не было ничего под руками, чем бы заковать голову, да и при первой моей попытке Барнс бросился бы на меня.

Утром у него была первая конвульсия, которая сильно ослабила

его. Он лежал на палубе, тяжело дыша и хватая воздух, и крысы

Я воспользовался этим, чтобы поест. Это подбодрило меня. при-

Он полетел вниз, увлекая меня за собой.

бегали по нем, стараясь укусить его, куда только было возможно.

дало мне силы и я вернулся на палубу с намерением связать его но

было уже поздно. Пароксизм прошел, и Барнс был на ногах, и, хотя он и ослабел, все-же мог осилить меня.

Судно катилось по бурным волнам Бискайского моря, с сорванными парусами, переломанными снастями, имея пассажирами полчище бешеных крыс, обезумевшего помощника капитана и полубезумного его товарища.

Я очень боялся Барнса. Он бродил за мной по палубе, угрожая мне смертью и разговаривая сам с собой. Я боялся его больше, чем крыс: ведь от них я мог отбиться, от его-же взора никуда не мог уйти.

Наконец, мне как-то удалось сорвать спасательный круг и набросить его на себя; Барнс, повидимому, не заметил моего маневра. Я решил в крайнем случае скорее прыгнуть в воду с такой слабой защитой против смерти в волнах, смерти от голода и жажды, чем рисковать, ожидая нового нападения со стороны безумца или укусов крыс, которых к этому времени развелось тысячи: вся палуба была черна от них и все снасти были ими усеяны.

В последний день все шло также. Барнс продолжал ходить за мной, разговаривая сам с собой и с крысами, а я всячески старался избегать его и все время сбрасывал крыс, ползающих по моим ногам. Я безумно устал, так как очень долго был на ногах, но жажда жизни заставила меня ждать новой конвульсии Барнса, конвульсии, которая могла дать некоторое облегчение моему напряжению.

Наконец, мне удалось убежать от него. Однако вскоре он нашел меня на корме и мне уже ничего не оставалось, как по канатам спуститься к воде, что я и начал делать; но он следовал за мной и схватил меня, все время рыча, как

собака, или по временам издавая звуки вроде крысиного писка.

Он не кусался, а просто сжал меня в своих объятиях; из-за этого ему пришлось выпустить из рота канат, за который он держался.

Он полетел вниз, увлекая меня за собой. Едва только мы коснулись воды, его объятия ослабели, так как он столкнулся с тем, что было сильнее его: с видом, шумом и ощущением холодной воды.

Мы погрузились в воду и затем снова всплыли на поверхность, но оказались разделенными друг от друга судном. Я не мог видеть Барнса, но слышал его конвульсивное клокотание и крики по другую сторону судна.

Затем все стихло; должно быть он скрылся под водой; но я так был занят мыслью о себе, что мне было не до рассуждений. Я пытался ухватиться за что-либо, но под руками не было ничего. Мне пришлось плыть за судном, чтобы найти за что можно было-бы схватиться, но спасательный круг мешал мне плыть.

Тем временем судно ушло далеко и я остался один в море. Я плохо помню, что было после. Вероятно разумок оставил меня. Я слабо вспоминаю и мне кажется, что это было всего неделю назад, — что я всю ночь провел на поверхности моря, а затем будто я снова очутился среди крыс, но это было уже, когда я очнулся на полу в твоей хижине.

Затем я увидел тебя и услышал твой голос, когда ты обратился ко мне; я понял, что я жив и невредим.

— Ну, а та женщина в Бостоне? — спросил я после некоторого молчания.

— Я напишу ей, как обещал, но сам не поеду туда, ведь Бостон находится слишком близко от моря.

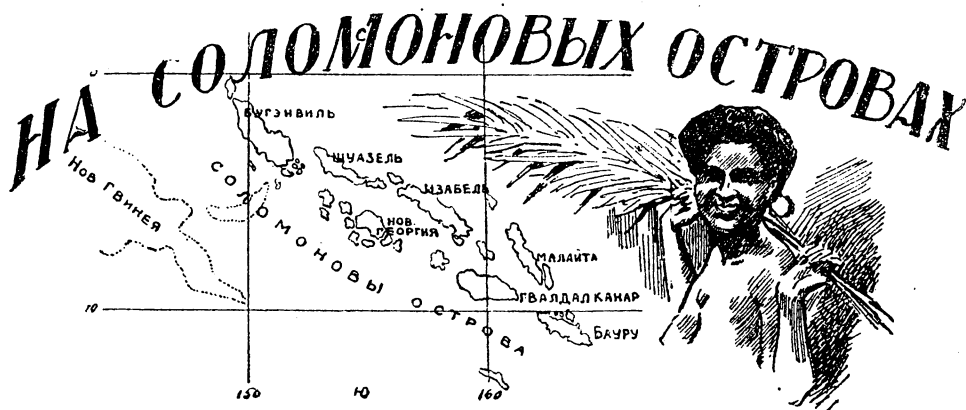

На далеких окраинах.

Параллельно с картинами быта на далеких окраинах СССР (см. № 1 „Мира Приключений“), читателям не безинтересно знакомиться со своеобразной жизнью в отдаленных заморских странах, в частности, на островах южных морей, где редко бывал кто из русских.

Колоритные и щедро наделенные природой острова эти известны в литературе, главным образом, по художественным описаниям Джека Лондона. Автор предлагаемого очерка, Дж. М. Лорен, там и встретился с популярным писателем.

Но какая разница в их мировоззрениях!.. Д. М. Лорен типичный „деловой человек“, с психологией верного и убежденного слуги капитала. Эксплуатация туземцев англичанами его не только не возмущает, но он сам работает на этих современных рабовладельцев. И затем—он не беллетрист. Достоинство его очерка—в неприкрашенности. Но, рисуя быт южных островов, Д. Лорен и себя самого выдает с головой.

Очерк Дж. М. Лорена. С англ. пер. А. Вебера.

Мне пришлось встретиться на Соломоновых островах с Джеком Лондоном, приехавшим туда на маленьком судне „Спарк“. Он был болен тогда тяжелой формой местной болезни, так называемой „иоз“. Эта болезнь проявляется в том, что каждая царапина на теле превращается в язвы, покрывающие тело и доходящие до костей; редко кто из белых людей избегает этой болезни.

Когда я в первый раз увидел Джека Лондона, у него были поражены руки и ноги этой болезнью. Я застал его сидящим на палубе, и он с приветливой улыбкой пригласил меня посидеть и поболтать с ним.

Нужно было удивляться энергии этого человека: несмотря на страшные страдания, он говорил с большим воодушевлением и своей бодростью действовал на собеседников необыкновенно ободряющим обра-

зом. Я, по крайней мере, испытал это на себе.

* * *

Соломоновы острова иногда называют „Воюющие Соломоны“. Это прозвище дано очень удачно, так как нигде в южных морях нет таких воинственных и сварливых народов, как здесь. То воюет остров с островом, то одно племя с другим.

Мне пришлось в первый раз попасть на эти острова, когда отвозили туда местных жителей, работавших на сахарных плантациях в Квинслэнде. У нас на борту было двести человек, которые представляли собою разношерстную толпу, одетую в яркие одежды и нагруженную ящиками с табаком, дешевым платьем, ожерельями из бус, цветной бумагой и разными мелочами, на которые они истратили свои годовые сбережения.

Ввоз огнестрельного оружия на острова был властями безусловно воспрещен, а потому нам приходилось во время переезда несколько раз делать обыски, причем оружие оказывалось спрятанным во всевозможных местах. Так, в складках зонтика, выглядевшего самым невинным образом, оказывалось разобранное ружье; у женщин со странной походкой нашли ружья, привязанные к ноге.

В Макамбо мы передали найденное оружие властям, а туземцев пересадили на маленькое судно, которое должно было развезти их по их деревням.

Я в то время взялся нанимать рабочих на сахарные плантации. При удаче—это было выгодное занятие, так как за каждого рабочего, согласного прослужить два года, плантаторы платили около ста рублей. В моем распоряжении была шхуна с туземным экипажем, на которой могли помещаться сорок восемь рабочих, и мне удавалось несколько раз поставлять такие партии.

Однако, это занятие было и очень рискованным. Не говоря уже о возможности кораблекрушения, в виду отсутствия хороших морских карт, бунта среди завербованных рабочих и столкновения с военной лодкой, всегда грозила опасность наткнуться на деревню, где был „долг головы“. Это значило, что один

из жителей деревни умер, находясь где-нибудь далеко, и его родственники и друзья находятся в поисках головы какого-нибудь чужеземца. Обычай—не из приятных!

Они называют это „наведением порядка“.

Одно время в Малаите был „долг“ двадцати голов, и тогда следовало держаться подальше от этих мест, пока не был „наведен порядок“.

Однажды в деревне Понга-Понга было сделано покушение на мою голову. Незадолго до моего приезда умер один из жителей, служивший на торговом судне, а потому требовалась голова предпочтительно белого человека.

Я ничего этого не знал и, бросив якорь в заливе, спокойно вышел на берег. По установившейся практике, за моей лодкой следовала, как прикрытия, вторая, которая стала совсем близко от берега. Гребцы ее были хорошо вооружены и держали весла наготове на случай, если-бы мне пришлось спастись бегством.

Вышедшие жители встретили меня любезно и, как казалось, были настроены дружелюбно. На мой

Вдруг с лодки раздался предостерегающий крик. Я оглянулся. За стволом пальмы человек натягивал огромный лук и целился прямо в меня...

вопрос рассказали, что здесь много здоровых молодых людей, желающих работать на плантациях. Может быть я согласен пройти в деревню, чтобы там потолковать.

Но я не согласился, так как не хотел далеко уходить от лодок, и сказал, что, по моему, здесь, на берегу, можно отлично решить все вопросы. Итак, мы стали гуляя по берегу, обсуждать подробно вопросы о вознаграждении, о питании и вообще об условиях работы на плантациях. Все шло очень гладко, и я уже рассчитывал нанять большую группу рабочих.

Вдруг с лодки раздался предостерегающий крик; оглянувшись я увидел спрятавшегося за стволом кокосовой пальмы человека, который натягивал огромный лук и целился прямо в меня. Я схватил свою винтовку, выпустил не целясь несколько зарядов в стрелка и в

толпу и бросился в воду; толпа с криком погналась за мной, а когда я обернулся, чтобы выстрелить еще раз, я был ранен в шею стрелой. К счастью, рана оказалась легкой, но шрам от нее остался у меня на всю жизнь.

Между тем матросы непрерывной стрельбой удерживали толпу, что дало мне возможность вскочить в лодку. Через несколько минут мы уже были на шхуне и, подняв паруса, вышли в открытое море.

После этого случая я уже никогда не заезжал в Понга-Понга.

* * *

Надо заметить, что завербовать туземцев и посадить их на судно — это только половина дела; гораздо труднее зарегистрировать их и доставить в сохранности нанимателю.

В одной деревне мне однажды удалось набрать двадцать молодых людей, и мы поехали к ближайшему депутату, чтобы записать их. При отъезде они были очень довольны и все мечтали, сколько они купят разных вещей на свой заработок. Но как только их деревня скрылась из виду, у них нача-

лась „тоска по родине“. Они жаловались, что теперь уже никогда не увидят своей деревни, говорили, что это только по глупости они могли согласиться уехать так далеко от дому, и просили меня отвезти их домой.

Когда я им в этом отказал, то заметил некоторые признаки начинавшегося брожения. Это меня очень беспокоило, так как если бы они отказались записаться у депутата, то я не мог заставить их и должен был бы отвезти их обратно на свой собственный счет.

Я не давал им заметить моей тревоги, так как надеялся, что пока мы доедем, у них пройдет „тоска по родине“.

Следующей ночью я проснулся от шума на палубе, над моей головой. Выбежав наверх с револьвером в руках, я застал такую картину: паруса были спущены, и несколько туземцев боролись с рулевым, желая овладеть шхуной, чтобы повернуть ее обратно.

Я им пригрозил револьвером и они отступили, а когда судно пошло вперед, я вступил с ними в беседу.

— Вы знаете, сказал я строго, — что вы сделали очень серьезный проступок, учинив в открытом море бунт. Власти будут этим очень, очень недовольны, и каждому из вас придется просидеть в тюрьме несколько лет; пожалуй, лет по десяти; и все это время нужно будет усиленно работать и притом даром.

Долго говорил я в этом духе, а затем оставил их под надзором нескольких вооруженных матросов.

На следующее утро их вожаки пришли ко мне с повинной. Они объявили, что сделали это не подумавши, а теперь очень сожалеют, и просили меня не сообщать ничего начальству.

Я обещал, но под условием, что они без всяких недоразумений запишутся у депутата, на что они сразу согласились, и, таким образом, этот случай окончился благополучно.

* * *

Вообще говоря, понять психологию дикаря—дело далеко не легкое; у них на все есть своя особенная точка зрения, резко отличающаяся от нашей. Примером этого может служить случай с моим механиком Джимми и его женой.

Молодая и красивая девушка, она была куплена им за годичные сбережения. Я присутствовал при этой покупке, или, другими словами, при их свадьбе. Отец „невесты“ сидел, поджав ноги, под пальмой, около своего дома. Джимми выложил перед ним целую кучу всякого добра, начиная с иглонок и кончая старым граммофоном с одной истертой и треснувшей пластинкой. Отец пересчитал все вещи, сравнил их число с рядом узлов на своей длинной веревке, и заявил, что все правильно согласно уговора, но все-таки попробовал выпросить еще две-три вещи. Получив отказ, он с неудовольствием кивнул головой, и Джимми повел свою молодую жену на шхуну.

Когда мы уходили, старик завел граммофон и, повидимому, продолжал заводить его всю ночь; по крайней мере, когда мы на рассвете готовились к отплытию, до нас продолжали доноситься дребезжащие звуки надтреснутой пластинки.

Джимми ценил свою жену очень высоко, и я считал это признаком глубокой и длительной любви. Но ошибочность моего мнения обнаружилась после одного случая, когда он ей спас жизнь.

Мы поставили шхуну в устье небольшой реки для починки, а так как погода обещала быть прекрасной, жена Джимми взяла лодку и поехала на взморье ловить рыбу. Вдруг налетел шквал, называемый туземцами „сердитый ветер“, и нагнал огромную волну, превратившую море в бушующий бурун. Когда волна спала, мы увидели, что лодка выдержала шквал, но женщина потеряла весло и беспомощно крутилась по ту сторону линии прибой.

Жители, вышедшие на берег, смотрели на пенящееся море и безнадежно покачивали головами. Они

Отец „невесты“ пересчитывал вещи, полученные за дочь...

говорил, что нечего и думать ехать спасать ее, так как ни одна лодка не сможет пройти через прибой.

Но Джимми решил иначе. Достав маленькую лодку, он спустил ее на воду, прыгнул в нее в удобную ми-

нуту и несколькими удачными, ловкими ударами весла проскочил первую линию прибоя... Но дальше предстояли большие трудности. Долго все его усилия были направлены на то, чтобы удержаться на

полосе воды, лежавшей между линиями прибоя. Его относило то вперед, то назад, но он с большим искусством лавировал, не спуская глаз с катящихся волн. Один раз показалось, что он ошибся. Видно было, что идет гигантская волна, большая, чем все остальные, грозя разрушением всему на своем пути. Вот она приблизилась и повисла над лодочкой, затем немного изогнулась, и на гребне показалась белая полоса пены: еще мгновение, — и она обрушилась с ужасающим грохотом.

Мы ждали, затаив дыхание, но оказалось, что лодка спокойно покачивалась на поверхности воды.

Джимми отплыл назад как раз, сколько нужно было, чтобы избежать удара; теперь же, когда волна, как он предвидел, образовала за собой спокойное пространство, он стремительно бросился вперед, достиг жены и через несколько минут возвратился вместе с нею.

Когда он вышел на берег, толпа туземцев и экипаж шхуны приветствовали его громкими криками. Он замечательный лодочник, — говорили они, — и притом очень храбрый! Многие бы решились на это из-за простой женщины.

Но он не обращал на эти возгласы никакого внимания, так как все оно было поглощено женой. Он проклинал ее и бранил всевозможными словами. Когда же запас бранных слов был исчерпан, он сердито повернулся ко мне:

— Ведь если бы она утонула, я потерял бы все, что заплатил за нее, и у меня не осталось бы ни жены, ни вещей. Ее отец ни за что не отдал бы мне ни граммофона, ни остального: он очень жадный человек!

Таким образом, Джимми смотрел на свою жену, как на капитал, и храбрость его была вызвана исключительно коммерческими соображениями.

* * *

По моим наблюдениям, жители Соломоновых островов, как и вообще дикари, очень суеверны и верят

в колдовство. Ежедневно при заходе солнца они ставят по дорогам, ведущим к деревне, рогатки, чтобы испугать духов, так как духи разгуливают преимущественно по ночам. А были и такие места, куда ни один туземец не пойдет даже днем.

Одним из таких мест были „Острова духов“ — десяток высоких скал, расположенных среди чудной, тихой лагуны. Жители считали, что здесь духи занимаются рыбной ловлей, так как у них такие же потребности, как и у людей, и что если кто-нибудь попытается ловить рыбу в их воде, то погибнет мучительной смертью.

Когда я поехал на эти острова, чтобы сфотографировать их, мне пришлось самому грести, так как никто не соглашался ехать со мной.

Впрочем был один „дух“, которого они совершенно не боялись. Это — „спиртный дух“. За спирт они готовы были делать, что угодно, и мне приходилось прятать свои запасы в особо сохранный место. Они пили все, что имело какую-нибудь остроту. Как то раз я попал на небольшой островок к северу от Велла-Лавелла и застал все население, мужчин и женщин, после попойки, причем многие из них чувствовали себя очень плохо.

Я никак не мог понять, где они достали, чем напиться, так как торговцев на острове не было, а ехать куда-нибудь за запасами они не могли за отсутствием лодок.

Уже гораздо позже я узнал, в чем дело.

Один европеец-натуралист, занимавшийся на этом островке, как-то уехал на своем катере за провизией, оставив препараты и два боченка с денатурированным спиртом. Жители не выдержали искушения и выпили весь спирт, в котором сохранялись змеи, ящерицы и проч.

Между прочим, на Соломоновых островах я встретился с одной оригинальной личностью. Она принадлежала к племени Самоа, вышла замуж за европейца и овдовела. У

нее было огромное состояние: несколько островов принадлежали ей целиком, и на этих островах обрабатывались тысячи десятин земли; наконец, для объезда своих владений она завела собственную яхту, обставленную с необычайной роскошью.

И все-таки в глубине души эта женщина оставалась дикаркой. Местные обычаи и суеверия были ей дороже, чем все блага цивилиза-

ции. Бывали времена, когда она сбрасывала с себя культурный облик и пускалась в дикие пляски со своим соотечественниками.

Вообще в ней происходила постоянная борьба между желанием иметь вид, соответствующий ее богатству и положению, и врожденными, наследственными наклонностями, и это составляло трагедию ее жизни.

КОНТРАБАНДА ОПИУМА

КАРТИНЫ ЖИЗНИ НА ОСТРОВАХ ЮЖНЫХ МОРЕЙ.

Очерк кап. Гордона Гранта.

Мы сидели с губернатором на балконе его дома в Тугали и занимались разборкой только что полученной корреспонденции.

Я заметил, что при чтении одного из пакетов губернатор сильно нахмурился.

— Что-нибудь случилось? — спросил я.

— Опиум! Прочитайте! — сказал он, передавая мне бумагу, где выражалась уверенность, что „губернатор немедленно примет меры к прекращению противозаконной его доставки“.

— Чорт знает что! — воскликнул он, — как же я могу это прекратить, если мне не дадут достаточного числа людей?

Все мы отлично знали, что в северном округе процветает торговля опиумом, но борьба с этой отравой была невозможна при наличии всего двух наших офицеров и дюжины туземных полицейских. Между тем берег был длиною около ста миль и весь был изрезан небольшими бухтами и заливами.

Однако за последнее время этот яд распространялся не только между китайцами, но и среди туземного населения, и как раз накануне было получено известие, что в Софале несколько человек умерли, а другие заболели от опиума.

Губернатор был очень расстроен всем этим и неожиданно, глядя в сторону, произнес:

— Придется вам, Грант, взять это дело на себя.

— Почему же мне? Чем я заслужил такое наказание? Ведь для этого нужно ехать в окрестности реки Кенаи, где свирепствует малярия и заедают москиты, и притом население настроено к нам враждебно.

— Это слишком важное дело, Грант, и я не могу поручить его полиции. Придется ехать вам.

Мне оставалось только повиноваться.

В этот же день, в десять часов вечера, казенная моторная лодка „Кроун“ отчалила от берега и, вышедши в открытое море, направилась на север к Софале. На палубе,

завернувшись в одеяло, лежал шкипер Фразер. У руля поочередно дежурили два туземных матроса, а внизу, в каюте, доктор Бэтхем и я старались заснуть, чтобы прибыть на заре в Софалу со свежими силами.

Нужно заметить, что на нашей территории жили всего три китайца: один—глубокий старик—не мог заниматься контрабандой; другой служил в казенном госпитале, пользовался общим уважением и был вне подозрений; третий—портной, и за ним уже давно было установлено наблюдение.

Уезжая я не составил себе никакого плана действий; я надеялся, что удастся напасть на кое-какие следы при посещении больных.

Рассвет застал нас стоящими на воде неподвижно. Невдалеке, над рифами, отделяющими открытое море от лагуны, ревел прибой. На носу стоял с багром в руке Самми, а Толио напряженно держал руль, следя в то же время за каждым движением Самми.

Вдруг Самми издал глухой звук, и руль повернулся немного влево. Мы взлетели на гребень огромной волны и пролетели сквозь узкий проход между рифами; через минуту мы спокойно плыли к видневшему невдалеке мостику.

Здесь жил старик француз Пьер Лямотт, поселившийся много лет назад, после того, как его лодка разбилась, и сам он был выброшен волнами на берег.

Мы дали три свистка, чтобы предупредить его о своем прибытии, и вскоре у мостика появился высокий добродушный старик и пригласил нас к себе.

После завтрака я обошел с Бэтхемом больных, и, как выяснилось, положение было серьезное: трое умерли и около двадцати человек были тяжело больны. Однако, ни один из них не дал ни малейшего намека на причину болезни. Даже их начальник, — Толио, — относившийся к нам дружелюбно, не хотел или не мог ничего объяснить. Пьер Лямотт тоже ничего не знал.

Границей владений Толио служила река Кенаи, а по ту сторону ее были владения другого вождя Моорей, относившегося к белым враждебно.

И вот, в сумерки принесли племянника Толио в очень плохом состоянии. Он рассказал, что работал на реке, потом его пригласили выйти на берег, и когда там он чего-то выпил, то ему сделалось дурно.

Этого мне было достаточно. Вечером я сказал, что завтра я пойду в деревню Сутеа и Салота и буду собирать коллекций бабочек. Возвращусь же в воскресенье.

На другой день я пустился в путь, захватив лишь сетку для бабочек. Я считал, что это будет вполне миролюбивая, хотя и не легкая экскурсия, и надеялся выведать что-нибудь в деревнях.

Чтобы отвлечь подозрение, я пошел сначала в сторону, собирая бабочек, а затем перешел в брод Сутеа, приток Кенаи, впадающий в нее как раз около деревни Сутеа. Здесь я решил сделать привал и позавтракать.

Только что я развел костер против москитов, как заметил туземную лодку, которая тихо кралась под противоположным берегом. Как только туземцы увидели дым от костра, они быстро причалили к берегу, вытащили лодку и исчезли в чаще.

Я сначала колебался, что предпочесть, но потом решил взять быка за рога и направился прямо в Сутеа. Отыскав лодочку, я переехал на ту сторону и пошел по тропинке, повидимому, в деревню.

Все время, пока я шел, мне казалось, что за мной следят, но кругом никого не было видно, и только раз, оглянувшись, я заметил быстро исчезающую черную ногу.

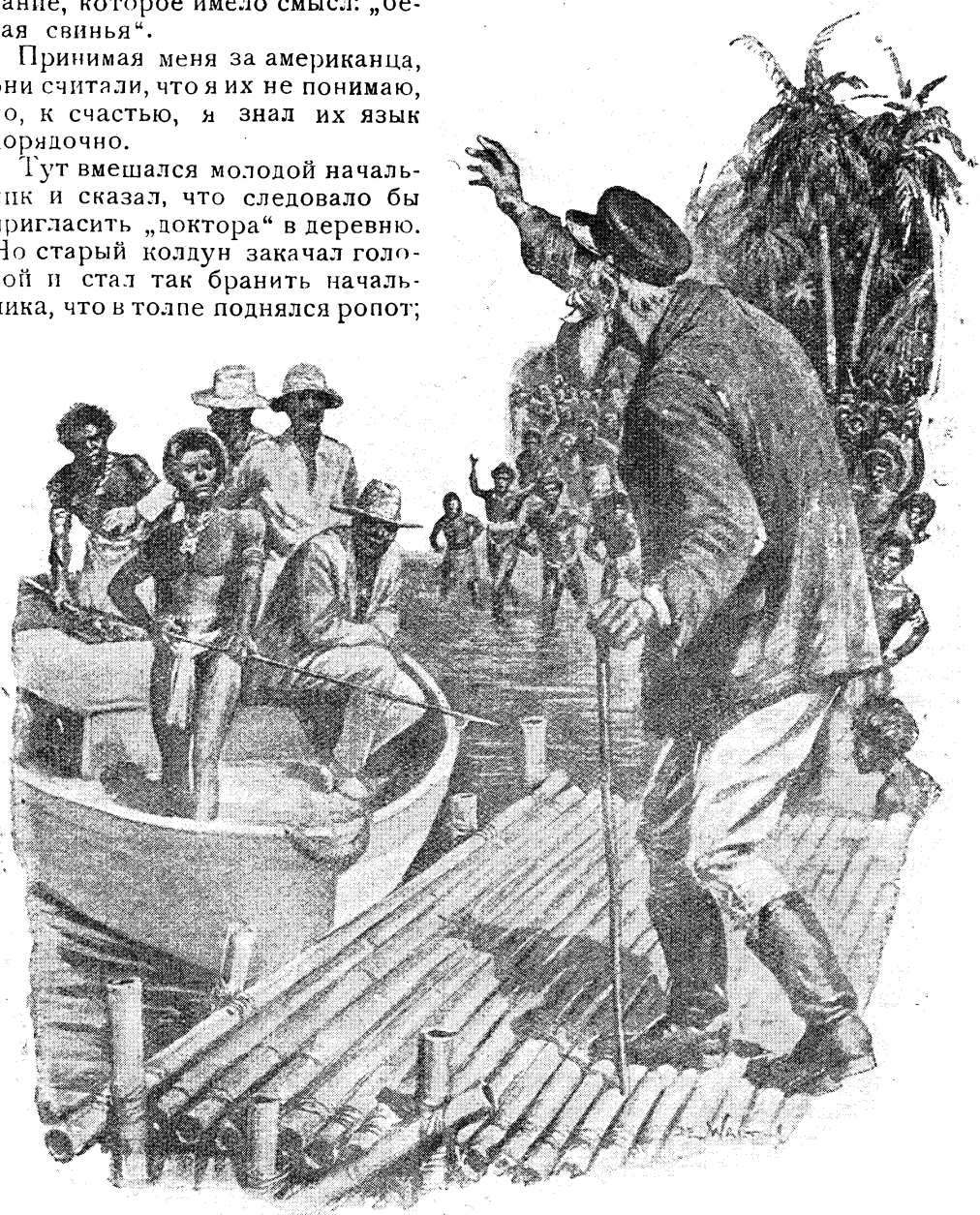
Скоро сквозь деревья я увидел крыши домов и услышал говор толпы. На повороте вдруг показалась процессия со стариком во главе, который скакал, как сумасшедший. Это был деревенский колдун, а за ним шел начальник и толпа жестикулирующих туземцев.

Желая произвести благоприятное впечатление, я подошел к толпе и, подавая руку колдуну, приветствовал его по-английски. Он, однако, не взял моей руки и сделал замечание, которое имело смысл: „белая свинья“.

Принимая меня за американца, они считали, что я их не понимаю, но, к счастью, я знал их язык порядочно.

Тут вмешался молодой начальник и сказал, что следовало бы пригласить „доктора“ в деревню. Но старый колдун закачал головой и стал так бранить начальника, что в толпе поднялся ропот;

в ствиях, я схватил свою сетку и покрыл ею голову колдуна. Освоившись из-под сетки, колдун пришел в бешенство и приказал схватить и связать меня. Сопротивле-

У мостика появился добродушный стажок и пригласил нас к себе...

это его окончательно привело в ярость, и он хотел ударить начальника.

Совершенно не подумав о послед-

ние было бесполезно; меня связали и отвели в одну из хижин. Снаружи и внутри была поставлена стража.

Обдумывая свое безвыходное положение, я услышал далеко неуспокоительные разговоры, происходившие снаружи и касавшиеся меня. До меня долетали отдельные отрывки, как „длинная свинья“ (т. е. человеческое мясо) в „пятницу полнолуние“ и „предстоящее роскошное пиршество“.

В сумерки молодой туземец принес мне еду и зеленые кокосовые орехи для питья, и когда он пришел вторично за остатками, я с изумлением увидел, что это был негр Тулио, служивший раньше на „Круоне“ и уволенный за то, что выпивал спирт из ямп. В то время я за него заступился и теперь надеялся, что, может быть, он это вспомнит.

Этот Тулио был для меня загадкой: он был очень ловок и, до известной степени, заслуживал доверия, но иной раз позволял себе совершенно дикие выходки.

Наклоняясь взять остатки, он спросил едва слышным шопотом:

- Кто управляет шлюпкой?
- Капитан Фразер.
- Нет, нет, кто правит рулем?
- Самми и Толио.
- Ладно! Утром посмотрите, что я нацарапаю на дне чашки.

После еды я занялся осмотром своей „камеры“. Вся обстановка ее состояла из двух цыновок, деревянной подушки и полога для защиты от москитов. Пожалуй, еще дополнял обстановку караульный, стоящий с ружьем в руках и с ножом у пояса, как изваяние.

Безуспешно попытавшись вступить с ним в беседу, я, наконец, разделся и заснул, а когда утром проснулся, то оказалось, что мое платье исчезло.

Когда мне утром принесли еду, я поспешно вылил поданную бурду из чашки, чтобы прочитать послание Тулио. На дне чашки было нацарапано, что когда я ночью услышу шорох у наружной стены, я должен тотчас же без шума убить караульного.

Задача была трудная. Целый день я обдумывал, как я смогу убить

этого атлета, вооруженного ружьем и ножом, но до самого вечера не мог ничего придумать.

Вечером один из начальников пришел поболтать с моим караульным. До меня долетели отрывки их разговоров, в которых упоминалось о „завтрашнем полнолунии“, и „об ожидаемом приезде Сина-Фоми“ (китайского доктора). Я насторожил уши, как вдруг услышал плеск воды в реке.

У меня сразу мелкнула мысль, что это Фразер приехал спасать меня и я привскочил, но караульный, заметив это, злобно засмеялся и сообщил, что это приехал Сина-Фоми, который будет завтра из меня готовить обед.

Оба они засмеялись, и начальник ушел, потирая рукою живот и облизывая губы, предвкушая удовольствие от предстоящего пиршества, где самым лакомым блюдом будет белый человек, „длинная свинья“.

Кто же мог быть этот „китайский доктор“? — задавал я себе вопрос. Все местные китайцы были наперечет, а посторонний не мог приехать незамеченным; да и откуда ему взять шлюпку? Все шлюпки были на учете, и всегда было известно, где какая находится; на севере от Кенаи была единственная шлюпка, принадлежащая Гансу Нильсону, но он был вне всякого подозрения.

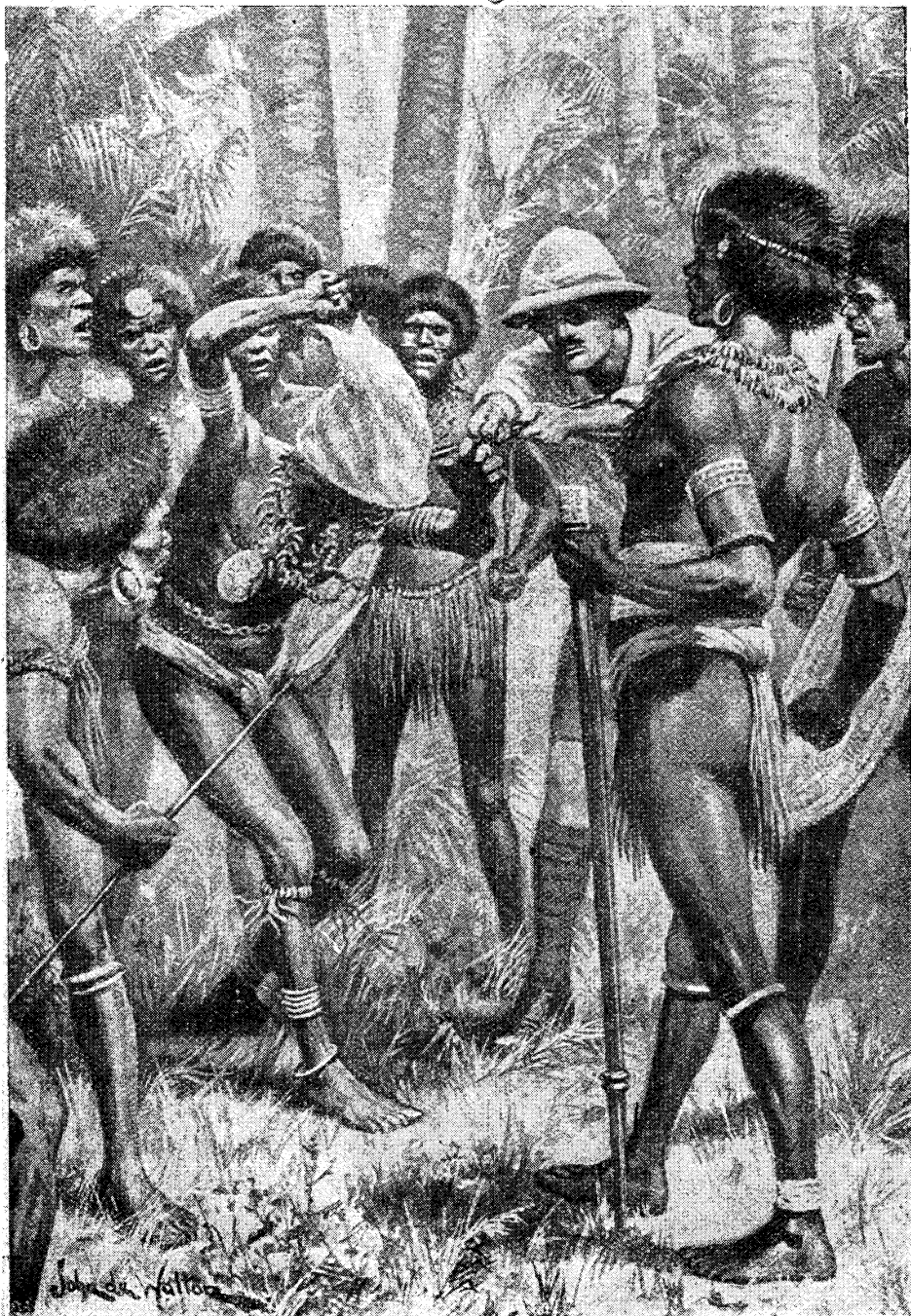
— Что, сегодня много сонного лекарства? — спросил я неожиданно караульного на его языке. Он открыл от изумления рот, а потом, несколько оправившись, отвечал:

— Нет, сегодня много разговоров; завтра много товаров, потом много разговоров. Завтра большое угощение, потом много сонного куренья.

Я попробовал еще задать ему вопросы, но он, почуяв в них что-то неладное, замолчал.

В это время за стеной послышалось царапанье, я вспомнил, что это сигнал, чтобы я расправился с караульным. Но у меня не было никакого плана, и я сидел под пологом

облокотившись на деревянную по- жать, он бросился ко мне, и, когда
душку. Вдруг меня осенила мысль... он совсем приблизился, я ударил

И схватил свою сетку и покрыл ею голову колдуна.

Я вскочил, схватил подушку и начал ею бить по стене, внимательно следя в то же время за караульным. Предполагая, что я хочу убе-

его подушкой, как тараном, в живот. Схватившись обеими руками за живот, он выронил ружье и со стоном повалился на пол. Оглушив

его вторым ударом, я связал его и обмотал рот пологом, чтобы он не мог закричать.

Выскочив затем из дверей, я встретил Тулио, который принес мои сапоги и часть костюма.

Каково же было мое удивление, когда, спустившись к реке, мы на-

сона в Сумио, разграбили его склады, подожгли строения, а сам он должен был бежать в лес. Только через три дня добрался он до Софалы, всего через час после моего ухода.

В то же время Тулио, каким то образом, дал знать Толио о моем положении, что меня собираются

Наклонясь взять остатки еды, Тулио спросил едва слышим шепотом...

шли там Фразера, Бэтхэма и старика Пьера, ожидавших меня в шлюпке, стоявшей у самого берега.

Мы сейчас же выехали на середину реки, и нас медленно повлекло вверх по Кенаи приливом, заходившим на несколько верст вглубь в реку.

Оказалось, что Моореи и таинственный „китайский доктор“ произвели нападение на усадьбу Ниль-

съесть и только ждут приезда „китайского доктора“, который должен руководить приготовлениями.

Здесь, на шлюпке, я в первый раз увидел Нильсона. Узнав об экспедиции, он пожелал принять в ней участие, так как надеялся возвратить украденную у него шлюпку. Ее то, как выяснилось, я и слышал, когда думал, что мои друзья приехали спасать меня.

Мое удачное бегство объяснялось тем, что в деревне, лежавшей в двух верстах вверх по реке, происходили какие то важные события, и все мужское население Сутеа отправилось туда, а здесь оставались одни женщины.

При таких условиях захватить шлюпку Нильсона казалось совершенно невозможным. Однако Бэтхем предложил безумный план: напасть на собравшихся в Салоте туземцев и во время смятения увести шлюпку.

Несмотря на мои возражения, предложение было принято, и решено было, что мы разделимся на две партии. Одна произведет неожиданную атаку, а тем временем Фразер и Тулио захватят лодку и спустятся вниз по реке.

Что касается нашего вооружения, то оно состояло из одного ружья с шестью патронами, револьвера и лодочного багра; но изобретательный доктор предложил захватить электрические фонари, а Тулио добавил, что старые огнетушители тоже могут оказаться полезными.

Вооружившись таким образом, мы молча двинулись вверх по реке, плывя под самым берегом. Тишина нарушалась только треском костра и отдаленными голосами туземцев. Через полчаса мы достигли поворота реки и здесь, при свете костров, сразу увидели привязанную у берега шлюпку Нильсона. Увидя свою шлюпку, несчастный старик чуть не заплакал от радости.

Оставив шлюпку под охраной старого Пьера, мы высадились на берег, подошли к пальмовой роще и осторожно двинулись по направлению к костру. Фразер и Тулио держались ближе к берегу, Бэтхем и я составляли центр, а Нильсон с Толио и Самми—левое крыло.

Подойдя саженой на тридцать к главной хижине, где шла беседа, Фразер выстрелил из ружья. Раздавшийся среди полной тишины выстрел произвел на дикарей потрясающее впечатление: они бук-

вально опешили. Не давая им опомниться, мы с криком ринулись на них, а они стремглав бросились в кусты.

Вскочивши в хижину, я очутился лицом к лицу с почтенным китайцем, служившим в казенном госпитале. Висевший под потолком ночник освещал его желтое лицо, а взгляд его был полон ненависти. Я буквально остолбенел и не верил своим глазам; но тотчас же сообразил, какая опасность мне угрожает: в одной руке он держал револьвер, а в другой—кинжал.

У меня на мгновение мелькнула мысль испугать его огнетушителем, который я держал в руках, но я вспомнил, что он отлично знает его назначение.

Между тем он спокойно целился в меня. Я увидел, что его палец потянулся к курку. Я инстинктивно пригнулся и, уронив огнетушитель, бросился на него. В то же мгновение огнетушитель взорвался, и комната наполнилась едким дымом. Китаец начал стрелять, но я успел схватить его и повалить на пол.

Я опомнился, когда увидел убежавшего Бэтхэма. Китаец лежал без сознания на полу, и мы с доктором потащили его к лодкам.

Оглянувшись, я увидел, что Самми, держа в руках шипевший еще огнетушитель, гнал нескольких дикарей, которые с перепугу отчаянно кричали, убегая во всю мочь в кусты.

Фразер, взявший на себя, за отсутствием доктора, руководство, послал Тулио к шлюпкам, а сам продолжал гнать дикарей подалее от деревни, чтобы прикрыть наше отступление.

Едва только успели мы втащить китайца на шлюпку, как прибежал Фразер с остальными; старик Нильсон совершенно запыхался и упал было в воду, но мы помогли ему взобраться из шлюпку.

Однако за Фразером гналась с оглушительным криком толпа, бросающая копыя, камни и даже кокосовые орехи. Поэтому мы поспешили выбраться на середину реки.

Увидев меня, дикари подняли крик еще сильнее; видимо они раньше не узнали меня и считали, что у них есть заложник, на котором можно будет сорвать злобу.

В это время где то на реке, выше нас, раздался плеск воды от другой лодки; мы очень обрадовались, так как это значило, что Тулио благополучно увел лодку. Нильсон был в восторге и благодарил нас всех по очереди.

Скоро, однако, мы с удивлением заметили, что звуки, вместо того, чтобы приближаться, удаляются. Тогда мы дали продолжительный свисток, чтобы осведомить Тулио, что все окончилось благополучно, и что он может возвращаться; но он, не отвечая нам, продолжал двигаться вверх.

Я догадался, что он решил оставить лодку вместе с грузом у себя.

Получилось нелепое положение: мы захватили виновного китайца, но не было никаких доказательств. Все вещественные доказательства были, очевидно, на лодке, которая теперь уходила от нас и легко могла быть спрятана в одном из многочисленных рукавов реки. Скоро должен быть начаться отлив, и нам предстояло вернуться в Софалу без второй лодки. Но Фразер не сдавался.

— А как вы относитесь к морскому сражению? Что, если попробовать догнать Тулио и захватить его?

Все согласились и сразу был намечен план. По нашим расчетам, Тулио или достиг деревни Эльсоми, или же спрятался в одном из заливчиков.

Несколькими ударами весел мы подошли к берегу и под его прикрытием стали медленно подвигаться, так как уже начинался отлив.

Действительно, приблизившись к Эльсоми, мы заметили на середине реки, немного ниже деревни, нашу шлюпку. Теперь задача состояла в том, чтобы захватить Тулио врасплох. Он мог ждать нас снизу; поэтому мы проехали мимо лодки

под берегом, и, когда оказались выше ее, то выехали на середину и пустили свою шлюпку по течению.

Когда мы были уже в нескольких шагах, Тулио заметил нас и выстрелил из ружья, которое где то стащил. Я почувствовал удар в бедро и упал в воду, но Фразер меня вытащил; в то же мгновение обе лодки столкнулись, и Бэтхэм, Фразер и Нильсон перескочили на другую лодку, схватили Тулио и другого туземца и, связав их, перетащили к нам. Нильсон же остался на своей лодке.

В это время на берегу раздались отчаянные крики и в нас полетел град всяких предметов. Старик Пьер был оглушен кокосовым орехом, попавшим ему в голову; Фразер был ранен копьём в плечо и в руку; Толио и Самми моментально прыгнули за борт; Бэтхэм был сбит камнем в воду, и мы с Фразером насилу его вытащили, после чего и Бэтхэм, и Фразер упали без чувств на дно лодки; Нильсон же уехал вперед на своей лодке.

Между тем рана причиняла мне невыносимую боль, и я чувствовал, что каждую минуту могу потерять сознание, но, понимая опасность положения, крепился изо всех сил.

В это время дикари начали бросать в нас, и притом с большою ловкостью, зажженные факелы. Я подошел к мотору, чтобы пустить его, но с ужасом увидел, что в нем поломаны трубки.

Положение было отчаянное. Мы все время медленно плыли на расстоянии всего сажень пятнадцати от берега. Вспомнив про Самми и Толио, я позвал их, и две головы сразу вынырнули из за борта. Я велел Толио оттащить нас за висевшую на носу веревку к середине реки. Он бросился исполнять это, но дикари, поняв его намерение, стали бросать в него камни. Однако Толио очень искусно увертывался от ударов, а когда замечал летевший большой камень, то скрывался под водой.

Китаец целился в меня из револьвера. В другой руке его был кинжал.

Старик Нильсен совершенно забывался и упал было в воду..

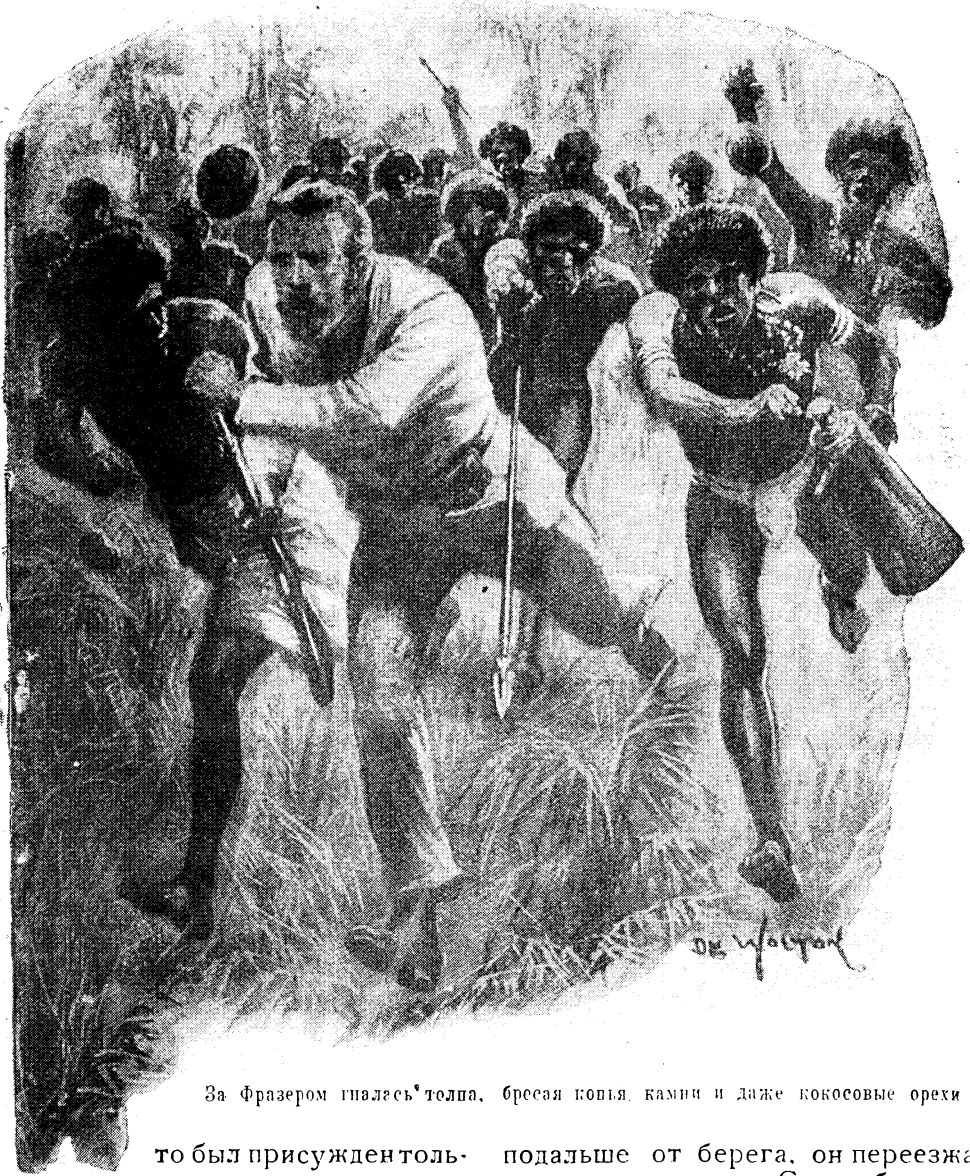
Наконец, мы все таки вышли из полосы обстрела, и скоро снизу послышался свисток Нильсона. Спустя некоторое время нас отнесло течением к его лодке, и мы стали на якорь посредине реки.

Здесь мы осмотрели раненых, причем оказалось, что Бэтхэм только оглушен, так что, когда ему влили в рот немного водки, он быстро пришел в себя и перевязал раны мне и Фразеру. После этого мы двинулись дальше, причем нашу лодку Нильсон взял на буксир, так

как, к счастью, его машина оказалась в исправности.

Когда Тулио спросили по поводу его попытки украсть лодку он ничего не отвечал, но совершенно искренне застонал, когда узнал, что его выстрел попал в меня.

Мы приехали в Софалу в весьма истерзанном виде и направились к старику Пьеру, а оттуда, отдохнув два дня, возвратились домой вместе с Нильсоном. „Китайский доктор“ был предан суду, но так как он указал своих сообщников,

За Фразером гналась толпа, бросая копья, камни и даже кокосовые орехи

то был присужден только к высылке на родину.

На суде, между прочим, выяснилось, каким образом, принимая участие в контрабанде, он никогда не был заподозрен. Он уезжал каждую пятницу на юг, на свою плантацию, но, как оказалось, ночью, держась

подалее от берега, он переезжал на север, где около Сумио была его настоящая квартира; затем в воскресенье вечером он возвращался на свою плантацию, а в понедельник утром приезжал оттуда на службу.

ЕДИНСТВЕННЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ ДОКТОРА ХЭКЕНСОУ.

VI.

ЩИТ ПРОТИВ ТЯГОТЕНИЯ

Рассказ К. Фезандие. С английского пер. Л. Савельева.

ОТ АВТОРА: Человек обладает способностью отражать звук, тепло и свет. По аналогии мы можем предполагать, что тяготение представляет собою род энергии, сходной со звуком, светом, теплом и электричеством. Если бы удалось преградить каким либо способом истечение этой энергии, то это предохраняло бы тела от тяготения. Такого рода щит или рефлектор можно было бы использовать для всевозможных целей.

Глава I.

— Сайлес, — сказал доктор Хэкенсоу. — Я собираюсь показать вам сегодня нечто, что в некоторых отношениях превосходит все мои прежние достижения. Действительно, изобретение мое открывает совершенно новые области для исследования, и нельзя даже предвидеть, к чему оно может привести нас. Сайлес, я нашел способ отражать тяготение!

Лицо Сайлеса Рокетта выразило разочарование. — О, только то! — воскликнул он пренебрежительным тоном.

— Ах, Сайлес — возразил доктор. — Я вижу, что вы не усваиваете всю теоретическую ценность этого открытия, но ведь и практические применения его бесчисленны. Взять хотя бы один только пример: в области транспорта произойдет полный переворот, если мы будем в состоянии, по желанию, лишать вещи их веса и отправлять их по назначению по соответствующему воздушному течению. Подумайте только, каждому человеку будет доступно носить с собою свой собственный аэроплан в виде зонтика, сделанного из „радаллюминия“ как, к слову сказать, называется мой новый металл. Если открыть зонтик, то вы поднимитесь в воздух и пропеллер, приводимый в движение двойной

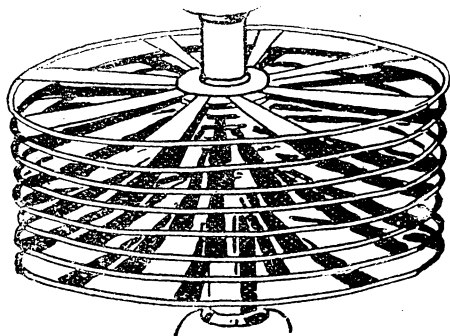
педалью, понесет вас, куда захотите. Да, дорогой мой, по воздуху будут массами носиться такие воздушные велосипеды, и уличным полисменам не легко будет руководить порядком среди них!

Вы можете понять, что мне не легко было прозводить изыскания в этом направлении. Я подходил к этой проблеме с различных сторон, пока не добился успеха. Вы, может быть, слышали, что ученый Мажорайа, на основании результатов некоторых опытов с маятником, пришел к выводу, что масса свинца, помещенная в ртуть, проявляет меньшую силу тяготения, чем та же масса без ртути. Это, казалось, могло служить руководящей нитью в моей работе, но после сотни опытов со свинцом и с ртутью я нисколько не приблизился к своей цели. Затем я пытался найти разрешение в явлении „интерференции“. Вы, вероятно, знаете, что два звука при столкновении могут уничтожить друг друга, и получится молчание, отсутствие звуков. Два луча могут также погасить друг друга и наступит темнота. Казалось логичным допустить, что два притяжения могут совершенно таким же образом столкнуться и нейтрализовать друг друга. К несчастью, в моем распоряжении не было такой силы притяжения, которая могла бы нейтрализовать силу

притяжения земли. Тогда у меня возникла мысль произвести исследование над магнетизмом. Магнетизм и тяготение по существу своему должны быть однородны. Если бы мне удалось найти способ отражать магнетизм, то то же самое вещество будет, вероятно, предохранять и от тяготения, — рассуждал я.

Металл легче воздуха.

Вы знаете, что я нашел сотни новых химических соединений, смесей, и даже новые элементы. Среди них был новый металл, легче воздуха, который я назвал „радаллю-

Аппарат, который служил доктору Хэкенсоу для ограждения изобретенного им вагона от действия земного притяжения.

минием“, ибо в состав его входят радий и алюминий. Я выработал только один грамм этого металла и был поражен его легкостью, ибо он поднялся вверх в реторте, а когда я вынул его, он взлетел к потолку лаборатории. Тогда я всецело занялся выработкой этого металла в больших размерах. К счастью, я осторожно проводил свои первые опыты, иначе я не мог бы сейчас беседовать здесь с вами, ибо шарик нового металла взлетел вверх, проломил стекло реторты и, выстрелив, как пуля, пробил потолок и исчез в небе. После этого я стал осторожнее. Я убедился, что следует выработать этот металл небольшими частями и затем соединять эти

части вместе с соответствующими предосторожностями. Я не буду надоедать вам подробным описанием моих опытов. Достаточно сказать, что в конце концов я нашел следующую наилучшую форму для щита против тяготения: ряд тонких листов в виде колес с большими промежутками между спицами, как это видно на рисунке.

Чтобы они не унеслись в пространство, следует помещать на эти листы значительную тяжесть.

Расположив эти листы один над другим и вращая их так, чтобы преграждать притяжение земли, я мог по желанию регулировать вес предмета, помещенного поверх щита. Когда совершенно прегражден доступ силе тяготения, то весь аппарат поднимается в воздух; и чтобы он при подъеме держался горизонтального направления, необходимо укрепить снизу соответственный балласт.

— Это штука очень удобна для путешествий на планеты, — заметил Сайлес. Оградили себя от земного притяжения и отправляйтесь на солнце или на другую планету, которую вам угодно посетить.

— Конечно, — с улыбкой ответил доктор Хэкенсоу, — вы, повидимому, забыли, что притяжение изменяется обратно пропорционально квадрату расстояния. У нас, на Земле, притяжение Луны больше, чем притяжение какого либо иного небесного тела, как бы исчезающе мало оно ни было. Притяжение на поверхности Луны равно 2,65; это значит, что скорость тела, падающего на поверхность Луны, будет увеличиваться на 2,65 фута в секунду. Так как Луна имеет всего две тысячи миль в диаметре, то такое тело должно находиться только в одной тысяче миль от центра притяжения при отдаленности Земли на 240.000 миль. Другими словами, сильнейшее влияние, которое какое либо небесное тело может оказать на летящий снаряд, выразится формулой: $\frac{S^2}{R^2} = \frac{2.65}{X}$; причем S — расстояние Луны от

Земли, R — радиус Луны, а X — искомое притяжение снаряда Лунной. Разберитесь в этом, и вы увидите, что влияние Луны на снаряд выразится в такой малой доле дюйма в первую секунду, что при малейшем сопротивлении снаряд не будет в состоянии тронуться с места. А если он и двинется, то ему понадобится несколько часов, чтобы преодолеть первые мили.

— Но вы можете подтолкнуть снаряд, чтобы сдвинуть его с места — возразил Сайлес.

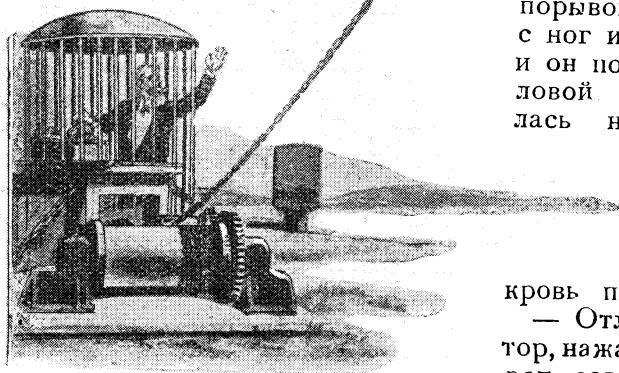
— Правда, но в этом нет надобности, как вы сами убедитесь, когда испытаете на себе действие моих башмаков против тяготения.

Глава II.

Башмаки против тяготения.

Доктор Хэкенсоу повел Сайлеса на середину большого открытого поля. Там стоял стол, внизу прочно привязанный тяжелыми цепями к большому камню. На столе лежала на боку пара грубых на вид башмаков, причем они были прикреплены к столу.

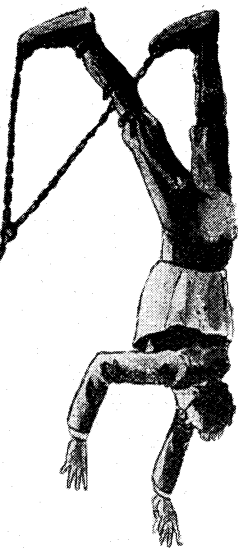
— Вот это, Сайлес, сказал доктор Хэкенсоу, — мои башмаки против тяготения. Ложитесь на стол, и я натяну их вам на ноги.

— А почему я не могу надеть их стоя? — спросил Сайлес.

— Потому, что не пришло еще для вас время улететь на небеса. Будьте послушны и делайте, что вам говорят.

Репортер, ворча, улегся на стол, и доктор Хэкенсоу поместил тело Сайлеса в мегаллический станок, от которого шла крепкая цепь, намотанная на вращающийся ворот. Затем доктор застегнул, как следует, башмаки на ногах Сайлеса,

Страшным порывом ветра Сайлеса унесло высоко в воздух и он повис вниз головой.

и, поместившись в прикрепленной к земле клетке, крикнул ему:

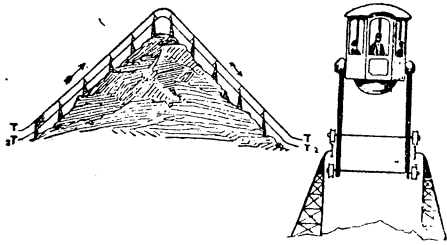
— Вы совершенно готовы?

— Да-а! — с некоторым колебанием ответил репортер.

Доктор Хэкенсоу засмеялся и нажал на рычаг; стол наклонился так, что Сайлес стал на ноги. В тот же момент скрепы, придерживавшие башмаки, выпустили их. Затем страшным порывом ветра Сайлеса сшибло с ног и унесло высоко в воздух, и он полетел, повиснув вниз головой. Цепь с ворота разматалась на сорок футов и затем остановилась.

— Эй! Спустите меня скорей вниз! — крикнул Сайлес. — Я не могу это выдержать. Вся кровь прилила мне к голове.

— Отлично! — откликнулся доктор, нажал на второй рычаг и ворот завертелся, наматывая цепь, притягивал Сайлеса обратно на землю, и башмаки снова схвачены были скрепами на столе.

Вагон доктора Хэкенсоу, предназначенный для пересечения гор; используя ослабление или уничтожение силы тяготения, можно легко заставить вагон подняться на гору и затем опуститься по противоположному склону.

— У-ух! — закричал Сайлес, вытирая со лба капли пота и разглаживая смятую одежду. Раздражение охватило его при мысли о смешном положении, в котором он оказался.

— Почему вы не предупредили меня о том, что произойдет? Это, во всяком случае, вздорное изобретение, и оно не имеет никакой цены. Им можно воспользоваться только для какого-нибудь увеселительного учреждения. Только там найдутся люди, которые пожелают платить за то, чтобы проделать такой опыт, какой проделал я.

— Не волнуйтесь, Сайлес — успокаивал его доктор Хэкенсоу. — Со мной было гораздо хуже при первом опыте. К счастью, я принял все меры предосторожности.

— Но что же, скажите пожалуйста, так увлекло меня вверх? — спросил Сайлес. — Вы сказали, что Луна не может притянуть меня к себе.

— Это не Луна — объяснил доктор. — Это — ветер.

— Ветер? Что вы хотите этим сказать?

Применение силы тяготения к железной дороге.

— Давление нашей атмосферы на квадратный дюйм равняется пятнадцати фунтам. На подошву каждого из башмаков наложен тонкий слой радальюминия. Пока этот металл находится в вертикальном положении, он не влияет на атмосферу.

Но как только подошвы башмаков принимают горизонтальное положение, они предохраняют от земного притяжения весь столб воздуха над ними. Давление окружающего воздуха, лишаясь в свою очередь веса, поднимается, и создается таким образом порыв ветра, которым вас могло бы унести к небесам, если бы цепь крепко не удерживала вас. Сайлес, это изобретение мое перевернет вверх дном весь современный транспорт. Я покажу вам, как просто могут пересекать через горы люди, и предметы, и притом почти без всяких затрат.

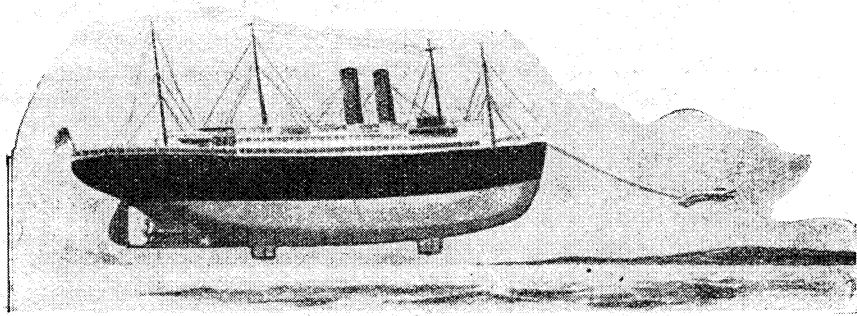
С этими словами доктор вынул из кармана блокнот и набросал чертеж.

— Вот — сказал он — путь, поднимающийся с одной стороны горы и спускающийся по другую сторону. Буквой *P* обозначен пассажир или вагон, которые движутся по этому пути при помощи стержня *C*. Двойное колесо *W* на нижнем конце цепи свободно вращается вдоль пути, и весь аппарат как бы катится по рельсам. На плечах у пассажира находится ранец с металлом против тяготения. Посредством ручки на внешней стороне ранца он может предохранить себя от земного притяжения настолько, насколько пожелает. Поворачивая ручку, он становится легче, поднимается вверх и парит вдоль по дороге, проносясь через вершину горы. Затем он поворачивает ручку в другую сторону, притяжение усиливается, он становится тяжелее и спускается вниз по ту сторону горы. И ни одного цента расходов на топливо или на энергию. Вся работа производится при помощи силы тяготения. Товары можно перевозить почти даром, ибо, конечно, вагон или кабина могут передвигаться с такой же легкостью, как пассажир. Нам незачем будет проводить ровные, гладкие дороги; — дороги неровные, идущие вверх и вниз, будут даже значительно предпочтительнее!

Сайлес, вы не можете себе представить, к каким чудесам приведет

нас мое новое изобретение. Оно внесет коренные изменения в промышленность и торговлю. Задолго до того, как я изобрел шит против тяготения, я произвел опыты с такой железной дорогой, пользуясь в качестве движущей силы воздушным шаром, который сбрасывал балласт на склоне холма. Я прибегал даже к помощи особого рода воздушных змей, которые давали мне возможность увеличивать или уменьшать их поверхность, в зависимости от того, поднимался ли я на холм, или спускался с него. Я мог регулировать быстроту подъема на высшую точку холма. Как

изобретение для архитекторов. Можно переносить дома из одного города в другой по воздуху. Трест по постройке домов может изготавливать дома тысячами в одном месте, используя наилучшим способом материалы и применяя самые экономные методы. Затем, трест может сдавать законченные дома на руки заказчику. И совершенно не нужно прикреплять дома к земле. Если вы пожелаете уехать на лето отдыхать куда либо со своей семьей, то вы можете взять с собою весь свой дом. Одним из величайших препятствий к улучшению города являются его старые постройки. Как лег-

Пароход на высоте одной мили над океаном направляется аэропланом.

легко поднять вверх сидящий в воде пароход со всем его грузом, опустив в воду ребром полосы моего металла против притяжения и затем проталкивая их вперед под пароходом. И к чему нужен будет тогда паровой двигатель! Нагрузите сполна ваш пароход, предохраните его в достаточной степени от тяготения так, чтобы он поднялся на одну милю над океаном, и направляйте его по назначению при помощи одного или нескольких привязанных к нему аэропланов. Если вам нужна большая сила, то вы можете тянуть воздушный корабль при помощи парового буксирного судна. Буксирному судну в качестве опоры будет служить сопротивление воды, тогда как воздушному кораблю приходится преодолевать только сопротивление воздуха.

Затем, подумайте только какое преимущество представляет мое

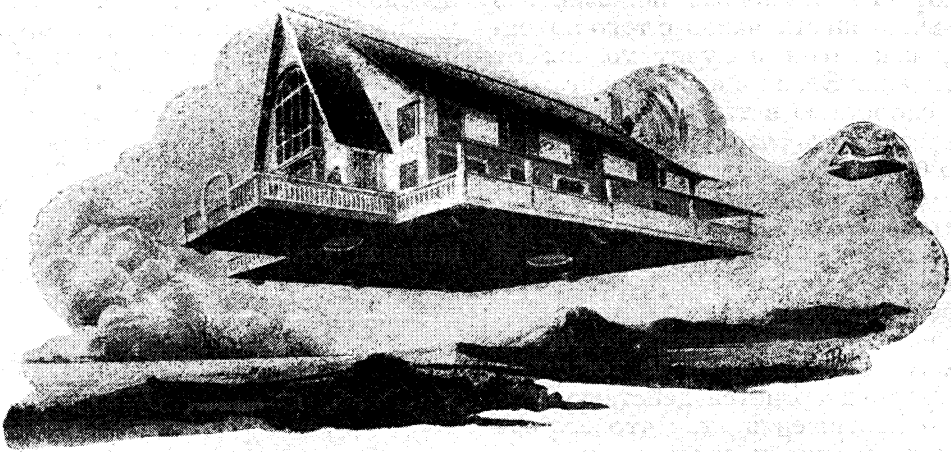
ко было бы оздоровить город, если бы можно было перенести в окрестности все его старые, разваливающиеся дома с отдаленных улиц и проложить по городу широкие улицы с новейшими строениями.

А теперь, Сайлес, я покажу вам перл моей коллекции. Я покажу вам воздушный экспресс, способный перевозить товары с одного конца земли на другой со скоростью в тысячу миль в час.

Глава III.

Воздушный экспресс доктора Хэннесоу.

— Я полагаю, что разрешил проблему дешевого и быстрого транспорта, Сайлес, — продолжал доктор, вводя его в большой ангар, посреди которого стоял вместительный вагон цилиндрической формы; снизу к нему был прикреплен небольшой цилиндр.

Не нужно прикреплять дома к земле. Уезжая на лето отдыхать с семьей, можно взять с собой весь свой дом.

— Вот, дорогой мой, воздушный экспресс—торжественно заявил доктор Хэкенсоу.—Вот вагон, который может не считаться с законами тяготения и делать по тысяче миль в час, не нуждаясь ни в пропеллере, ни в каком бы то ни было моторе. Всю работу совершает сила тяготения и анти-тяготение. То усилие, которое при этом требуется, может быть преодолено пятнадцатилетним мальчиком. Этот вагон может достичь места, отстоящего на расстоянии двенадцати тысяч миль в течении двенадцати часов. Что вы думаете об этом?

— Признаться, я не понял этого—ответил Сайлес.—Построен ли он по тому же самому плану, как и ваш пересекающий горы вагон?

— Конечно, нет. Принципы совершенно различны. Этот вагон извлекает пользу из вращательного движения земли вокруг своей оси, ибо вы знаете, что земля вращается со скоростью в тысячу миль в час. Когда вы были ребенком, Сайлес, вы, вероятно, удивлялись, почему люди, отправившиеся в двадцати четырех часовое воздушное путешествие, не оказываются в том же самом месте к концу полета, откуда они вылетели. Причина этого, конечно, заключается в том, что атмосфера наша вращается вместе с землей, и вещества, несущиеся

в ней, очень легки. Если бы мы могли поместить вагон над воздухом и оградить его от притяжения земли, то он стоял бы и ждал, а земля продолжала бы вращаться под ним, а когда через двенадцать часов вагон спустился бы вниз, то под ним оказалась бы Австралия в том самом месте, откуда он поднялся из Нью-Йорка.

Одним словом, не вагон совершает путешествие в Австралию, а Австралия направляется к вагону. Таков принцип сооружения моего воздушного экспресса.

Вот этот цилиндр перед вами и есть мой вагон. Он нагружен товарами для Австралии, и я намерен отправить его на этой неделе.

— Но,—возразил Сайлес,—не говорили ли вы мне, что вагон, поднимаясь с земли, полетит по прямой линии со скоростью в тысячу миль в час по тому направлению, по которому вращается земля?

— Да, говорил, Сайлес. Я вижу, что нужно объяснить это вам на другом рисунке. Круг этот—земля, а стрелка указывает направление вращения. Y_1 —обозначает положение Нью-Йорка в то время, когда вагон поднимается вверх, а A_1 —положение Австралии в то же самое время. C_1 —положение вагона в момент отправления по прямой касательной, а C_2 , C_3 и C_4 —указы-

вают его различные положения в течении шести часов с того момента, как вагон получит толчок от вращения Земли и начнет двигаться со скоростью в тысячу миль в час. Через шесть часов вагон сделает 6.000 миль и будет находится в точке C_2 , тогда как Нью-Йорк окажется в точке Y_2 ; через двенадцать часов вагон будет в точке C_3 , а Нью-Йорк в точке A_1 , тогда как Австралия окажется в точке Y_1 , то есть в точке отправления вагона. Конечно, задолго до того пассажир подвергнется действию земного притяжения, так что его отнесет обратно к какой нибудь новой точке X , где вагон натолкнется на Австралию. На самом деле я никогда не давал вагону подниматься выше, чем на тысячу миль над землей, ибо я считаю, что на таком расстоянии атмосфера достаточно разрежена.

— Но вы сказали мне, что таким образом вагон полетит по касательной к орбите вращения Земли вокруг Солнца.

— Правда, но касательная и орбита так мало разнятся друг от друга, что я легко возьму эту разницу, еще немного уменьшив тяготение земли.

— Каково назначение цилиндра под вагоном?

— Он содержит балласт, чтобы удержать вагон в прямом положении во время путешествия, ибо важно, чтобы щит все время был параллелен поверхности земли.

— Нашли ли вы кого нибудь в качестве пассажира?

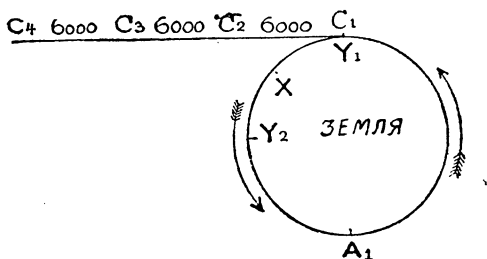
— Да, я собираюсь послать в воздушном экспрессе пятнадцатилетнего мальчика, который служит у меня клерком — зовут его Мигс: настоящее имя его — Тинтагелес Смит.

Глава IV.

Тинтагелес Смит.

Отец мальчика, Гороп Смит, был человек решительный и хотел дать сыну имя выразительное и обра-

щающее на себя внимание. Это ему удалось, ибо, вероятно, второго Тинтагелеса Смита не существует в природе. Тинтагелес был рожден ученым. Когда ему было двенадцать лет, он узнал, что комбинация желтого и голубого цвета дает в результате зеленый цвет. Тогда он взял двух маленьких мальчиков, вымазал одному нос голубым ка-

Если автоматически забавить предмет на земле от действия притяжения, то предмет этот улетит с земли по касательной линии и притом с определенной скоростью, которая никогда не будет ни уменьшаться, ни увеличиваться, пока предмет не столкнется с притяжением какого либо иного тела.

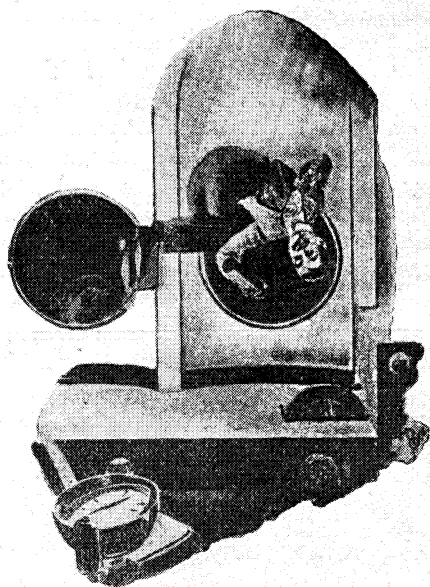
рандашем, другому желтым, а затем заставил мальчиков тереться носами до тех пор, пока не получился великолепный зеленый цвет. В возрасте тринадцати лет Тинтагелес получил заработок и на первые сбережения купил револьвер и отправился в первобытные леса Западной Америке „на борьбу с краснокожими индейцами“. Отец, однако, поймал его, — он успел отойти на пятнадцать миль, — и после серьезного внушения на опушке леса Тинтагелес в течение нескольких дней находил, что стоять значительно комфортабельнее, чем сидеть.

Наконец, когда ему минуло пятнадцать лет, о нем услышал доктор Хэкенсоу и решил, что это парень честолюбивый и предприимчивый, принял его к себе на службу. Мигс, как прозвали его товарищи, страстно умолял доктора Хэкенсоу взять его с собою в путешествие на Луну. Доктор Хэкенсоу отказал ему и обещал в скором времени отправить его в другое путешествие; таким образом Мигс и был назна-

чен пилотом в вагон отрицательного тяготения, отправляющийся в Австралию.

В день, назначенный для отъезда, Мигс явился как раз во время, совершенно готовый к путешествию—это можно было заключить по торчавшим из его карманов книжкам фантастических рассказов.

— Вам страшно одному отправляться в такое путешествие, дорогой мой?—покровительственно спросил Сайлес Рокетт.

Он стал плавать в воздухе и кувыркаться в вагоне легко и свободно.

— Ничуть!—коротко ответил парень, скривив губы. Без лишних слов он вошел в вагон через дверь, устроенную в крыше его, и прикрыл ее за собой.

Чтобы избежать возможных случайностей, машина была выверена по часовому механизму, автоматически регулировавшему отбытие и возвращение, но все таки мальчика выучили измерять скорость, в случае необходимости, открывая или закрывая щит против тяготения. В настоящее время щиты автоматически закрывались, и тогда воздух над вагонами стал легче, и вагон начал постепенно подниматься вверх и, когда он был высоко, ско-

рость его все больше и больше увеличивалась, ибо притяжение Земли становилось все меньше.

— Надеюсь, что с мальчиком не случится никакого несчастья—немного взволнованно сказал Сайлес, спустившись с платформы. За ним последовал доктор Хэкенсоу, от всего сердца присоединившийся к этому пожеланию.

Глава V.

Полет.

Мигс был в восторге, когда вагон поднялся в воздух, и ощутил странное чувство легкости, вызванное исчезновением некоторой части земного притяжения.

Хотя доктор и предупреждал его, чтобы он „не баловался“ с инструментами, однако, поднявшись на тридцать пять миль от Земли, он прежде всего совершенно прикрыл щит, прекратив всякое земное притяжение. Это было восхитительно!.. Он взлетел вверх со скоростью тысячи миль в час. Но, к его удивлению, его отбросило к западной стенке вагона, ибо, хотя атмосфера и была крайне разрежена, на такой высоте, однако, она оказывала чувствительное сопротивление движению вагона. Но скоро он очутился за теми пределами, где воздух уже не оказывал никакого влияния на полет вагона. Затем он почувствовал, что лишается последних остатков веса, и тогда он стал плавать в воздухе и кувыркаться в вагоне так легко и свободно, что любой цирковой акробат позеленел бы от зависти.

К удивлению его, солнце и звезды стояли неподвижно; для него же не было ни утра, ни полдня, ни вечера, ибо вращение земли не оказывало на него никакого влияния. Он, подобно солнцу и луне, превратился теперь в небесное тело, и если бы смотреть на него с земли, то казалось бы, что он вращается вокруг нее со скоростью в двадцать четыре часа, восходя с востока и заходя с запада.

В течение часа Мигс предоставлял вагону нестись к небесам, а затем стал постепенно уменьшать его скорость, все больше и больше подвергая его действию земного притяжения, пока, пролетев тысячу миль, он совершенно не остановил вагона. Затем он дал ему возможность спуститься на землю, причем скорость падения каждую секунду увеличивалась на тридцать два фута. Когда прибор для измерения быстроты указал на скорость в сто миль в час, Мигс с сожалением снова оградил вагон от силы притяжения, и вагон стал спускаться вниз с указанной быстротой. Когда он был уже в нескольких милях от поверхности земли, атмосфера стала плотнее и значительно задерживала спуск вагона, так что Мигс был принужден прибавить немного притяжения, чтобы снова увеличить скорость.

К несчастью, его неумение обращаться с точно отрегулированными инструментами доктора Хэкенсоу привело к тому, что он спутал все вычисления доктора, ибо вагон, вместо Австралии, спустился в Индии. Доктор Хэкенсоу тревожно ждал новостей относительно вагона и груза и получил следующую характерную депешу по беспроволочному телеграфу:

„Произошла какая то ошибка. Спустился в Индии вместо Австралии. Вагон исчез. Какие то дерзкие ребята шалили около него и закрыли щит. Вагон с молниеносной быстротой взлетел вверх. Теперь он, вероятно, недалеко от луны. Один из индусских ребятшек улетел вместе с ним. Переведите, пожалуйста, деньги по телеграфу. Пришлите книжки с приключениями в Сан-Франциско, чтобы у меня было что читать по дороге домой. Мигс“.

НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!

ЗАДАЧА № 10.

Однажды в Нью-Йорке встретились два известных шахматиста, устроивших между собою матч.

Их игрой заинтересовались двое американцев, державших пари такого рода:

„Мы нижеподписавшиеся, Джон Поуэлл и Джек Меллэн, отвечаем за игру шахматистов денежными суммами. Если выигрывает Маршалл, то платит Мэллэн Поуэллу; если выигрывает Рети — платит Поуэлл Мэллэну.

За первую выигранную партию ставка назначается (в некоторое целое число, которое здесь опускаем, в целях создания задачи)... долларов; за вторую партию назначается та же сумма в квадрате; за третью — в третьей степени, за четвертую — в четвертой, и т. д.“

По истечении девяти партий оказалось, что Мэллэн выиграл у Поуэлла 27.879 долларов.

Какие партии по счету выиграл Рети и какие Маршалл?

ШКАФ ДОКТОРА ГЛИ

Рассказ А. Хельригеля. Иллюстрации Н. Блосфельда.

С немецкого.

Пока наш пароход стоял в Бридж-тоуне, главном городе вест-индского острова Барбадос, некоторые из нас, пассажиров, наняли в гавани автомобили, чтобы в течение немногих часов стоянки, насколько возможно, осмотреть остров. Мы видели негритянские деревни и плантации сахарного тростника и снова сахарные плантации и негритянские деревни, пока не проголодались. Голод мы утолили в Крэн-

отеле, со множеством прохладных веранд и чудным видом на море. Мы были расположены к новым впечатлениям и поэтому спросили себе жаркое из черепах, печенье, плоды хлебного дерева и странный светло-зеленый напиток „свизль“ — сладкий и холодный и чертовски крепкий.

Во время этого обеда в открытую из соседней комнаты дверь вошел и довольно быстрым шагом на-

правился к нашему столу чернобородый мужчина с красной розеткой в петличке легкого, тропического костюма. Он представился нам, как доктор Шарль Лакрети из Парижа и сознался, что слышал отрывки нашего разговора, быть может, слишком оживленного благодаря „свизлю“. Правда ли, что мы вчера вечером пришли на пароходе Бриджтоун и завтра вечером снова отправляемся в Европу кратчайшим путем? Я подтвердил, что из-за революции в Бразилии наш пароход изменил свой маршрут и совершенно неожиданно попал в Барбадос.

Доктор Лакрети с радостью услышал это известие: он думал, что ему придется провести на Барбадосе еще несколько дней, так как почтовый пароход в Англию отходил еще не так скоро. Ему же очень хотелось возможно скорее вернуться домой. Не найдется ли на нашем пароходе свободной каюты?

Я обещал поговорить с оберстюартом и мне удалось пригодиться доктору: он получил приличную каюту. Хотя моя услуга была весьма незначительна, но доктор считал себя обязанным. Он пригласил меня на этот последний вечер в Барбадосе поужинать с ним в том же Крэн-отеле, где он жил. Мы сидели при закате солнца на балконе его комнаты. Я никогда не забуду фантастической красоты этого заката. Огненный океан под золотым небом. Но это не относится к моему рассказу. Короче говоря, я провел счастливый час. Доктор был безукоризненно гостеприимный хозяин и добился, чтобы кушанья негритянской кухни были съедобны. На десерт нам подали чудесные тропические фрукты: ананасы во льду, гуавы, плоды манго. К этому нам подали зеленоватый португальский колларес,—вино, которому я, вероятно, обязан переходом доктора Лакрети от любезности незнакомого человека к доверию друга и, наконец, следующим рассказом.

— Вы приехали в Барбадос в качестве туриста,—сказал мне доктор Лакрети,—я же при совершенно других условиях. Вы сказали мне, что ваша профессия—путешествовать, моя же профессия, к сожалению, требует сидячего образа жизни и крепко держит в лаборатории и клинике. Я—физиолог. Но, как и вы, я страстно люблю путешествовать и префект парижской полиции,—надо вам сказать, что я раза два оказывал услуги парижской полиции, когда мои познания соприкасались с вопросами судебной медицины,—так префект спросил меня без всяких объяснений, не хочу ли я проехать в Вест-Индию.

— Дело касается раскрытия странного и таинственного факта,—сказал мне затем префект,—но тут нужен не сыщик, а врач с вашей специальностью. Вы, с вашим криминалистическим талантом, вашей энергией и страстью к путешествиям, как раз подходящий человек. Но вам не придется брать на себя роль сыщика, этот случай заинтересует вас, как физиолога. Я хочу вас сначала заинтересовать, а потом уж изложить вам сухие факты.

Он вынул из письменного стола бумагу и протянул ее мне.

— Читайте и разрешите мне пока закончить мои дела.

Бумага, которую он мне передал, была нечто в роде делового проспекта. Напечатан проспект был по английски, красивым шрифтом, на роскошной бумаге. Подождите; текст его списан в мою записную книжку и я прочту его, удобства ради, прямо оттуда. Послушайте, как это странно звучит:

Смерть в наше время неосторожность! Лучше сохраните себя в шкафу доктора Гли!

Милостивый государь! Вы больны сахарной болезнью? Это, как вы знаете, не есть причина для отчаяния. От диабета больше не умирают, а впрыскивают себе ежедневно жидкость, инсулин, и жи-

вут, как будто бы в моче никогда и не было сахара. Это значит, что считают, что инсулин производит такое действие. Медицина еще не знает, как действует инсулин в дальнейшем. Через десять лет, говорим мы, инсулин будет окончательно, испытан. Мы уже сегодня можем предвидеть, что к тому времени это новое лечение покажет себя, как верное средство против отвратительной болезни, от которой еще недавно умирали безчисленные люди. Невероятной кажется мысль, что еще год тому назад диабетика должны были умирать только потому, что им так исключительно посчастливилось не дожить до открытия инсулина. Так же сегодня еще умирают тысячи от рака, и все же есть вероятие, что мы через несколько лет найдем средство, излечивающее и эту болезнь. Разве наука не сумела почти совершенно покорить демона луэса? При виде грандиозных успехов науки за последние годы, можно почти с уверенностью сказать, что мы стоим на пороге ряда великих медицинских и биологических открытий. Разве нам не известны попытки омоложения человека? Научно эта задача уже решена, не достаточно развита только необходимая в этом деле техника. В текущем столетии медицина уйдет так далеко, что сможет удлинить любую человеческую жизнь и, во всяком случае, избавить тело от ужаснейших страданий. Вечную жизнь и вечную молодость мы, конечно, не сможем дать человеку через десять лет, но вне сомнения, дадим долгую жизнь и долгую молодость.

И при таких условиях вы хотите рисковать рано умереть?

Подумайте о диабетике, который умер в 1922 году. Что бы он дал за то, чтобы кто-нибудь сохранил его жизнь до 1924 года, когда наука достигла того, что излечивает самые трудные случаи диабета? Пока все серьезные болезни считались неизлечимыми, приходилось поневоле покоряться общей участи.

Но теперь? В 1924 году? Мы знаем, что рядом, на соседней улице, какой-нибудь гениальный врач производит опыты, удачные результаты которых могут нас спасти через три и, уже наверно, через десять лет. А мы должны, быть может, бессмысленно погибать от болезни, которая через несколько месяцев после нашей смерти окажется не опаснее насморка. Это возмутительно, бессмысленно...

И не нужно!

В чем же задача? Сберечь себе какой бы то ни было ценой жизнь, пока наука не уйдет далеко вперед и не произойдет огромный переворот, начинающийся на наших глазах. Сохранить до тех пор свою жизнь во что бы то ни стало! Конечно, неприятно вечно беречь свое здоровье. Неужели жить, как больному, из боязни болезни?

Ах, если бы можно было проспать этот промежуток времени!

Конечно, не каждый человек может уйти из круга повседневной жизни, покинуть свою семью или дело, чтобы улечься где-нибудь в углу и проспать до тех лучших времен, когда бодрствующих и живущих будет окружать меньше опасностей. Но есть люди совершенно свободные и независимые. Разве не должен был бы такой человек сберечь остаток своей жизни для более благоприятных времен? Заснуть без сновидений до тех пор? Так сказать —

сберечь себя в шкафу, хорошо защищенном против всяких повреждений, с гарантией вернуться потом снова в жизнь?

Почему бы не мог существовать такой шкаф для людей? Разве не может современная физиология и биология найти средство продержаться человека годы в глубоком сне, во время которого тело не изнашивается и не развиваются болезни? Ведь омолаживают же стариков и делают из куриц петухов. Разве мы уж так сильно удивимся, если услышим, что какой-нибудь врач окончательно разрешил этот

вопрос, что существует санатория, где можно проспать десять лет, чтобы проснуться в более гигиенические годы не старше на десять лет, чем сегодня, но с органами, отдохнувшими за это время под наблюдением опытных врачей.

Санатория доктора Гли в здоровой местности, на прекраснейшем острове Антиллов, принимает небольшое число пациентов, которые, после подробного научного исследования доктором Гли, пожелают быть усыпленными.

Доктор Самуель Уошберн Гли, дипломированный Кингстонским университетом на Ямайке, уже много лет успешно применяет метод Гли.

В санатории имеются пациенты, уже несколько лет мирно спящие и находящиеся в отличном здоровье. Переход от этого сна к полной жизни по методу Гли совершенно безопасен. Доктор С. У. Гли находится в настоящее время в Европе и готов дать желаемые сведения всем, лично интересующимся санаторией.

Спаси себя! Сбереги себя! Не будь так глуп, чтобы умереть как раз теперь!

— Префект полиции, — продолжал доктор Лакрети, пряча свою записную книжку, — украдкой поглядывал на меня и не мог дожидаться, пока я прочитаю этот удивительный проспект. Я молча отдал ему бумагу.

— Ну, что же вы скажете по этому поводу? — спросил он нетерпеливо.

— Как человек, изучающий биологию и физиологию, — ответил я, — я считаю, что в наши дни все возможно. Конечно, мой коллега с антильских островов действует немножко крикливо для медицинского гения. Но Антильские острова ведь находятся вблизи Америки, не правда ли?

Префект слегка улыбнулся.

— Я вижу, что высокая наука снисходит до смелой гипотезы. У нас, обыкновенных смертных, меньше фантазии, чем у господ физиологов. Быть может, и окажется, что этот доктор Гли открыл новое ми-

ровое чудо науки. Пока же он задал своим проспектом загадку полиции трех стран. Послушайте, доктор, этот проспект у меня из квартиры Сегонзака. Вы знаете Сегонзака? Он бесследно пропал из Франции несколько месяцев тому назад. Он запер свою холостую квартиру в Париже и переслал ключ нотариусу, который управляет всем его имуществом. Его двоюродный брат, Барневиль Сегонзак, считающийся его законным наследником, объявил, что Сегонзак исчез. Мы открыли его квартиру. В письменном столе мы нашли проспект доктора Гли. Мы запросили пароходные общества, сообщающиеся с Вест-Индией, и стюарт одного из них узнал портрет Сегонзака. Он отправился в Тринидад под вымышленным именем. Никто не мог помешать Сегонзаку отправиться на сохранение в шкаф какого-то кудесника. Это было его право. Но я отлично понимал интерес, выраженный родственниками: у Сегонзака было немалое имущество. Но полиции не было больше дела до этого. Я это и написал Лефевру. Лефевр — мой друг, начальник женевской полиции. Он запросил меня по поводу дела Капинского. Та же самая история: Станислав Капинский неожиданно уехал в Вест-Индию, увозя почти все свои деньги. Он оставил жене, которую ненавидит, жалкую сумму денег и проспект доктора Гли. Надо сказать, что Сегонзак и Капинский — старые знакомые. Быть может они вместе и отправились в санаторию.

Префект сделал паузу.

— Теперь третий случай, имевший место в Лондоне. Это — сэр Джон Никольс, богатый вдовец. Его единственный родственник и наследник, Том Никольс, хорошо известен лондонской полиции, как подающий большие надежды молодой негодай. Сэр Джон исчез бесследно после страшной ссоры с племянником. Слышали, как племянник угрожал сэру Джону и, судя по его прежней жизни, имеют основание подозревать, что он по-

губил старика. Тайно стали вести следствие. Но толку нет никакого: дядя при свидетелях рассказывал племяннику о своем безумном намерении поехать в Вест-Индию, чтобы заснуть на десять лет. Он говорил, что это для того, чтобы пережить племянника. Больше того: черный, как уголь, негр в черепаховых очках,—этот самый доктор Гли,—сам приехал за сэром Никольсом, чтобы отвести его в санаторию. Добрый дядюшка пригласил племянника и негра на завтрак и негр передал молодому человеку свой проспект. Отсюда весь скандал! Юноша перебил во мгновение ока всю посуду на столе. Прислуживавший лакей рассказал потом полиции всю эту сцену.

Лондонская полиция не могла предпринять никаких шагов и оставила племянника на свободе, но под секретным наблюдением. Эта история со шкафом доктора Гли казалась слишком безумной лишенным фантазии британцам. Не все относятся к ней с таким хладнокровием, как вы, мой милый доктор.

Префект парижской полиции сказал это со слегка насмешливой улыбкой, но сейчас же принял серьезный, почти торжественный тон.

— Довольно предисловий, доктор. Со вчерашнего дня в одном из парижских госпиталей лежит этот негр, Самуэль Уошберн Гли. У него опасное повреждение черепа и он в бессознательном состоянии.

Я вскочил. Оборот дела был слишком неожиданен.

— Несчастный случай?

— Нет, покушение на убийство,—ответил префект, нервно барабанив пальцами по своим бумагам. Ночное нападение в коридоре отеля. Убийца был глуп, не знал, что находится под постоянным наблюдением полиции. Сыщик, к сожалению, опоздал, и не мог помешать нападению. Он поплотится за это своим местом. Он зашел слишком далеко: хотел посмотреть, что делает его клиент. А в самый решительный момент споткнулся о пару сапог, стоявших перед дверью

одного из номеров. Он не успел спасти череп бедного негра и только схватил убийцу. Это—Том Никольс, племянник сэра Джона.

— Вот так история!—вырвалось у меня.

— Негр лежит без сознания,—продолжал префект.—Лечащий его врач сомневается в его выздоровлении. Во всяком случае, пройдут недели и месяцы, пока его мозг снова будет служить ему. Другой череп, а не негритянский, превратился бы в кашу от такого удара. Если негр останется в живых, он может считать себя счастливым.

— Но в чем же дело?

— Убийца сначала так пробовал объяснить эту историю,—продолжал префект,—что он, заботливый племянник, потребовал от шарлатана, при случайной встрече в Отель де Норманди, объяснений. Оба, действительно, имели непродолжительный, но горячий разговор в баре отеля. Потом черный доктор ушел к себе спать по совершенно темному и полному закоулков коридору. Вы знаете, каковы эти парижские отели

второго сорта!
Юноша великолепно обдумал свое оправдание.

Юноша перебил во мгновение ока всю посуду на столе...

Убийство должно было быть ударом в состоянии аффекта, в справедливом возмущении обманщиком, неизвестно куда заманившим слабоумного старика. Во всем этом построении была только одна ошибка. Великолепный юноша, Том Никольс, не знал после своего ареста, что человек, споткнувшийся о пару сапог и неожиданно схвативший его за шиворот, был английский сыщик, шаг за шагом следивший за ним и слышавший его разговор с доктором в баре. А суть этого разговора была в следующем: Том Никольс сказал негру:

— Кто охраняет ваш проклятый шкаф, когда вы, проклятый негр, шатаетесь в Европе? Есть ли у вас, по крайней мере, ассистент?

На это черный доктор ответил совершенно спокойно, улыбаясь за своими большими черепаховыми очками:

— Да, у него два ассистента и они знают, как надо кормить от времени до времени погруженных в нечто вроде летаргического сна пациентов. Необходимые впрыскивания пациентам каждую четверть года может пока еще делать только он, доктор Гли, изобретатель этого способа. Разбудить пациентов может также только он, хотя ассистенты уже учатся и постепенно постигнут эти способы... А пока—спокойной ночи.

Он вышел; молодой человек пошел, крадучись, за ним, а конец вам известен.

— Так значит...

— Подождите! Дайте мне докончить. Убийца—тип человека: сначала молодец, потом трус. Он сознается во всем после очной ставки с сыщиком. Он получил в Лондоне письмо от доктора Гли. Негр пишет ему, что приехал в Европу, чтобы лично дать объяснения о своей системе одному господину, интересующемуся его санаторией и желающему поместиться в ней. Доктор думает очень скоро вернуться в Вест-Индию, так как его милые пациенты в нем нуждаются. Он хочет воспользоваться случаем и сообщить

мистеру Никольсу об отличном состоянии здоровья его дядюшки. Он спит, как крот, и проснется через десять лет помолодевшим и освеженным. Он передал ему, доктору Гли, перед последним впрыскиванием письмо для племянника. Письмо прилагается. Но Том Никольс говорит, что со злости разорвал письмо дяди и его в деле не имеется. Содержание его, приблизительно, следующее:

— Доктор Гли гарантирует мне десять лет сна. До тех пор тебя, вероятно, повесят или ты сойдешь с ума. Вся твоя надежда на то, что доктора Гли хватит удар. Моли об этом дьявола! Чернокожие ассистенты доктора Гли, кажется, еще не умеют как следует делать впрыскиваний. Вообще, все это, конечно, риск, но доктор Гли—смелый негр и я не боюсь рисковать, когда думаю о том, что буду таким образом долго пользоваться любовью моего племянника.

Хороши были взаимоотношения в семье Никольс! Это какое-то дьявольское письмо, но все равно! Слабоумный юноша был до потери сознания обозлен нежным дядюшкой. Он сознался, что ему уже в Лондоне,—письмо Гли было послано из Парижа со штемпелем „Отель де Норманди“—пришла мысль поехать в Париж и убить негра, чтобы никто не мог уже разбудить дядю. Надо было видеть этого юношу во время его признаний: хорошенький, почти красивый молодой человек, лишенное подбородка невинное лицо того типа, который так хорошо знаком полиции. Он говорил на великолепном французском языке с необычайной для англичанина и апаша вежливостью. Следовательно был просто поражен.

— Это же понятно, мосье,—говорил юноша,—если негр отправится на тот свет, его ассистенты ничего не смогут сделать, понимаете? Я хотел сам поехать в Вест-Индию и отыскать остров, где находится этот забавный шкаф. Я, конечно, подозреваю, что старый кровопийца—мой дядюшка,—давно

уже на том свете. Этот десятилетний сон, конечно, глупая выдумка, которой старик не мог верить. Он никогда не был глуп. Я думаю, что он просто хотел покончить с собой каким-нибудь странным способом. Это все результаты проклятого сплина. Но ему, в то же время, хотелось лишить меня наследства. Это, конечно, были все только мои догадки и поэтому я на всякий случай хотел помешать доктору разбудить старика...

— Вот случай, — сказал префект, — которым я и хочу вас затруднить. Вы понимаете положение дела. Для нас, конечно, история с санаторией доктора Гли звучит не очень правдоподобно. Но все же, быть может, сейчас в санатории на острове Барбадосе спят искусственным сном Сегонзак, Капинский и Никольс. Ведь они никогда не проснутся, если не сделать во время впрыскивания. Для меня самое невероятное в этой истории — это незнание ассистентами тайны доктора Гли. Кто захотел бы при таких условиях сохраняться в шкафу доктора? Но с другой стороны, три известные нам пациента доктора такие оригиналы и каждый из них думает только о том, как бы наделать родственникам неприятностей. Сэр Никольс — своему племяннику, Капинский — жене, а Сегонзак — Барневилю и всей младшей линии в семье. Быть может, Барневиль тоже не прочь был бы унаследовать своему двоюродному брату, но пока он ведет себя благородно. Узнав всю эту историю, он обратился ко мне с просьбой отправить в Вест-Индию экспедицию, сыщика и доктора, который мог бы спасти пациентов доктора Гли. Я назвал ему вас, как единственного подходящего для вас человека, и теперь от имени Барневиля прошу вас отправиться первым пароходом на Барбадос и самому назначить себе гонорар. Да, Барбадос, доктор. В проспекте доктора Гли нет названия острова, но, по найденным у

него бумагам, видно, что он живет на Барбадосе. Значит, там же надо искать и его пресловутый шкаф. Что вы на это скажете, доктор? Желаете ли посетить остров Барбадос?

Доктор Лакрети помолчал минуту, покачиваясь в кресле. Потом тихонько засмеялся.

— А в результате я имею честь угощать вас в Крен-отеле плохим ужином и бутылкой колларес.

— Вы, конечно, сейчас же отправитесь в путь? — спросил я.

— Довольно скоро. Но я поехал только со вторым пароходом, так как все ждал, что доктор Гли придет в себя и даст мне кое-какие пояснения. Но он лежал в больнице без сознания. Его пациенты не могли бы лежать тише. Я махнул на него рукой через несколько дней и отправился на Барбадос.

— И?... — спросил я с лихорадочным любопытством.

И.... — сказал Лакрети, — извините!

Вошел старый седой мулат, прислуживавший нам у стола, и сказал доктору что-то на ухо. Тот взглянул на меня со слегка насмешливой улыбкой. — Вы должны меня извинить, — сказал он, — у нас будет на пароходе много времени говорить об этой истории, если она вам еще не надоела. Сейчас меня ждут на нижней веранде мои местные друзья для прощальной партии в бридж. Простите меня. Но я никак не мог им отказать, хоть у меня сейчас и такой почтенный гость. Знаете что? пойдете со мной!

Он встал. Я был страшно разсержен. Я больше всего не люблю таинственности. Вдруг оборвать рассказ на самом интересном месте — было пошлым приемом. Я видел по его лицу, что он смеялся надо мной. Не успели мы еще спуститься по лестнице на веранду, как мне пришла в голову мысль. Я нетерпеливо дернул за ручку двери. Доктор легко положил мне свою руку на плечо. Палец правой руки он приложил к сомкнутым губам.

На веранде стоял стол со всеми приспособлениями для бриджа. За столом сидело трое мужчин: один седой, один брюнет с крашенными волосами и один рыжеволосый. Доктор Лакрети церемонно представил меня каждому из них:

- Мосье Сегонзак.
- Херр Капинский.
- Сэр Джон Никольс.

Потом доктор, посмеиваясь, сел к столу и начался самый длинный в мире робер. Я никогда еще не видел таких неприятных партнеров, как эти три ворчливых господина. Вся суть их игры была точно в озлоблении против партнера. Лакрети относился с ангельским терпением к их ссорам. У него была своя цель, занимавшая его. Он поглядывал на меня по временам, а я сидел, как мученик, страдая от любопытства.

Но в этот вечер я не узнал больше ни словечка. Доктор Лакрети смилостивился надо мной уже только на пароходе и досказал мне эту историю на палубе, в тихую ночь, под сверкающими тропическими звездами.

Коротко говоря: он сейчас же отыскал трех стариков на острове Барбадосе — они жили недалеко от Крэн-отеля в Соверсет-Хаузе, поместье сэра Никольса. Это была не санатория и не шкаф, а хорошенькая вилла. Никольс купил ее, чтобы спастись от английского климата. И тут ему пришла в голову мысль сыграть шутку с бездельником-племянником. Он пригласил к себе Сегонзака и Капин-

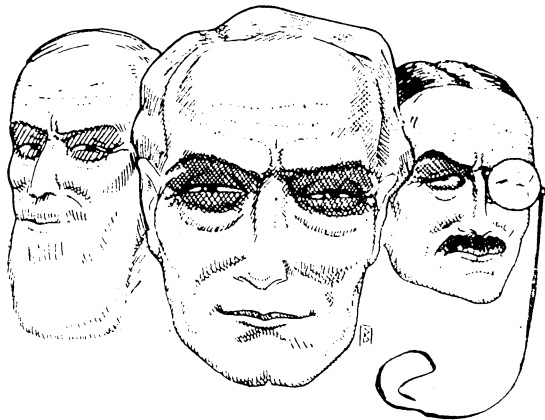
ского. Все трое вечно ссорились, но все же были связаны какой-то дружбой.

— То, что сэр Никольс проделал с племянником, — сказал Лакрети, — конечно, непростительная шутка. Можно сказать, что он почти сознательно вызвал покушение на Гли. Вникните хорошенько: три приятеля выдумали всю эту историю со шкафом и отпечатали проспекты, чтобы мистифицировать своих родных. Доктор Гли? Он совсем не доктор, а юрист, заведующий делами сэра Никольса. Тот уверяет, что послал его в Европу по делу об импорте сахара. Но Никольс — злой старик и не хотел пропустить случая разозлить племянника. Бедный Гли, между прочим, поправляется. Племянник уже в тюрьме.

— Доктор, — сказал я, — неужели вы думаете, что я верю хоть одному слову из вашего рассказа?

Доктор Лакрети взглянул на меня со странной улыбкой.

— Вы совершенно правы! Я рассказываю эту версию истории Гли, чтобы лучше скрыть, что я проник в его тайну, — я хочу сказать, что я исследовал его метод, — и возвращаюсь домой, чтобы там устроить такую же санаторию. Скажите, положив руку на сердце: неужели вам не хотелось бы довериться мне, чтобы отдохнуть и проснуться помолодевшим лет через десять, когда человеческая жизнь будет протекать в лучших гигиенических условиях? Уснув в шкафу доктора Лакрети?

КОИМБРА.

Очерк Рода Рода.

От редакции. Все вещи познаются по сравнению. Университеты СССР являются самыми передовыми во всем мире во всех отношениях. Чтобы ярче оттенить эти свойства, даем здесь очерк одного из старейших университетов Европы — в г. Коимбре, в Португалии. Характеристика сделана известным писателем Рода Рода нынешним летом, а между тем затхлостью средневековья пахнет от этого храма науки с его обрядностью, нравами и обычаями.

В геометрическом центре Португалии, у золотого Мондего, лежит Коимбра, воспетая поэтами и увенчанная романтикой истории, преданий и живописной красоты местности. Белая Коимбра вздымается, как гигантский торт на зеленой тарелке, окруженная вершинами зеленых гор.

Из городских ворот ведут извилистые переулочки, узкие и неправильные, под названием: — „Улица Заброшенных Дворцов“, „Улица Костоломов“, все выше и выше, мимо каменного собора, похожего на крепость, ведут они вверх зигзагами, вплоть до короны, венчающей Коимбру:—ее университета.

И оттуда взгляд свободно охватывает горизонт этой чудной страны до самого синего моря.

Некогда Коимброй владели мавры. Потом город переходил из рук в руки, пока, наконец, в 1064 г. им не завладел Сид, и он стал королевской резиденцией и оставался ею в течение 350 лет. В 1290 году король Дионис основал здесь университет, первый и единственный университет в стране. На 4000 жителей было 1500 студентов. Можно себе представить, как студенты обращались с гражданами, владея городом, крепостью которого служил университет.

Долгое время университет Коимбры был в руках духовенства. В 772 году министр Памбаль, „Просветитель“, освободил его и дал ему собственное управление и устав, в общем действующий и доныне.

Все, сделавшие себе имя в истории Португалии, учились в Коимбре, — также и величайший поэт Камоэнс. Вероятно он даже тут и родился.

В настоящее время ректор magnificus Коимбры, не выезжает больше в четырехместной парадной ка-

Университет в г. Коимбре.

рете, с ливрейными лакеями, и не подслушивает через потайные окошечки лекции профессоров, как это было во времена иезуитов. Но и теперь, как в старину, ректор присутствует на заседании деканов в том же самом обтянутом парчой зале, сидя на зеленом троне, облаченный в старинную одежду: черную робу с вышитым воротником. Представители факультетов также занимают особые места: юрист — кресло пурпурового цвета, медик — желтого, философ — темно-синего, а математик — светло-голубого. Их вышитые воротники также пестры, — и у каждого на руке блестит кольцо соответствующего цвета: рубин, топаз, сапфир и аквамарин.

Юноши рано поступают в университет и оканчивают курс через пять, а медики даже через семь лет.

Подобно ученикам доктора Фауста и Парацельса, студенты Коимбры все ходят и теперь в черных таларах — длинных черных плащах, с обнаженной головой и с тщательно подвитыми волосами.

Даже каждая отдельная лекция проходит по старинному ритуалу: в назначенный час вооруженный шпагой педель вызывает его г-на профессора из его рабочей комнаты и провожает его до кафедры. Только тогда, когда профессор занял свое место, педель приглашает сперва слушательниц, а затем и слушателей, войти в залу. Педель также возвещает и об окончании лекции.

Студенты живут в „республиках“ Но республики эти не имеют традиций, как немецкие корпорации или англо-американские „братства“. У них нет ни старшины, ни кружков, они не носят определенных цветов, и у них нет оружия, потому что в этой стране известно только единоборство à la portugaise¹⁾: т. е. на кулаках.

Республика образуется просто: четверо или пятеро приятелей, всего чаще земляков, соединяются вместе. Они нанимают дом, берут экономку и принимают, по своему желанию, товарищей-пансионеров.

Студенты первого семестра, так называемые „фуксы“ или *coloiros*,

подлежат особым законам. В шесть часов вечера в университете звонят в колокол, называемый „Cabra“ — „Коза“. После того, как она прозвонила, ни один фукс не смеет показаться на улицах. Горе ему, если он попадется. Студенты старшего семестра забывают его де-

Студенты Коимбры в своем средневековом одеянии.

ревянными ложками и, кроме того, обрежут ему волосы. И фукс не может показаться на улице, пока они не отрастут. Он может избежать наказания только в том случае, если ему удастся укрыться под плащом какого-нибудь студента последнего семестра. Но, по какому-то молчаливому соглашению, после звона „Кабры“ не трогают тех фуксов, которые гуляют в дамском обществе или одеты в военную форму.

Студент Коимбры не отличается веселым нравом немецкого студента. Он охотно поет и мастерски аккомпанирует себе на гитаре, — но все же песни его похожи на жалобы. Кнейпов и коммершей, как в Германии, — нет, — пить в обществе считается неприличным.

При всей своей лености и добродушии, португалец по природе меланхолик. Но все таки врожденная веселость и шаловливое своеволие молодости часто побеждает португальскую меланхолию.

— Мне, — пишет Рода Рода, — рассказывали о двух-трех веселых студенческих проделках.

Известный лиссабонский портной заявил однажды в напыщенных выражениях в газете Коимбры, что он посетит маленький университетский город, чтобы дать воз-

¹⁾ по-португальски.

возможность познакомиться с его портновским искусством. Реклама портного развеселила и раззадорила студентов. Когда портной вышел из вагона, к своему удивлению, он увидел на вокзале огромную толпу, ожидавшую его. С любезным приветствием передали портному ножницы гигантских размеров. В первую минуту мастер почувствовал себя польщенным. Но вскоре жизнь в Коимбре стала ему в тягость. Толпа студентов сопровождала его всюду, по пятам, из дома в дом, шумными криками восхваляя и превознося искусство лиссабонского мастера. Измученный рекламист поспешил скорее убраться во-свояси.

В другой раз студенты прочли в газете из Порто объявление одного человека, искавшего для себя подходящую подругу жизни. Тогда один из студентов, под женским именем, начинает переписку с женихом и убеждает его приехать в Коимбру. Здесь будет ждать его невеста. Но на платформе стоит не только одна молодая барышня, по уговору, с красной розой в руке, — а снова целая толпа веселых студентов.

Приезжего из Порто принимают торжественно, силой сажают его в свадебную карету, куда уже села нарядная невеста. С шумом и гиканьем везут эту пару в разукрашенную дачу. Там происходит грандиозное венчание с проповедями и, затем свадебный обед с речами, и житель Порто, в конце концов, счастлив и доволен, когда может по-доброму по-здорову отчалить к себе на родину.

Временами, но все реже и реже оживает в Коимбре старый обычай тайного уголовного суда. Когда молодой фукс провинится в чем-нибудь перед старшими коллегами, то его арестуют сыщики в масках и доставляют в замаскированное собрание совета. Несчастливого допрашивают и присуждают к наказанию. Приговаривают, например, переходить через ручьи (глаза у него завязаны), на самом же деле

через водосточные желоба, — через пропасти (из двух или трех ступеней), через леса и болота... Целыми часами вводят его, таким образом, в заблуждение... пока он не очутится где-нибудь в одиночестве и не осмелится, наконец, снять повязку. Освободясь от своих мучителей, несчастный стоит, обливаясь потом.

В такой глуши внимание студентов поневоле отвлекается от политики и обращается на местные интересы. Студентам предоставляется бороться и ладить с горожанами Коимбры, так называемыми „futrucas'ами“.

А поводов к ссорам у молодежи всегда найдется достаточно.

Еще недавно студенты обломали у статуи святого Себастьяна все стрелы и, вместо них, поставили надпись: „Довольно ты уже настрадался!“

Во время моего пребывания в Коимбре, — рассказывает Рода Рода — одна маленькая война окончилась миром.

В Португалии принято говорить о невоспитанных людях, что они не „посыпаны чаем“.

И вот, однажды студенты Коимбры пригласили горожан филистеров, посредством объявления на стене, — „на чашку чая“. Молодые люди из мещан поняли намек и почувствовали себя оскорбленными. Дело дошло до трений между верхним и нижним городом, — т. е. между студентами и филистерами.

Один студент был тяжело ранен. Студенты обвинили полицию в пристрастии и потребовали удо-

Ректор университета, знаменитый историк проф. А. Васканилос в парадном одеянии. На столе его головной убор, похожий на корону.

влетворения, а когда не получили его немедленно, то прекратили посещение лекций и угрожали, что перейдут в новые университеты Лиссабона и Порто...

Девушка из г. Коимбры.

Тогда власти сменили префекта Коимбры, и в стране водворилось спокойствие.

Удовольствия здесь самые скромные. Изредка прогастролирует дня два какая-нибудь театральная труппа, да есть плохой кинематограф.

Даже в залах кино не видно молодых барышень. Они боязливы

и держатся подальше от студентов, как того требует португальский обычай. Общение полов ограничивается пламенно-томными взглядами из добродетельного далека. В теплые ночи „обожаемой“ дают серенаду. И это все.

Теперь на всех факультетах уже довольно много студенток. Между ними есть и бразильянки.

В свободные часы студенты бродят одиноко с серьезными лицами по чудесному ботаническому саду

и учатся громко, с самозабвением. Или сидят в библиотеке,—прекрасной, старой библиотеке, настоящей жемчужине барокко; прохаживаются перед кафе и заходят в книжные магазины, которые открыты, как клубы и общественные собрания, до позднего вечера.

Так проходят годы ученья.

Студент становится кандидатом и носит с собой, в знак своего нового достоинства, черный портфель с широкими лентами цвета своего факультета.

Наконец наступает день экзамена, — решающий час в старинном зале, под куполом, где на испытываемого смотрят со стен пятьдесят плохо написанных портретов бывших ректоров. Педель следит по песочным часам и дает знать, поднимая меч, когда прошло назначенное для ответа время.

Экзамен выдержан.

Студент разрывает талар, срывает ленты с портфеля и сжигает их: время ученья прошло...

Чтобы получить степень доктора, нужно еще год ученья.

В соборе не бывает торжественной мессы перед пожалованием ученой степени доктора, но светская часть торжества осталась, как в старину, с оркестрами духовой музыки, парадом аллебардщиков и вооруженных мечами педелей, которые носят серебряные булавы... Младшие профессора проносят хвалебные речи, — докторантов приветствуют и подносят им воротники и кольца, все, как было век тому назад.

ВЫКУП

Рассказ О. Генри. С английского.

Иллюстрации В. Рош.

Дело казалось хорошим. Но подождите, пока я вам все расскажу. Мы были на юге, в Алабаме, Билль Дрисколь и я, — когда нам пришла в голову эта мысль о похищении. Все произошло, как потом говорил Билль „в момент временного умственного растройства“. Но мы поняли это только гораздо позднее.

Там, на юге, был город плоский, как блин, но назывался он, конечно, Гипфельбург ¹⁾. Жители его были люди самые безобидные и самодовольные.

Билль и я обладали совместно капиталом приблизительно в шестьсот долларов. Нам необходимо было еще две тысячи долларов для

одного ловкого дельца с землею в западном Иллинойсе.

Мы обсуждали наш план на ступенях у входа в отель. В полудельческих обществах, — говорили мы, — очень сильна любовь к потомству. Поэтому, и еще по другим причинам, план похищения более уместен здесь, чем в центре, где вращаются в радиусе газет, где репортеры распространяют в обществе все новости и дают пищу язычкам.

Мы знали, что все оружие Гипфельбурга против нас — это его полицейские, может быть, пара сонных ищеек и одна или две заметки в „Недельном бюджете фермеров“. Все, казалось, благоприятствовало нам.

¹⁾ Гипфель — вершина горы.

Жертвой нашей должно было быть единственное дитя зажиточного обывателя Эбenezера Дорсэта. Отец был человек почтенный и экономный, любитель закладных на земли и объявлений о несостоятельности его должников. Он серьезно и благородно ходил по церкви со сбором пожертвований на нужды храма. Дитя его было десятилетним мальчиком с веснушками в виде барельефов и волосами цвета обложки иллюстрированного журнала, который покупает в вокзальном киоске, когда торопишься на поезд. Мы с Биллем решили, что Эбenezер сразу даст нам со страху выкуп в две тысячи долларов—до последнего цента. Но подождите, пока я вам все расскажу!

Приблизительно в двух милях от Гипфельбурга находилась невысокая гора, поросшая густым кедровым лесом. На противоположном склоне горы была пещера. Мы сложили там наши съестные припасы.

На закате летнего дня мы проезжали на одноколке мимо дома старого Дорсэта. Его дитя стояло на улице и швыряло камнями в кошку, сидевшую на противоположном заборе.

— Эй, мальчуган!—крикнул Билли.—Хочешь мешочек с пряниками и хорошую прогулку в экипаже.

Мальчик швырнул в Билли куском кирпича и попал ему на волосок от глаза.

Это обойдется старику еще в пятьсот долларов,—сказал Билли, над колесом, прыгивая на землю.

Мальчик боролся, как дикий зверь, но мы, в конце концов, запрятали его под сиденье и уехали. Мы привезли его в пещеру, и я привязал лошадь к кедровому дереву. Когда же стемнело, я отвез одноколку в маленькую деревню, где нанял ее, и вернулся к горе пешком.

Билль залеплял английским пластырем царапины и опухоли на своем лице. У входа в пещеру, за большим обломком скалы, горел костер, и мальчик следил за чугуном с кипящим кофе. В его красных волосах торчало два пера. При

моем приближении он прицелился в меня палкой и сказал:

— А, проклятый бледнолицый, посмеешь ли ты подойти к лагерю Черного Предводителя, ужаса прерий!

— Он чувствует себя уже совсем хорошо,—сказал Билли, заворачивая брюки и рассматривая ссадины на ноге. Мы играем в индейцев. Я—старый Хэнк, охотник, пленник Черного Предводителя, и на заре меня оскальпируют. Клянусь святым Иеронимом, у этого ребеночка серьезные замашки.

Да, сэр, этот мальчик чувствовал себя так хорошо, как еще, кажется, никогда в жизни. Удовольствие жить в пещере заставило его забыть, что он сам пленник. Он сейчас же окрестил меня Змеиным Глазом, шпионом, и объявил, что на заре, когда вернутся его воины, меня зажарят на костре.

Потом мы ужинали. Он набивал себе рот ветчиной, хлебом и салом и болтал. Застольная речь его звучала приблизительно так:

— Мне это нравится. Я еще никогда не ночевал под открытым небом,—но раз как то у меня был маленький опоссум, и в последний день рождения мне было 9 лет. В школу ходить мне противно. Крысы сожрали у тетки Джимми Тальбота шестнадцать куриных яиц с крапинками. А в этом лесу есть настоящие индейцы? Дайте мне еще сала! Ветер дует, когда деревья качаются. У нас было пять щенков. Почему у тебя красный нос, Хэнк? У моего отца куча денег. А звезды горячие? В субботу я два раза избил Эда Уокера. Терпеть не могу девчонок! Жаб ловят только веревочкой. А быки кричат. Почему апельсины круглые? У вас в пещере есть кровати? У Амоса Муррей шесть пальцев на ноге. Попугай может разговаривать, а рыба и обезьяна—нет. Сколько будет двенадцать?

Каждые две минуты мальчик вспоминал, что он чернокожий разбойник. Тогда он схватывал свое оружие—палку и на цыпочках подходил к

выходу из пещеры, чтобы убедиться нет ли по близости разведчиков ненавистных бледнолицых. По временам он издавал такие победные клики, что старый охотник Хэнк содрагался. Этот мальчик терроризировал Билля с первого же мгновения!

— Черный Предводитель — сказал я дитятке, — хочешь тебе домой?

— Ах, зачем? — ответил он. — Дома мне совсем не весело. В школу ходить мне противно. Мне нравится жить в лагере, в лесу. Ты меня не отведешь домой, Змеинный Глаз, правда?

— Сейчас еще нет, — ответил я. — Мы еще проживем в этой пещере.

— Отлично, — сказал он. — Это будет чудесно! В жизни не было мне еще так весело.

Мы легли спать около одиннадцати часов. На земле были разложены два больших пледа и ватные одеяла. Мы положили Черного Предводителя между нами. Мы не боялись, что он убежит.

Три часа он нам не давал уснуть. При малейшем треске сучка или шуршании падающего листа его юная фантазия разыгрывалась, он вскакивал, хватал свое воображаемое ружье и кричал нам в ухо:

— Пст, товарищ!

Я, наконец, заснул тревожным сном. Мне снилось, что меня увел в плен кровожадный пират и привязал к дереву. На заре меня разбудили отчаянные крики Билля. Это был не вой, не рычание и не крик ужаса. Вообще в этих звуках не было ничего похожего на нормальный мужской голос. Это были испуганные, положительно неприличные для мужчины вскрикивания. Так кричат женщины, увидевшие привидение или гусеницу. Ужасно, когда слышишь, как храбрый, сильный человек отчаянно кричит на заре в пещере!

Я вскочил, чтобы посмотреть, в чем дело. Черный Предводитель сидел на груди Билля, запустив одну руку в его волосы. В другой руке его был острый охотничий

Черный Предводитель очень реально старался скальпировать Билля.

нож, которым мы резали сало. Он усердно и очень реально старался скальпировать Билля, приводя в исполнение приговор, вынесенный им накануне старому Хэнку.

Я отнял у ребеночка нож и уговорил его снова лечь. Но с этого момента пропала последняя храбрость Билля. Он лег с нами, но ни на минуту не сомкнул глаз. Я, было, задремал, но на восходе солнца вспомнил, что Черный Предводитель собирался изжарить меня в этот час на костре. Я не был нервен и не боялся, но зажег трубку и сел, прислонившись к скале.

— Почему ты так рано встаешь Сам? — спросил Билль.

— Я? — ответил я. — О, это у меня просто заболело плечо. Я думал, что оно пройдет, если я сяду.

— Ты лжешь, — сказал Билль. — Ты боишься. Ты должен был быть сожжен при восходе солнца, и ты боишься, что он это сделает. И он это сделал бы, если бы нашел спичку. Послушай, Сам, разве это не ужасно? Неужели ты еще думаешь, что ктонибудь заплатит деньги, чтобы получить обратно такого злобного человечка?

— Совершенно уверен, — возразил я. Как раз таких сорванцов родители и боготворят. А теперь

вставайте, ты и Предводитель, и варите завтрак, пока я поднимусь на гору для рекогносцировки.

Я поднялся на вершину небольшой горы и окинул взглядом окрестности. В стороне Гипфельбурга я ожидал увидеть местных крестьян, вооруженных вилами и серпами. По моим соображениям, они должны были выйти на поиски дерзких похитителей ребенка. Но я увидел мирный ландшафт и среди него маленькую точку—одинокого человека, пахавшего землю на муле. Никто не обыскивал реку. Не было видно мчавшихся туда и сюда курьеров, извещавших отчаявшихся родителей, что нет никаких новостей. Этот кусочек поверхности Алабамы, лежавший перед моими глазами, был погружен в поэтическую дремоту.

— Быть может,—сказал я себе,—еще не знают, что волки похитили этого нежного ягненка. Да поможет небо волкам!

Я спустился вниз к завтраку.

При входе в пещеру я увидел Билля, стоявшего прислонившись к стене. Мальчик грозил ему за-

пустить в голову камнем величиной в пол-кокосового ореха.

— Он засунул мне за ворот горячую картошку,—объяснил Билль—и раздавил ее потом ногой, а я бросил ему эту картошку в ухо. Есть у тебя какое нибудь оружие, Сам?

Я отнял у мальчика камень и кое как умиrotворил их.

— Я тебе задам,—сказал ребенок Биллю,—никто еще не бил Черного Предводителя. Берегись!

После завтрака мальчик вынул из кармана кусок кожи, обернутый веревками, и вышел из пещеры.

— Что это он надумал?—испуганно спросил меня Билль.—Может быть он убежит. Как по твоему, Сам?

— Не беспокойся,—ответил я.— Не похоже на то, чтобы он любил сидеть у родителей под крылышком. Но мы должны выработать план, чтобы получить выкуп. Его исчезновение, кажется, не очень взволновало Гипфельбург и окрестности. Но, может быть, они еще не хватились его. Его родные могут думать, что он ночевал у тети Джен или у соседей. Но сегодня его во всяком случае хватятся. Мы должны сегодня же вечером послать извещение отцу с требованием двух тысяч долларов.

В это время мы услышали воинственный крик, подобный развезтому, который издал Давид, поражая Голиафа. То, что Черный Предводитель вытащил из кармана, было пращой, и этой пращой он теперь размахивал вокруг головы.

Я наклонился и услышал тяжелый тупой звук удара. Билли вздохнул, как вздыхает лошадь, когда с нее снимают седло. Камень, величиной с яйцо, попал ему как раз возле левого уха. Все тело его опустилось, и он упал на костер, в котел, в котором кипела вода для мытья посуды. Я вытащил его и по крайней мере полчаса обливал его холодной водой.

Постепенно Билль пришел в себя, схватился рукой за левым ухом и сказал:

Черный Предводитель выстрелил из пращи...

— Сам, знаешь, кто мой любимый герой в библии?

— Не падай духом,—ответил я,—ты скоро совсем очнешься!

— Царь Ирод...—сказал он.—Но ты не уйдешь и не оставишь меня здесь одного, Сам.

Я вышел, схватил мальчика и колотил его, пока не затрещали его веснушки.

— Если ты не будешь вести себя прилично, заявил я ему—тебя сейчас же отвезу домой. Ну, будешь ты себя хорошо вести, или нет?

— Я же только пошутил,—ответил он угрюмо.—Я не хотел сделать больно старому Хэнку. Зачем он меня побил? Я буду себя хорошо вести, Змеиный Глаз, если ты не отведешь меня домой и позволишь мне сегодня поиграть в Черного Следопыта.

— Я не знаю, что это за игра,—еказал я.—Это ты уже сговорись с мистером Биллем. Он с первого дня твой товарищ в играх. Я не надолго уйду по делам. Идем в пещеру. Ты должен извиниться, сказать, что жалеешь, что сделал ему больно, иначе я сейчас же отведу тебя домой.

Я заставил Билля и мальчугана пожать друг другу руки, потом отвел Билля в сторону и сказал ему, что иду в Пеппелах, местечко в трех милях от пещеры, чтобы какнибудь разузнать, что думают в Гипфельбурге о похищении. Я считал также за лучшее в этот же день написать старому Дорсэту решительным тоном требовать выкуп и указать способ его передачи нам.

— Ты знаешь, Сам, — сказал Билль,—я всегда стоял рядом с тобой и не сморгнул при землетрясениях, пожарах, наводнениях, при игре в покер, работе с динамитом, при столкновениях с полицией, железнодорожных крушениях и циклонах. Никогда еще не терял я присутствия духа, пока мы не похитили эту ракету на двух ногах. Ты не оставишь меня долго вдвоем с ним?

— Я вернусь среди дня,—ответил я. Смотри за мальчиком, чтобы

Все тело его опустилось и он упал на костер, в котел, в котором кипела вода.

он не сбежал. Я сейчас напишу письмо старому Дорсэту.

Мы достали бумагу и карандаш и занялись письмом, пока Черный Предводитель, закутавшись в одеяло, ходил взад и вперед перед пещерой, охраняя вход. Билль умолял меня со слезами на глазах требовать не две тысячи, а полторы тысячи за мальчика.

— Я не собираюсь,—сказал он,—развенчивать пресловутую отцовскую любовь, но мы имеем дело с людьми. Бесчеловечно требовать две тысячи долларов за эту веснушчатую дикую кошку. Рискнем тысячу пятьюстами долларом. Разницу поставь мне в счет.

Я согласился с Биллем, чтобы утешить его, и мы вместе состряпали следующее письмо:

„Эбенезеру Дорсэту, Эсквайру. Мы спрятали Вашего сына в месте, находящемся далеко от Гипфельбурга. Совершенно бесполезно, если Вы и даже самые ловкие сыщики станете его искать. Вот единственные условия, при которых Вы можете получить его обратно: мы

требуем тысячу пятьсот долларов в крупных купюрах; деньги должны быть положены сегодня в полночь в определенный ящик в определенном месте — описание следует ниже.

Если вы согласны на эти условия, то пошлите сегодня вечером в половине девятого Ваш письменный ответ с посыльным. За мостом, через Совиную реку, по шоссе к Пеппелоху, стоят близко у забора, ограждающего поле пшеницы, с правой стороны три больших дерева, отделенных друг от друга приблизительно на пятьдесят метров. У подножья столба в заборе, возле третьего дерева, будет находиться картонная коробочка. Посланный Вами положит ответ в этот ящик и сейчас же уйдет обратно в Гипфельбург. Если вы захотите нас выдать или откажетесь заплатить деньги, вы никогда больше не увидите Вашего сына.

Если же вы уплатите по нашему требованию деньги, Вам вернут его через три часа целым и невредимым. Это наши окончательные условия, и если Вы на них не согласны, нами не будет сделано никаких дальнейших попыток к переговорам.

Два отчаявшихся человека“.

Я адресовал это письмо Дорсэту и сунул его в карман. Я уже собирался уходить, когда ко мне подошел ребенок и сказал:

— Послушай, Змеиный Глаз,— ты сказал, что я могу играть без тебя в Черного Следопыта?

— Конечно, можешь,— ответил я.— Мистер Билль поиграет с тобою. А что это за игра?

— Я—Черный Следопыт — сказал мальчик,— и должен скакать верхом предупредить колонистов, что приближаются индейцы. Мне уже скучно быть самому индейцем. Я хочу быть Черным Следопытом.

— Отлично,— сказал я.— Мне эта игра кажется совсем безобидной. Мистер Билль поможет тебе победить этих дикарей.

— Что же мне придется делать?—

спросил Билль, неприязненно поглядывая на милого мальчика.

— Ты—лошадь,—закричал Черный Следопыт.—Встань на руки и на колени. Как же я могу ездить верхом без лошади?

— Лучше будет, если ты займешь его игрой, пока я выполню наш план, сказал я.—Будь с ним добрее!

Билль встал на четвереньки, и в глазах его было выражение тоски, как у кролика, попавшего в западню.

— Как далеко до колонистов, голубчик?—спросил он хриплым голосом.

— Девяносто миль,—сказал Черный Следопыт,—и ты должен пошевеливаться, чтобы приехать во время. Но! но!..

Черный Следопыт вскочил Биллю на спину и воткнул ему в бок каблук.

— Ради всего святого, Сам,—сказал Билль,—возвращайся возможно скорее. Лучше было бы, если бы мы потребовали всего тысячу. Послушай, ты не топчи меня ногами, а то я встану и задам тебе.

Я прошел в Пеппелах, посидел в почтамте, в лавках, и прислушивался к разговорам входивших туда крестьян. Один бородач сказал, что Гипфельбург очень взволнован исчезновением сына старейшего из горожан, Эбенезера Дорсэта. Я только этого и ждал. Я купил немного нюхательного табаку, спросил тут же о цене бобов, незаметно опустил письмо и поскорее убрался. Почтовый чиновник сказал, что через час заберут почту в Гипфельбург.

Когда я вернулся, в пещере не оказалось ни Билля, ни мальчика. Я обыскал окрестности и даже рискнул крикнуть раза два, но ответа не было.

Тогда я закурил трубку и уселся на поросшую мхом скалу, ожидая дальнейших событий.

Приблизительно полчаса спустя в кустах послышался шорох и на полянку перед пещерой вышел покачиваясь Билль. За ним на цыпочках, с широкой улыбкой на ли-

це, крадся мальчик. Билль остановился и вытер лицо красным платком. Милый мальчик остановился шагах восьми от него.

— Сам,—сказал Билль,—ты, конечно, подумаешь, что я изменник. Но я не мог иначе. Я взрослый человек с мужественными наклонностями и инстинктом самосохранения. Но бывают минуты, когда забываешь все эгоистические планы о могуществе. Я отправил его домой. Все кончено. В старину бывали мученики, предпочитавшие смерть отказу от своих убеждений. Никто из них не терпел таких изгнаний. Я старался не изменять нашим планам. Но всему есть граница.

— Что же случилось, Билль?—спросил я его.

— На мне проехали девяносто миль до колонии и не спустили мне ни одного сантиметра. Когда же колонисты были спасены, мне дали овса. Песок не очень вкусная замена питания! А потом я должен был ему объяснять, почему в дырах ничего нет, как улица может проходить двумя сторонами, и почему трава зеленая. Уверяю тебя, Сам, человек не может больше вынести! Я схватил его за шиворот и стащил с горы вниз. По дороге он исколотил мне до синяков ноги и искусал мне руку и большой палец. Но теперь его больше нет. Он ушел домой.

Я показал ему дорогу в Гипфельбург и помог одним шагом приблизиться к дому на восемь шагов. Мне жаль, что мы теряем выкуп. Но иначе Билль Дрисколь попадет в дом умалишенных!..

Билль вздыхал и сопел, но на его розовом лице было выражение безмятежного спокойствия и все растущего довольства.

— Билль,—сказал я,—в твоей семье нет сердечных болезней?

— Нет,—ответил Билль,—ничего хронического, кроме малярии и несчастных случаев. А в чем дело?

— Тогда обернись и посмотри назад.

Билль обернулся, увидел маль-

чика, изменился в лице, сразу опустился на землю и стал бессмысленно тереть траву и сучки. Я в течение целого часа боялся за его разум. Потом я ему объявил, что мой план—без задержки закончить это дело. Если старый Дорсет согласится на наши условия, мы получим в полночь деньги и сейчас же уйдем из этих мест.

Билль заставил себя слегка улыбнуться мальчугану и даже обещал ему, отдохнув немного, поиграть в войну и быть побежденным.

У меня был определенный план, как я достану деньги, не рискуя попасться. Дерево, под которым должны были положить ответное письмо и деньги, стояло у самого забора, за которым были широкие и пустые поля. Если полиция следила за этим местом, она могла уже издали увидеть человека на дороге или на поле. Так нет же, уважаемые! В половине девятого я сидел на дереве, спрятанный листвой, и ждал прихода посланного.

Точно в назначенное время подъехал на двухколке подросток, нашел картонную коробку, сунул в нее сложенную бумагу и уехал обратно в Гипфельбург.

Я подождал час и затем решил, что все в порядке. Спустился с дерева, достал письмо, пробрался возле забора до леса и через полчаса был в пещере. Я вскрыл письмо и держа его у фонаря, прочел Биллю. Оно было написано пером, очень неразборчиво, и в конечном итоге гласило так:

„Двум отчаявшимся людям.

Джентльмены, я сегодня получил Ваше письмо, касающееся выкупа, который Вы желаете за возвращение мне моего сына. Я думаю, что Ваши требования высоки и в свою очередь делаю Вам предложение, которое вы, по моему мнению, примете. Вы приведете Джони домой и выплатите мне двести пятьдесят долларов чистыми деньгами, и я тогда согласен принять его из Ваших рук. Вы хорошо сделаете, если придете ночью, так как соседи считают, что он пропал, и я не отве-

чаю за то, что они сделают с человеком, который приведет мне обратно моего Джони:

Ваш покорный слуга
Эбенезер Дорсэт“.

— Покровитель всех бандитов! — воскликнул я. — Что за бессовестный!..

Но я взглянул на Билля и замолчал. Я никогда не видел в глазах человека такой мольбы.

— Сам, — сказал он, — что такое, в конце концов, двести пятьдесят долларов! У нас имеются эти деньги. Еще одна ночь с этим ребеночком сведет меня с ума. Не считая того, что м-р Дорсэт настоящий джентльмен, я нахожу, что он еще и расточительный человек, если делает нам такое великодушное предложение. Ты же не захочешь пропустить такой случай?

— По правде говоря, Билль, — ответил я, — этот ягненок порядком действует и мне на нервы. Мы приведем его домой, заплатим выкуп и уберемся отсюда

Мы в ту же ночь привели его домой. Нам удалось уговорить его вернуться, рассказав, что отец купил ему отделанное серебром ружье и мокасины, и что мы завтра отправимся на охоту на медведей.

Ровно в двенадцать часов ночи мы постучались в двери к Эбенезеру. В то самое мгновение, когда, по первоначальному плану, я должен был достать из коробки под деревом полторы тысячи долларов, Билль отсчитывал старому Дорсэту двести пятьдесят долларов.

Когда дитяtko увидел, что мы хотим оставить его дома, он поднял страшнейший вой и вцепился, как пиявка, Биллю в ногу: отец отрывал его по кускам, как пластырь.

— Как долго можете вы его удерживать? — спросил Билль.

— Я не так силен, как прежде, — ответил старый Дорсэт, — но за десять минут, пожалуй, могу ручаться

— Достаточно, — сказал Билль. — В течении десяти минут я пройду центральный, южный и средний запад и скорым шагом направлюсь к Канадской границе.

Несмотря на темноту, на то, что Билли был толстяк, а я хороший ходок, я догнал его только в полутора милях за Гипфельбургом.

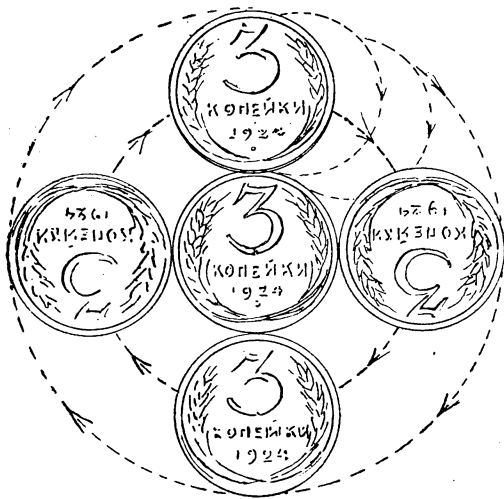
НЕ ПОДУМАВ, НЕ ОТВЕЧАЙ!

ЗАДАЧИ №№ 11 и 12.

— Луна, вращаясь около земли, постоянно обращена к ней одной и той же стороной. Значит, в отличие от земли, которая вращается около оси, луна не вращается?

— Совершенно верно, не вращается.

— Но, позволь, разве ребенок, танцующий вокруг стола, и постоянно обращенный лицом к лампе на столе, не видит попеременно перед собой то одну, то другую, то третью и четвертую стену комнаты. Это то же самое, как если бы он, возвращаясь в исходное положение, совершил один полный оборот около оси своего тела. Также и с луной. Совершая один оборот около земли, она один раз обращается около своей оси. Так вот, не было оборота и оказался все таки оборот. А может случиться и так. Ты скажешь один оборот, а я докажу, что два. Представь себе неподвижное колесо *A* (например, 3 коп. на рис. 1), по окружности которого, начиная с положения 1, катится колесо *B*, одинакового с ним диаметра. Возвращаясь в исходное положение, сколько совершило оборотов колесо *B*?

— Один оборот, потому что длины окружностей одинаковы; значит, каждая точка окружности колеса *B* будет касаться окружности колеса *A* только один раз.

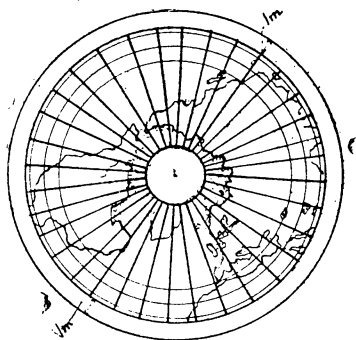
— Неправильно рассуждаешь. Обрати внимание на рисунок монеты. Когда монета *B* придет в положение 2, рисунок окажется сдвинутым на пол оборота, в положении 3—на один оборот, в положении 4—на полтора оборота, а возвращаясь в положение 1—на два оборота.

— Вот беда, построил я забор в 4 метра диаметром около яблони, чтобы от мальчишек оберегать, и приходится еще на метр отодвинуть, большие деньги будут стоить.

— Сколько же?

— Да за тот заплатил по 2 руб. за метр—25 руб., а теперь на половину дороже будет стоить.

— Сейчас проверим: $4 \text{ м.} \times 3,14 = 12,5 \text{ м.}$ на 2 р. = 25 р. — верно, а теперь $6 \text{ м.} \times 3,14 = 18,8 \text{ м.}$ на 2 = 37 р. 60 к., так оно и выходит.

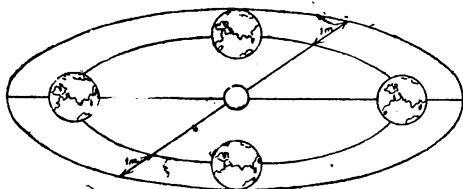
— Хорошо, что мой забор не был вокруг земли, а то представь себе, что это стоило бы. Я рассчитал, что этот метр стоил бы мне тогда около 40 милл. рублей

— Как же это ты считал?

— Да просто. Окружность земли 40 миллионов метров. По 2 руб. это составляет 80 миллионов руб. А теперь на половину дороже, значит 40 миллионов рублей.

— Напрасно тревожишься. И в этом случае новый забор будет стоить дороже старого всего на 12,6 руб., как и у яблони, потому что он будет длиннее старого на те же 6 метров. Считаю сам: диаметр земли—12.740.000 метр., а окружность—в 1-ом случае— $12.740.000 \times 3,14 = 40.003.600$ метр., во 2-ом случае— $12.740.002 \times 3,14 = 40.003.506$ м. Разница 6 метров.

— Даже если бы орбита нашей земли отодвинулась на 1 метр от солнца, то и тогда путь ее вокруг солнца за 1 год увеличился бы всего на те же 6 метров и мы не смогли бы этого заметить даже точнейшими измерениями. Действительно: в 1 секунду земля пробегает 30 километров, так что из за 6-ти лишних метров пути продолжительность года увеличится всего на одну пятитысячную долю секунды.

ОТ ФАНТАЗИИ К НАУКЕ

ОТКРОВЕНИЯ НАУКИ И ЧУДЕСА ТЕХНИКИ.

Возможен ли полет на Луну?

По поводу рассказа „Щит против тяготения“.

Научная заметка директора Института Лесгафта,
профессора Н. А. Морозова (Шлиссельбуржца).

Можно ли заслониться от притяжения к какому нибудь небесному светилу подобно тому, как мы можем заслониться от его света? Этот вопрос тесно связан и с другими:

Можно ли сделать заслон от притяжения магнита?

В обоих случаях мы получили бы источник вечного движения.

Когда я был еще мальчиком, я услышал от кого то, будто магнит не притягивает сквозь стекло, и тотчас сделал опыт.

Под двумя чашками весов с железными гирями я поставил в некотором отдалении два магнита и стал двигать над этими магнитами взад и вперед стеклянную пластинку, думая, что не заслоненный магнит будет один тянуть к себе находящуюся над ним чашку с гирей. Раньше, чем эта чашка прикоснется к магниту, я подводил под нее стекло, думая заслонить им ее притяжение и вместе с тем освободить для притяжения вторым магнитом вторую чашку с гирей.

Розыгравшееся воображение уже рисовало мне, что вслед за тем вместо передвижения стеклянной пластинки рукою я пристрою к коромыслу весов особый рычаг, который сам будет передвигать пластинку из под одной чашки ве-

сов под другую при их достаточном наклоне и я получу источник вечного движения.

Но первый же опыт,—увы!—показал, что тот, кто мне говорил все это, выдал за факт свои собственные неправильные соображения, и только потом я стал догадываться; что причиной такого его утверждения было плохо переваренное учение о магнитных и диамагнитных телах.

Мне было очень грустно разочароваться в своей мечте дать человечеству таким способом вечно работающую машину, но ничего не оставалось делать, как примириться с печальным для меня результатом опыта.

Потом, когда я уже стал юношей и начал заниматься астрономией, для меня возник вопрос о прозрачности небесных светил для силы тяготенья. Если светила не вполне прозрачны для нее,—думалось мне,—то при лунных затмениях, когда вся луна погружается в тень земли, она вся будет заслонена и от притяжения солнцем, а так как лунное затмение, считая и частные из них, продолжаются несколько часов, то это не может не влиять и на движение луны по ее орбите, тем более, что лунные затмения происходят до четырех раз в год.

Аналогичное явление, хотя и в меньшей степени, казалось мне, должно бы происходить и при солнечных затмениях, когда луна заслоняет землю от притяжения солнцем, при чем это обстоятельство должно бы иметь влияние даже и на самое вращение земли: ведь заслон лунного земного шара идет по нему, если считать и частные фазы, широкой полосой от запада к востоку.

Значит, когда затмение происходит на западе земли, то западная часть и освободилась бы от притяжения солнцем, а восточная еще нет, и это должно бы замедлять обращение земного шара вокруг его оси, а когда затмение придет к концу и будет заслонена только восточная часть земли, то должно бы произойти такое же ускорение ее вращения, вплоть до возвращения нормальной скорости ее обычного вращения.

Но всякое изменение скорости вращений земного шара, благодаря инертности его масс, должно возбуждать в них стремление качнуться на нем вперед при замедлении и назад при ускорении. В твердых массах земли это могло бы отозваться землетрясением в тех областях земли, где напряжение внутренних сил уже достаточно близко к естественной катастрофе.

Так как это напряжение возрастает очень медленно, а солнечные затмения часты, то получилось бы нередкое совпадение дней землетрясений с днями солнечных затмений на земле, хотя бы они и случились на противоположной сто-

роне земного шара. Между тем статистика дней землетрясений и солнечных затмений показывает лишь редкие совпадения.

Таким образом, современное естествознание не знает ни одного экрана ни от тяготенья, ни от действия электрической энергии.

Правда, существование магнитных т. е. притягивающихся магнитами и диамагнитных, т. е. отталкивающихся магнитами, тел приводит к идее, что было бы возможно достигнуть то притяжения, то отталкивания, если бы нашлось вещество, способное при некоторых воздействиях превращаться из магнитного в диамагнитное состояние и наоборот, но на такие превращения пришлось бы затрачивать не меньше энергии, чем было бы можно получить от них механической работы.

Точно то же можно сказать и о тяготении.

Изучение явлений, происходящих в кометных хвостах, достаточно показывает нам на существование во вселенной веществ, отталкивающихся от небесных светил, и, само собой понятно, что кометные хвосты, отталкиваясь от солнца, будут отталкиваться и от земли, и от планет, а потому и возможность получить лабораторно вещества, стремящиеся по самой своей природе улечь от земли даже и вне ее атмосферы, ни в каком случае не исключена теоретически, а вместе с тем не исключается и возможность и за атмосферного судосходства, помимо предлагающихся теперь ракетных способов.

Николай Морозов.

Использование теплоты земного шара.

Об этом мечтали еще в то далекое время, когда никто не слышал о паровых машинах, пароходах и железных дорогах. В своей самой первичной форме это использование состояло в том, что горячую воду подземных источников начали проводить в римские термы (бани). Горячими источниками гейзеров давно уже пользуются для целей домашнего отопления в Исландии, и в некоторых местностях Италии. В этой стране, около города Лардерелло, уже лет двадцать работает паром горячих источников несколько паровых машин, развивающих мощность в 3000—4000 лощ. сил, при чем в последнее время приступлено к значительному расширению этих „естественных“ паровых установок.

Но смелая мысль современной техники не довольствуется уже скудными подачками природы и ищет способов поработить для человечества этот новый источник тепловой энергии. Известный английский изобретатель паровой турбины, инженер Парсонс, несколько лет назад выступил со смелым проектом шахты глубиной в 15 верст для устройства там огромного котельного помещения, отопляемого теплотой земного шара. Однако, вследствие трудности и большой стоимости выполнения этого проекта, мысль о прорытии такой шахты была оставлена.

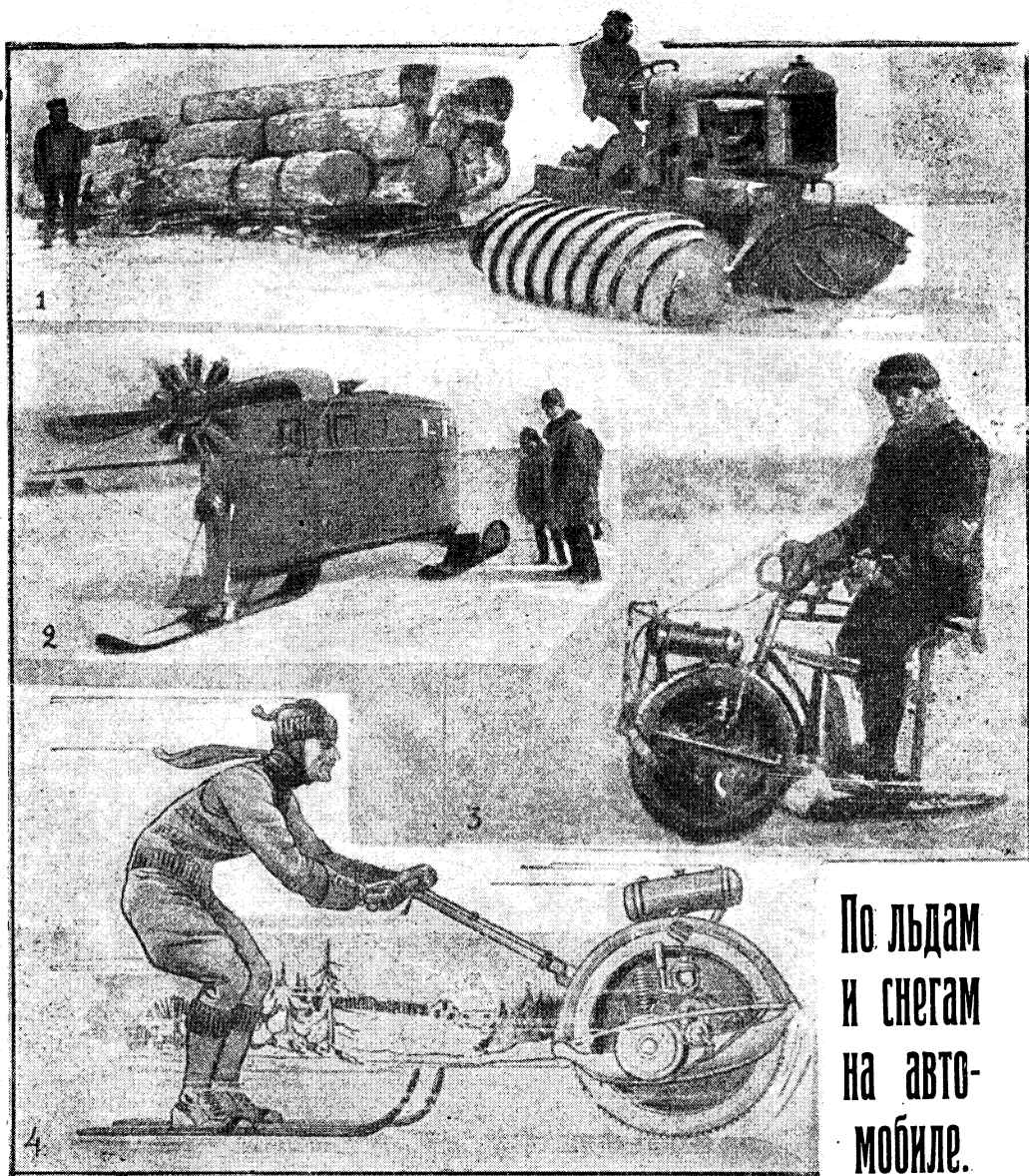
В последнее время появился новый весьма интересный проект германского инженера, Рудольфа Ламмеля, изображенный здесь на рисунке. Он предлагает прорыть две шахты в 3 мили (около 5 верст) глубины—одну прямую, другую с несколькими изгибами. Глубина этих шахт в 2½ раза превышает самые глубокие, вырытые до сего времени шахты. Шахты эти должны оканчиваться в твердой скалистой породе. Допуска увеличение температуры в 1 градус Цельсия на каждые 100 глубины, температура в этих шахтах достигнет 160°.

Перегретый в нижней камере пар подымается по вертикальной шахте и поступает в машинное отделение мощной гидроэлектрической станции, где приводит в движение паровые турбины. Оттуда отработавший пар идет на различные фабрично-заводские предприятия и на отопление городских зданий с центральным отоплением.

Охладившийся пар превращается в воду и идет затем обратно, заставляя работать 4 турбинных гидроэлектрических станции, устроенных в коленях первой шахты.

Автор проекта считает, что при наличии постоянного расхода воды около 12 куб. метров в секунду, можно на такой станции получить мощность в 400.000 электрич. лощ. сил, способных заменить 70.000 тонн угля в день. Быть может еще ближайшее пятилетие увидит начало осуществления подобного рода проектов..

В. Д. Никольский.

По льдам и снегам на авто- мобиле.

Насколько удобно и приятно ездить на автомобиле по хорошей дороге, настолько же неприятно, а подчас и невозможно двигаться на нем по глубокому снегу и гладкому льду. На слишком мягком снегу колеса проваливаются, на гладком льду — колеса „буксуют“ — вертятся на месте, не двигая автомобиля вперед. Поэтому за-границей и у нас давно уже делаются попытки построить аэро-сани (рис. 2), где движение вызывается тягой воздушного винта, вращаемого мотором.

На помещаемом рисунке № 1 мы видим иное решение вопроса. Один американский изобретатель поставил автомобиль на толстые веретенообразные колеса, оси вращения которых параллельны движению автомобиля. На окружности

этих колес, сделанных из тонкого железа, укреплены спиральные выступы, которые при вращении колес как бы ввинчиваются в снег, двигая снежный трактор с прикрепленным к нему караваном с грузом на санях.

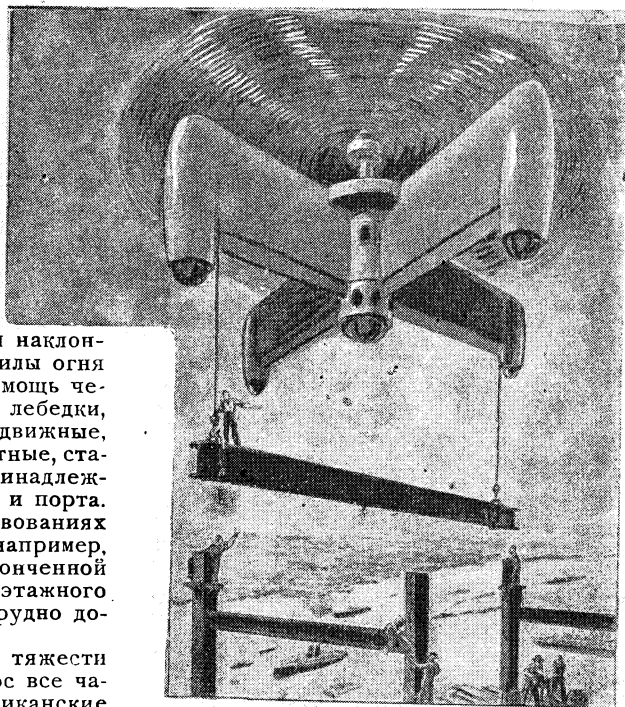
Другой американский изобретатель остроумно соединил в одно — сани и мотоциклет. От саней он взял один полоз, а от мотоциклета одно колесо (рис. 3). Последнее укреплено впереди полоза и снабжено особой покрывкой с металлическими шипами. Скорость этой снежной мотоциклетки доходит до 70—80 километров в час. Изобретатель приспособил свое колесо для лыжного спорта (рис. 4) заменив лошадь тягой одноколесного мотоциклета.

Грузовые винтолеты.

Всем, конечно, известно, что в различных областях техники для подъема тяжелых существует множество особых механизмов, так наз. подъемных кранов, работающих силой пара и электричества. В древнюю пору строительной техники гигантские каменные пилоны и обелиски поднимались силой тысячи рабов, при помощи самых простых приспособлений—блоков, канатов и наклонных плоскостей. Порабощение силы огня и пара во много раз увеличило мощь человека, и всякого рода паровые лебедки, паровые подъемные краны, неподвижные, передвижные, морские и сухопутные, стали совершенно необходимой принадлежностью любого крупного завода и порта.

Но и при всех усовершенствованиях далеко не просто укрепить, например, подъемник на шаткой, незаконченной верхушке строящегося многоэтажного дома, или поднять тяжесть в трудно доступной гористой местности.

Нельзя ли тогда поднимать тяжести прямо по воздуху? Такой вопрос все чаще и чаще задают себе американские техники и изобретатели, работающие сейчас над проектом мощного геликоптера (винтолета). Современные вертолеты едва еще отрываются от земли, находясь в той стадии, в которой находились аэропланы в 1910 году, но прогресс авиации так стремителен, что нет ничего невероятного в том, что техническая фантазия, изображенная здесь на

рисунке, скоро воплотится в действительность, и над строящимися домами-небоскребами с глухим жужжанием будут витать, точно рой потревоженных ос, гигантские вертолеты-подъемники. Колоссальные балки будут нести по воздуху и „насаживаться“ сверху на ждущие их перекрытия.

В погоне за тишиной.

Жизнь, особенно в заграничных крупных центрах, делается с каждым днем настолько шумной и беспокойной, что иногда бывает положительно невозможно сосредоточиться на какой-нибудь мысли, требующей спокойствия и тишины. Даже ночные часы не дают там этого желанного многим безмолвия и нет ничего удивительного, что американские архитекторы серьезно озабочены вопросом, каким способом изолировать хотя бы часть комнат от вторжения туда постороннего шума улицы.

Наилучшим, хотя и довольно дорогим средством считается устройство двойных стен с воздушной прослойкой, поглощающих всякие наружные звуки. Однако дороговизна этого способа натолкнула одного американского изобретателя, Д. Кингстона на устройство звуконепроницаемого шлема, состоящего, как видно на рисунке, из двойной металлической оболочки с прокладкой из пробки и ваты шлема, который абсолютно непроницаем для звука. Свежий воздух доставляется при помощи гибкой трубки, соединенной с кислородным баллоном, а испорченный воздух удаляется через особую насадку. Для глаз устроены два окна, закрытых темным стеклом с прозрачной горизонтальной щелью, позволяющей видеть работающему лишь несколько строк лежащей перед ним рукописи.

Изобретатель уверяет, что его аппарат создает идеальные условия для лиц, занятых серьезной умственной работой, так как удаляет из поля их зрения все внешние впечатления, могущие мешать их мыслительным процессам.

„Переплетенные слова“

под редакцией П. В. Мелентьева.

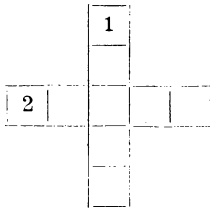
Переплетенные слова (Cross-word, Mots croises, Kreuzworträtsel) завоевали сейчас весь мир. Нет за-границей газеты и журнала, в которых бы этого отдела не было. Головоломка эта, расширяя имеющийся у людей запас слов, безусловно полезна; в Америке она даже введена кое-где в программу курса психологии, как умственная гимнастика.

клетку ставят по букве; рисунок надо заполнить буквами так, что бы при чтении слева направо или сверху вниз получить слова указанного значения. Слово начинается с клетки, в которой стоит цифра, соответствующая цифре при описании значения слова; кончается слово у черного промежутка. Буква, находящаяся в клетке пересечения двух слов, должна быть в обоих этих словах одинаковой.

Суть ее в следующем: В каждую белую

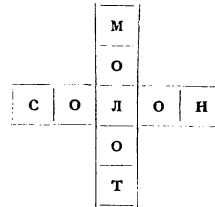
Пример:

Задание

1. Инструмент
2. Древний мудрец

Ответ

1. Молот
2. Солон

Читателям предлагается присылать решения задач исключительно на открытках по следующей форме:

Фамилия.....; Имя.....; Отчество.....;	
Адрес.....	
Задача №.....	
Слова: Горизонтальные: 1....., 2....., 5....., и т. д.,	
„ Вертикальные: 2....., 6..... и т. д.,	
.....	
✓ Считаю, что правильных решений будет прислано	

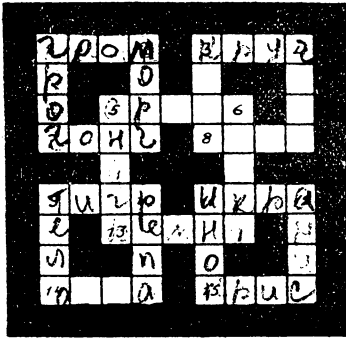
Если не затруднит, то указать и свою профессию.

Срок присылки решений—1 месяц, со дня выхода журнала.

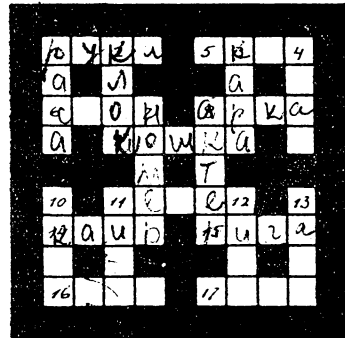
Трое из приславших правильные решения, а именно—чьи ответы наиболее совпадут с действительным числом присланных решений, получают следующую книжку журнала бесплатно.

Ответы присылать: Ленинград, Стремянная, 8, Издательство „П. П. Сойкин“ П. В. Мелентьеву.

Задача № 1.

Задача № 2

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВ

Задача № 1.

Горизонтальных:

1. Шум.
3. Замкнутая кривая.
5. Бесчинство.
7. Азиатский колокол.
8. Скандинавское имя.
9. Хищный зверь.
11. Рыбное лакомство.
13. Передаточные механизмы.
14. Музыкальный инструмент.
15. Малайский кинжал.

Вертикальных:

1. Напиток.
2. Покойницкая.
3. Муза.
4. Хищная птица.
5. Род осла.
6. Лодки.
9. Собственный вес.
10. Овощь.
11. Монах.
12. Пахучее растение.

Задача № 2.

Горизонтальных:

1. Часть тела.
5. Монастырь.
6. Вопль.
8. Ворота.
9. Домашнее животное.
11. Пряность.
14. Египетский город.
15. Прибалтийский город.
16. Электрические силы.
17. Карлик.

Вертикальных:

1. Разновидность людей.
2. Пучок волос.
3. Наказание.
4. Лестница.
7. Порядковое обозначение.
8. Артист.
10. Уклон.
11. Шум.
12. Яд.
13. Имя.

ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ КНИГА

Переплетенные слова. 20 головоломок.

составил П. В. Мелентьев.

Цена 20 коп., с пересылкой 30 коп.

С требованиями обращаться в Изд-во „П. П. Сойкин“, Ленинград, Стремянная, 8.

Издатель: Изд-во „П. П. Сойкин“.

Редактор: Редакционная коллегия.

Почтов. адрес:
ЛЕНИНГРАД
Стремянная, 8

Телегр. адрес:
ЛЕНИНГРАД
Издатсойкин

Телефон № 58-02.

А В Т О Р А М.—Повторяем еще раз: рукописи, присылаемые в Редакцию, должны быть написаны четко, а еще лучше—напечатаны на машинке. Возвращение рукописей менее печатного листа (40.000 букв) для Редакции необязательно. Рукописи, присланные без обозначения условий, оплачиваются по нормам, принятым Издательством.

Е. Л. (Ленинград).—„Лунное золото“—не рассказ, а схема рассказа и довольно наивная.

М. С. (Москва).—„Смертная казнь“ производит странное впечатление. Оттого, что рассказ короткий, он не стал сильным.

Л. Н. К. (Ростов н/Д.).—К сожалению,—неудачно. Быть может, Вы сообщаете и действительный факт, тогда он, конечно, заслуживает отметки в газетной корреспонденции. Но Вы не дали факта в художественном преломлении и не получился беллетристический рассказ. Пишете Вы бойко и характер Вашего письма—публицистический. Что читаете журнал внимательно—нам очень приятно.

Е. Ч. (Нахичевань н/Д.).—„Клятва кровью“—сыщидкая вещь. Таких теперь не печатают, хотя Вы и сдобрили ее политическим соусом.

Х. К. (Тифлис).—„Беглец с о. св. Елены“ и „Ники-Ники“ не подошли. Написано гладко и литературно.

Г. Гримбергу и другим.—За 1925 год имеются книжки журнала „Мир Приключений“ №№ 1—6.

ПО ОТДЕЛУ ЗАДАЧ.

Б. Васильеву. При допущении двукратного прохода первой камеры, задача теряет всякий интерес, давая около 300 вариаций. Поэтому принять ее не можем.

Инж. В. О. Кетнеру.—Предлагаемые Вами задачи высылайте. Если интересны, поместим.

„БИБЛИОТЕКА ЗНАНИЯ“

поступили в продажу книги:

Цена каждой книги 50 коп. с пересылкой.

Можно выслать марками в заказном письме.

ИЗД-ВО „П. П. СОЙКИН“, В ЛЕНИНГРАДЕ.

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ В ТЕЧЕНИЕ ВСЕГО ГОДА.

КАЖДЫЙ НОВЫЙ ПОДПИСЧИК ПОЛУЧАЕТ НЕМЕДЛЕННО ВСЕ ВЫШЕДШИЕ №№ ЖУРНАЛА И ПРИЛОЖЕНИЙ, НАЧИНАЯ С № 1-го.

ВЕСТНИК ЗНАНИЯ

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Ответственный редактор академик-профессор *Вл. М. Бехтерев*.

„ВЕСТНИК ЗНАНИЯ“ знакомит читателей с новейшими достижениями научной и художественной мысли в общедоступном живом изложении, иллюстрируя богатый и разнообразный материал рисунками, портретами, чертежами и репродукциями с картин и фотографий.

ДЕВИЗ ЖУРНАЛА: самодеятельность, самообразование, организованный творч. труд.

СОТРУДНИКИ ЖУРНАЛА: *Бехтерев, Вл. М., акад.; Богданов-Катков, Н. Н., проф.; Бонди, Вл. А.; Большаков, А. М., проф.; Богачевский, Б. Л., проф.; Боцяновский, Вл. Ф.; Быков, П. В.; Вавилов, Н. И., проф.; Вагнер, В. А., проф.; Вейнберг, Б. П., проф.; Васильковский, П. Е., проф.; Генкель, А. Г., проф.; Генкель, Г. Г., проф.; Гервер, А. В., проф.; Глазенац, С. П., проф.; Глинка, К. Д., проф.; Греков, Б. Д., проф.; Груздев, В. С., проф.; Грузенберг, С. О., проф.; Гуров, В. А., радио-инж.; Гуцин, Б. П., проф.; Дебу, К. И., проф.; Державин, Н. С., проф.; Загребин, В. Д., проф.; Коган, П. С., проф.; Козлов, П. К., путеш.; Кош, А. Ф., акад.; Котляревский, Н. А., акад.; Кузнецов, С. С., проф.; Лалина, З. И. зав. ЛОНО; Ловягин, А. М., проф.; Лукоцкий, Вл. К., проф.; Луначарский, А. В., Наркомпрос, проф.; Лященко, А. И., проф.; Малев, А. И., проф.; Марр, Н. Я., акад.; Модзалевский, Б. Л., проф.; Морозов, Н. А., проф.; Найдсон, Г. А., проф.; Немилов, А. В., проф.; Никольский, А. М., проф.; Новорусский, М. В., проф.; Ольденбург, С. Ф., акад.; Оршанский, А. Г., проф.; Палибин, И. В., проф.; Перельман, Я. И.; Платонов, С. Ф., акад.; Позднеев, Д. М., проф.; Пресняков, А. Е., проф.; Рожесвиц, Р. Ю.; Рымкевич, П. А., инж.; Рюмин, В. В., инж.; Салтыков, Л. Н., проф.; Святский, Д. О., проф.; Серебряков, К. К., приват-доцент; Сизов, И. А., проф.; Сивильский, В. В., проф.; Сорохтин, Г. Н.; Сум, Н. Э., проф.; Тан-Богораз, В. Г., проф.; Усов, М. В., проф.; Федченко, Б. А., проф.; Ферсман, А. Е., акад.; Фармаковский, Б. В., проф.; Чехов, Н. В., проф.; Ширяев, А. Г.; Шмидт, П. Ю., проф.; Шокальский, Ю. М., проф.; Штейнберг, П. Н., проф.*

В течение 1925 г. подписчики „Вестника Знания“ получают:

24 №№ ЖУРНАЛА: ОЧЕРКИ И СТАТЬИ ПО ВСЕМ ОТРАСЛЯМ ЗНАНИЯ И ОБЗОРЫ СОВРЕМЕННЫХ ДОСТИЖЕНИЙ ВО ВСЕХ ОБЛАСТЯХ НАУЧНОГО, ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ТЕХНИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА.

12 КНИГ ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫХ СОЧИНЕНИЙ, в общедост. форме знакомящих читателей с прогрессом современного знания и техники.

- КНИГА 1. ПОЗНАНИЕ ПРИРОДНЫХ БОГАТСТВ СССР. Акад.-проф. *А. Е. Ферсмана*
- КНИГА 2. РАБОТА ГОЛОВНОГО МОЗГА. Акад.-проф. *Вл. М. Бехтерева*.
- КНИГА 3. ПОРАБОЩЕННЫЕ СИЛЫ ПРИРОДЫ. Инж. *П. А. Рымкевича*.
- КНИГА 4. НАУКА О ЧЕЛОВЕКЕ. Проф. *В. В. Передольского*.
- КНИГА 5. В МИРЕ НЕЗРИМЫХ РАБОТНИКОВ ПРИРОДЫ. Проф. *А. Г. Генкеля*.
- КНИГА 6. УСПЕХИ СОВРЕМЕННОЙ ХИМИИ. Проф. *К. И. Дебу*.
- КНИГА 7. НАУКА О МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ. Проф. *Б. В. Фармаковской* и проф. *Б. Л. Бгаевского*.
- КНИГА 8. ГРЕЗЫ И ДУМЫ ВОСТОКА. Очерки литературы Персии, Японии и Китая. проф. *Г. Г. Генкеля*.
- КНИГА 9. МИКРОСКОП, КАК ЕГО САМОМУ СДЕЛАТЬ. Приват-доцента *К. К. Серебрякова*.
- КНИГА 10. ПРОСТЕЙШИЕ ПРИЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЧВ В ПОЛЕ. Заслужен. проф. *К. Д. Глинки*.
- КНИГА 11. КАК САМОМУ ПОСТРОИТЬ ПРИЕМНУЮ РАДИО-СТАНЦИЮ. Радиоинжен. *В. А. Гурова*.
- КНИГА 12. ИЗУЧЕНИЕ БЫТА НАРОДОВ. *А. Д. Александрова*.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на журнал «Вестник Знания» **8 РУБЛЕЙ** Допускается рассрочка: при подписке на год с прилож. 12 кн. ежемесячных приложений с перес. 4 р., к 1 июля 2 р., к 1 сентября 2 р.

При коллективной подписке рассрочка на 8 мес. по 1 руб.

„ВЕСТНИК ЗНАНИЯ“ имеется в продаже во всех киосках на железных дорогах и у газетчиков. Цена номера 50 коп.

Подписка принимается в Главной Конторе Издательства «П. П. Соинин» Ленинград, Стремянная, д. № 8.

Литография арендованная В. Д. Горюхиным, Ленинград, Ковенский 14.

Ленинградский Гублят № 16501

25000 экз.